

ЧУДО НА ОЗЕРЪ

Copyright, 1931, by M. A. Ossorguine

МИХ. ОСОРГИНЪ

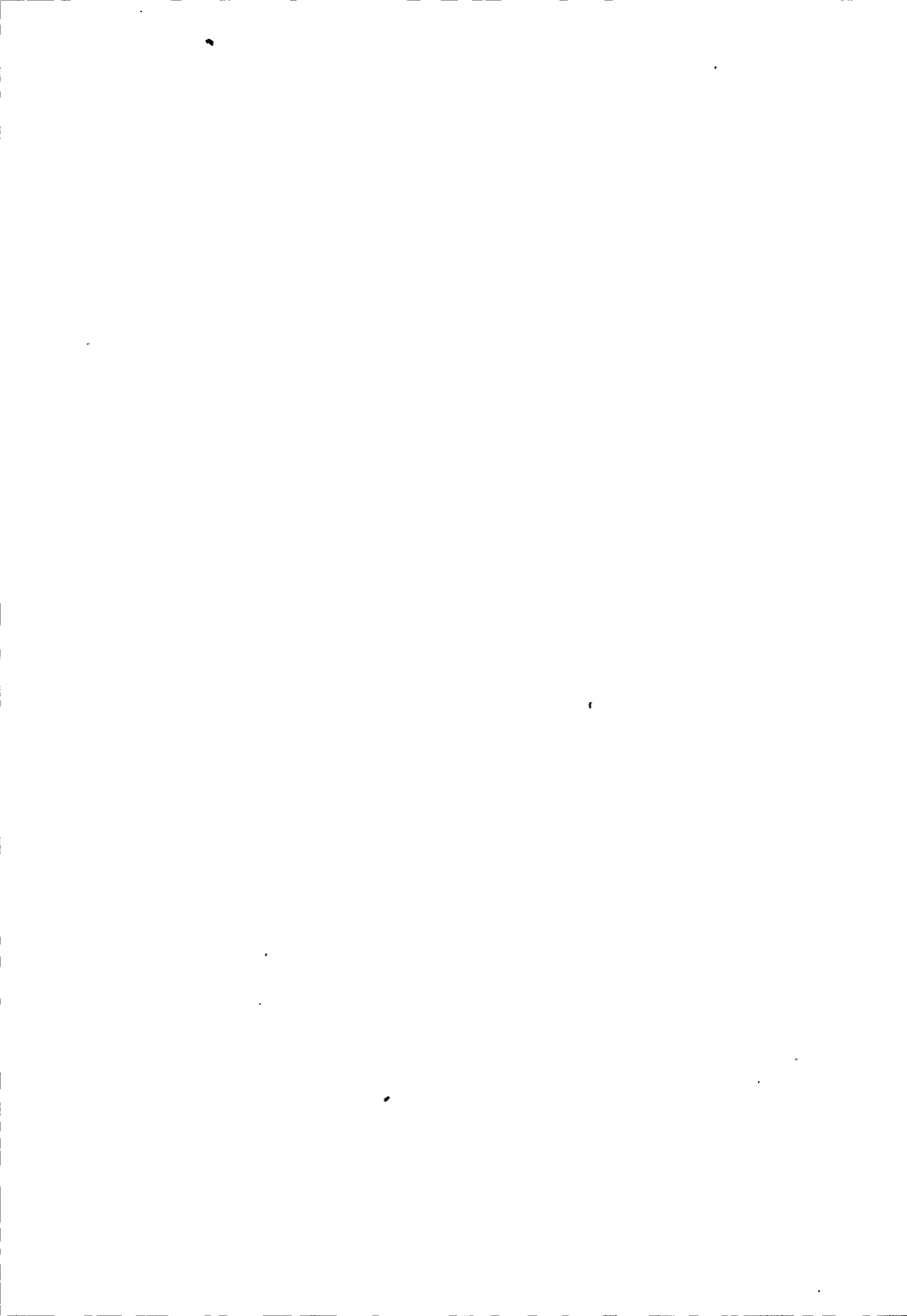
ЧУДО НА ОЗЕРЪ

Из-во „Современныя Записки“

106, rue de la Tour, Paris 16^e

1931

ЗЕМЛЯ

I

Заботами милаго друга я получилъ изъ Россіи небольшую шкатулку корельской березы, наполненную землей.

Я принадлежу къ людямъ, любящимъ вещи, не стыдящимся чувствъ и не боящимся кривыхъ усмѣшекъ. Было и давно прошло время, когда эти усмѣшки меня смущали. Въ молодости это простиительно и понятно: въ молодости мы хотимъ быть самоувѣренными, разумными и жестокими: рѣзко отвѣчать на обиду, владѣть своимъ лицомъ, сдерживать дрожь сердечную. Но тягость лѣтъ побѣждаетъ, и строгая выдержанность чувствъ уже не кажется лучшимъ и главнѣйшимъ. Вотъ сейчасъ, таковъ, какъ я есмь, я готовъ и могу преклонить колѣни передъ коробочкой съ русской землей и сказать вслухъ, не боясь чужихъ ушей:

— Я тебя люблю, земля, меня родившая, и признаю тебя моей величайшей святыней.

И никакая скептическая философія, никакой умный космополитизмъ не заставятъ меня устыдиться моей

чувствительности, потому что руководить мною любовь, а она не подчинена разуму и расчету.

Земля въ коробкѣ высохла и превратилась въ комочки бурой пыли. Я пересыпаю ее заботливо и осторожно, чтобы не распылить зря по столу, и думаю о томъ, что изъ всѣхъ вещей человѣка земля всегда была самой любимой и близкой:

«Ибо прахъ ты — и въ прахъ обратишься».

Ранней весной снѣжная пелена мокрѣтеть, покрывается хрупкой стеклянной корочкой, а изъ водосточныхъ трубъ свисаютъ сосульки. Потомъ, въ очень солнечный день изъ подъ снѣга показывается земля: въ городѣ — раньше, въ деревнѣ — позже. Дороги слякотны и невозны, и полозья саней сквозь грязное мороженое чиркаютъ по камнямъ мостовой. Дворникъ по лѣстницѣ забирается на крышу, мимо окна падаютъ полныя лопаты снѣга, а прохожій обходитъ домъ, чтобы не попало ему за шиворотъ. Затѣмъ случается одна странная ночь съ теплымъ ливнемъ — и на утро люди, шлепая по лужамъ, объявляютъ другъ другу замѣчательную новость:

— Весна?

— Весна!

— Какъ сразу все стаяло!

— Въ одну ночь!

Это не очень вѣрно, потому что весна пришла раньше и давно уже топила снѣгъ, только она была въ шубѣ — не такъ замѣтно.

Широкой полосой, отъ морей, надвигалось на насъ солнце. Зарождалось оно, тусклымъ и маленькимъ, гдѣ то въ Европахъ (однимъ словомъ не у насъ), а къ намъ, къ Уральскимъ нашимъ горамъ, приплывало огром-

нымъ, теплымъ и ароматнымъ. Гдѣ оно шло, свѣтлымъ хвостомъ сметая послѣдній снѣгъ, тамъ просыпалась и нѣжилась черная и жирная земля, а проснувшись — сразу за работу.

И тогда отецъ говорилъ:

— Ну, Мышка, хочешь со мной цвѣты пересаживать?

Мышку объ этомъ излишне спрашивать, развѣ что, такъ, шутя.

День воскресный, свободный. Съ утра принесли нѣсколько ящиковъ черной земли, хоть и влажной, а сыпучей.

Сада у насъ при домѣ нѣтъ, — да еще и рано высаживать цвѣты на вольный воздухъ: весна, она — коварная, можетъ невзначай хватить морозомъ. Но есть у насъ при квартирѣ большая и свѣтлая комната, въ три свѣта, гдѣ много растений, и нашихъ, здѣшнихъ, и чужихъ, иноземныхъ. Нашъ маленькій зимній садъ. Есть въ немъ даже пальмы, есть лимонъ, есть нѣсколько кактусовъ, есть фикусъ эластикъ, длинный и тощій, на блестящихъ листьяхъ котораго очень хочется что-нибудь написать иголкой. Напишешь — такъ и останется, зарубцуется на всю зиму.

И отецъ говоритъ:

— Разстилай газеты.

Самая удобная газета была «Новое Время», большая, много листовъ, однихъ объявленій о кухаркахъ и горничныхъ — двѣ страницы. Надъ этой газетой отецъ держитъ на вѣсу цвѣточную банку, слегка наклонивши и похлопывая по бокамъ ладонью. И вотъ сыплется на газету лежалая и затхлая земля съ блѣдными букашками, за ней освобождаются сплетшіяся нити тонкихъ бѣлыхъ корешковъ. Все это нужно дѣлать осторожно. А потомъ беремъ банку побольше, на дно кладемъ че-

репокъ, чтобы не засаривалась дырочка, насыпаемъ на четверть прекрасной свѣжей землей — и пересаживаемъ съ любовью и великимъ стараніемъ. Отецъ держитъ растеніе, а я пересыпаю землей корешки. Доверху наполнивъ и слегка умявъ пальцами — отставляемъ въ сторонку и любуемся.

— Готово. Считай, Мышка, — разъ!

— Разъ!

— Теперь давай второе.

— Два!

— Нѣтъ, подожди считать, еще не готово. Осторожнѣе! Подсыпай тихонько. Еще, да посмѣлѣе. Насыпай доверху. Вотъ такъ. Ну, Мышка, теперь считай — два!

— Два!

Такъ понемножку, отъ герани и флексовъ, добираемся до фикуса и даже до пальмъ. Когда пересадимъ пальму въ новый деревянный боченокъ, — зовемъ маму.

— Смотри, мама, хорошо?

— Да, хорошо.

— Надо ее поставить пониже, а то она совсѣмъ въ потолокъ упиралась.

— Да, — говоритъ мама, — и поближе къ окнамъ, чтобы было ей свѣтлѣе. Сейчасъ солнца много.

Отецъ переноситъ пальму и поетъ на мотивъ марша изъ «Фауста»:

Къ о-окнамъ, да, къ окнамъ побли-и-же-е,

Ро-остомъ, да ростомъ пони-и-же-е!

— Ну, Мышка, теперь бей въ барабанъ.

И я весело колочу цвѣточными палочками по табурету.

Такая радость съ отцомъ пересаживать цвѣты въ новую землю!

Руки по локоть въ землѣ и даже на зубахъ хруститъ. И пахнетъ земля весной, а на улицѣ весна землей пахнетъ. Вотъ пройдетъ мѣсяць — въ деревню поѣдемъ, въ Загарье, на рѣчкѣ Егошихѣ.

Осторожно и любовно пересыпаю землю въ коробкѣ корельской березы. Мы — люди отъ земли, крѣпко съ нею спаяны.

Не сумѣю точно сказать, откуда пришли мои предки, хотя думаю — изъ странъ варяжскихъ. Въ мое время считалось неприличнымъ заниматься предками: словные предразсудки. Но, придя изъ странъ варяжскихъ, воевали они, конечно, не долго: осѣли на землѣ; одни жили близъ Муромъ въ своихъ деревняхъ, другіе спустились пониже и повернули къ востоку, къ степямъ и къ монголамъ. Для меня же ихъ исторія начинается только съ прабабки, портретъ которой висѣлъ у насъ въ столовой, да съ дѣда и бабки, имена которыхъ я соединилъ въ своемъ.

Портретъ прабабушки блисталъ не красотой, а строгостью. Старая, въ чепцѣ, губы поджаты, вся въ темномъ глубокомъ фонѣ, а круглая рамка портрета обтянута собраннымъ въ складки чернымъ крепомъ. Откуда ни взглянешь на старуху, прямо ли, сбоку ли, — она смотритъ въ глаза пристально сурово и осуждающе.

И такая вышла странная исторія. Висѣлъ этотъ портретъ еще въ домѣ моей бабушки, въ ея уфимскомъ имѣньѣ. И висѣлъ такъ, что его было видно черезъ двѣ комнаты — посередкѣ стѣны. И вотъ однажды бабка моя сидитъ какъ разъ за двѣ комнаты отъ портрета и чувствуетъ — безпокойно ей. Словно бы кто то стоитъ за спиной — а быть тамъ некому. Наконецъ, не

выдержала, обернулась и увидела ясно, что портретъ покойницы подманиваетъ ее глазами, чтобы шла поскорѣе. Бабушка встала, положила мотокъ цвѣтной шерсти на пяльцы и пошла черезъ комнаты прямо къ портрету. И только вышла изъ своей комнаты — какъ въ ней обвалился потолокъ — и пяльцы въ щепы. Такъ портретъ выманилъ ее и спасъ.

Вотъ какъ бывало въ старые годы. Нынче такъ уже не бываетъ. Сколько разъ — помню — разверзалась подъ моими ногами земля и сколько разъ на голову рушилось небо, — и никто не пришелъ спасать. Когда мы порываемъ связь съ землей и со всѣмъ нашимъ прошлымъ, — гибнуть вмѣстѣ съ нимъ и легенды, а намъ остается лишь отголосокъ старой пѣсенки, да вчера прочитанный приключенческой романъ.

Прабабушкинъ портретъ и у насъ висѣлъ посередкѣ стѣны, такъ, что смотрѣлъ онъ прямо на двери сосѣдней комнаты. И частенько бывало — глядишь на него издали — и жуть беретъ: а вдругъ онъ поманить глазами, и если сейчасъ же не подойдешь къ нему, то обрушится потолокъ. Особенно жутко было подъ вечеръ, въ сумерки; днемъ же ничего — днемъ прабабушка была поласковѣе, старенькая, усталая. Иной разъ, прямо на носъ ей садилась муха и чистила лапками крылья.

А вотъ бабуку свою я зналъ живой, незадолго до ея смерти. Когда мы съ отцомъ приѣхали въ Уфу, гдѣ онъ много лѣтъ не былъ, мнѣ шелъ тринадцатый годъ. Бабушка жила въ своемъ старомъ городскомъ домѣ, деревянномъ, уютномъ, заставленномъ ветхой мебелью. Когда шли обѣдать, я велъ ее подъ руку въ столовую, и были мы съ ней одного роста, потому что отъ тягости большихъ лѣтъ бабушка стала совсѣмъ низенькой. А съ ней жила такая же маленькая и сгорбленная старуш-

ка изъ бывшихъ крѣпостныхъ, няньчившая моего отца и всѣхъ его сестеръ и братьевъ.

Сейчасъ, послѣ бури, пронесшейся надъ нашей страной, врядъ ли можно найти сохранившійся чудомъ уютный уголокъ, гдѣ такъ пахнетъ сухими травами и прошлымъ. Въ комнатахъ бабушки каждая вещь и каждая вещичка имѣли почтенный возрастъ и свою несложную бытовую исторію. Были, на примѣръ, стулья и кресла крѣпкіе, и были послабѣе, а одно кресло стояло въ углу и на него садиться не слѣдовало, потому что оно было хромымъ. И про каждый стулъ бабушка знала, почему онъ ослабѣлъ, въ чемъ его болѣзнь и что съ нимъ когда приключилось. На то кресло, что стояло въ углу, сѣлъ однажды толстенный человѣкъ, бабушкинъ знакомый, и ножка подломилась, да такъ и осталась безъ починки, только была подвязана веревочкой; прошли мѣсяцы, потомъ года, и кресло-инвалидъ вошло въ бабушкину жизнь со своимъ хроническимъ недугомъ, такъ что теперъ его чинить было уже нельзя, нехорошо, какъ нехорошо старому человѣку молодиться и притворяться подросткомъ. Каждая царапинка на мебели и каждое еле замѣтное пятнышко на старой ковровой скатерти были бабушкѣ извѣстны, и съ появленіемъ ихъ связано было въ памяти ея какое-нибудь событіе, для насъ пустое, а для бабушки значительное. Такимъ образомъ, все, что бабушку окружало, было какъ бы живымъ календаремъ ея жизни, записью прожитыхъ лѣтъ. И сама она была живой хронологіей; никогда не говорила: «Это было въ такомъ то году», а неизмѣнно поясняла: «Это еще когда у Нагаткиныхъ случился пожаръ» или «когда Андрюша женился». Тягость дней и великую силу времени бабушка знала хорошо и ясно выражала. У нея былъ альбомчикъ стиховъ, который она любила показывать, особенно одну страничку

съ изображеніемъ голубка и дерзкимъ стихотвореніемъ:

Ахъ, право, хуже оплеухи,
Какъ, не выдавшись тридцать лѣтъ,
Найдешь въ развалинахъ старухи
Любви восторженный предметъ.

Ахъ, Маша, въ прежніе годочки
Съ тобой встрѣчались мы не такъ;
Тогда ты нюхала цвѣточки—
Теперь ты нюхаешь табакъ.

И бабушка прибавляла: «Вотъ ужъ вѣрно-то!».

Еще показывала она портретъ своего дорогого покойника, не тотъ, что висѣлъ на стѣнѣ, написанный мѣстнымъ художникомъ и вставленный въ золотую рамку, а другой маленькій, нарисованный карандашемъ и заклеенный сверху прозрачной бумагой, чтобы не стерся. Это былъ портретъ моего дѣда. Большелобый, съ фамильнымъ нашимъ носомъ, онъ изображенъ сидящимъ въ креслѣ, а во рту чубукъ огромнѣйшей трубки. На головѣ дѣда шапочка, вродѣ ермолки, а на лицѣ довольство и покой. Я такъ его и представлялъ: хорошее лѣтнее утро, дѣдъ сидитъ на террасѣ или у окна усадьбы и смотритъ, какъ подъ окномъ дѣвка Малашка тащитъ молоко утренняго удоя. Послѣ, читая Тургенева, а особенно Аксакова, нашего родственника, я мысленно иллюстрировалъ ихъ писанія карандашнымъ портретомъ дѣда. А рядомъ съ нимъ я видѣлъ бабушку, только не такой старенькой и согбенной годами, а много моложе, вродѣ моей матери, и непременно въ бѣломъ платьѣ и съ высокой прической. Мнѣ, жившему всегда въ провинціальномъ городѣ, помѣщичья жизнь была знакома только по литературѣ. И, конечно, мнѣ

было совсѣмъ чуждо то чувство гордости, которое слышалось въ словахъ бабушки:

— Ты помни, что мы не какіе-нибудь, а столбовые. Дворянъ много, а столбовые всѣ на счету, записаны въ одну книгу.

Мнѣ эти «столбовые» представлялись высокими, бѣлыми, вытянутыми, шагающими на несогнутыхъ ногахъ. Но даже если бы я попробовалъ окружить ихъ въ своемъ представленіи нѣкоторымъ ореоломъ, — литература, которую я жадно поглощалъ въ гимназіи, скоро вывѣтрила бы изъ меня такое о нихъ представленіе. Бабушка напрасно старалась внушить мнѣ уваженіе къ мнѣ невѣдомымъ предкамъ.

Въ первый же день приѣзда нашего она мнѣ говорила:

— Проси отца свозить тебя въ имѣнье, посмотришь нашу землю. Земли то теперь мало осталось, все раздѣлено, да распродано, а все же взглянуть тебѣ нужно, потому что отъ этой земли ты и произошелъ. Можетъ быть, когда вырастешь большой, на землю вернешься и станешь хозяиномъ; надо за послѣдній кусочекъ держаться крѣпко.

Земли этой я такъ и не повидалъ, потому что отецъ мой, вскорѣ по приѣздѣ въ родной городъ, внезапно заболѣлъ и умеръ.

Рано умеръ мой отецъ, рано и напрасно. Хорошо уйти, когда стала земля въ тягость и манить отдыхомъ. Но онъ былъ еще молодъ и любилъ землю по-иному: не за покой, а за жизненную ея силу. Я его спрашивалъ:

— Папа, откуда берется дерево?

— Изъ сѣмени.

— Такъ вѣдь сѣмя маленькое, а дерево вонъ какое; остальное то откуда?

— Остальное изъ земли, изъ ея соковъ.

— И листья, и стволъ, и все?

— Все, Мышка, изъ земли. И дерево, и ты, и я. Все живое, и все мертвое, если только есть что нибудь мертвое. А вотъ пойдѣмъ-ка лучше копать родникъ подъ горой.

Въ деревнѣ мы жили на холмикѣ, а по ту сторону за рѣчушкой былъ лѣсъ, взбѣгавшій въ гору и уходившій въ такую даль, что помѣстились бы на его пространствахъ, въ дружномъ и свободномъ сожитіи, ни изъ за чего не споря и не воюя, Франція и Германія. По опушкѣ этого лѣса мы часто бродили, и любимое занятіе отца было открывать новые родники свѣтлой и холодной воды. Одно мѣсто онъ облюбовалъ на склонѣ горы между лѣсомъ и деревней: тамъ была густа трава, и кустарникъ, свѣжій и пышный, окружилъ крохотную покатуя полянку: тутъ непременно быть скрытому роднику!

И вотъ отецъ беретъ заступъ, а я малую лопату, и потихоньку ускользаемъ изъ дому, а то мама скажетъ:

— Опять перепачкаетесь и Мышка ноги промочить. Что за страсть копать въ лѣсу землю, точно кладъ ищите!

Отецъ на пути говоритъ:

— А вѣдь это кладъ и есть. Не было воды и вдругъ — вода! И какая вода, — чистая и холодная, какъ ледъ. Правда, Мышка?

Ужъ значить правда, если это папа говоритъ. У него была улыбка, добрая и немного насмѣшливая.

Пробирались въ кольцо кустарника, и отецъ внимательно осматривалъ почву:

— Быть тутъ ключу живой воды!

Земля мягкая, какъ сыръ; только корни травъ прѣзать. Городскимъ башмакомъ налегаетъ отецъ на заступъ, а я смотрю. Какъ это онъ все знаетъ: только

вырылъ яму въ аршинъ глубины, ровенькую и аккуратную, какъ сразу же начала ямка наполняться водой, правда, грязной. Но эта сбѣжить — дальше будетъ чистая. Отъ ямки отецъ прокапываетъ канавку по скату холма, и тутъ начинается работа для меня: убрать землю подальше, перемазаться и промочить ноги. Все удивительно удачно.

— Папа, а какъ ты угадалъ?

— Видишь: внизу есть болотце. Откуда ему быть? Значить, въ горкѣ скрытый ключъ. Вотъ мы до него и докопались.

— Нужно будетъ укрѣпить землю, — говорю дѣловито.

Дѣло это мнѣ извѣстно. Чтобы новый родникъ не затянуло землей, мы укрѣпляемъ землю въ ямкѣ кольями, переплетаемъ вѣтками, а потомъ принесемъ и поставимъ желобокъ для стока.

Теперь къ этому ключу будутъ ходить крестьяне съ ведрами, потому что вода въ рѣчкѣ не вкусная, и бѣлье въ ней стираютъ. А нашъ ключъ свѣтлый, вода процѣжена черезъ землю, холодна и сладка. Уже на другой день не останется въ ней никакой мути.

Такъ открывали клады. А то бродили по лѣсу и любовались всѣмъ, что породила земля, — и деревомъ, и травой, и ягодой, и грибомъ, и всякой букашкой. Я былъ ~~малымъ~~ мальчишкой, а отецъ мой былъ судьей, но были мы равны въ наслажденьѣ родной природой. —

Между берегомъ рѣки Бѣлой, гдѣ были пристани, и городомъ, на серединѣ пути, было, а можетъ быть и сейчасъ цѣло, большое кладбище; земля на немъ немного глинистая. Первый комочекъ земли велѣли бро-

силь мнѣ, и помню, какъ онъ стукнулъ о крышку отцовскаго гроба. Потомъ бросали всѣ родные и еще какіе то старые и молодые люди, которыхъ я раньше не видалъ. Одинъ изъ нихъ, совсѣмъ сѣдой, но крѣпкій, высокій и строгій, подошелъ ко мнѣ, мальчику, подаль мнѣ руку, пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

—Похожъ ты на батюшку своего, на покойника; это хорошо. Будь и ты такимъ, какъ онъ. Хоть и постарше его, а былъ я ему въ старое время большимъ пріятелемъ и даже, могу сказать, другомъ. Не чаялъ пережить, а вотъ довелось увидѣть, какъ приняла его земля, наша общая кормилица. Тутъ гдѣ-нибудь рядомъ и мнѣ лежать.

Кто онъ былъ — не знаю, а слова его помню; особенно про сходство мое съ отцомъ и про землю, общую кормилицу.

Любовь къ землѣ, страстная къ ней тяга, я бы даже сказалъ — мистическое ей поклоненіе, не къ землѣ-собственности, а къ землѣ-матери, — къ ея дыханію, къ прорастающему въ ней зерну, къ великимъ тайнамъ въ ней зачатія и къ ней возврата, къ власти ея надъ нашими душами, къ сладости съ ней соприкосновенія, — это дѣйствительно осталось во мнѣ на всю жизнь. Если это — атавизмъ, нечаянное наслѣдіе сидѣвшихъ на землѣ предковъ, — то да здравствуетъ атавизмъ, потому что болѣе священнаго и возвышающаго чувства я не знаю; даже чувство самой крѣпкой любви къ женщинѣ есть, по моему, производное отъ преклоненія передъ притягающей и плодотворной силой земли. Но не портретами и не бархатной книгой внушается такая любовь. Она входитъ въ человѣка незамѣтно, чаруя его видомъ первой весенней проталины, заражая радостью проснувшагося къ новой жизни поля, изумляя пышностью и многоцвѣтностью земныхъ покрововъ, безпре-

ривно твердя ему, что всѣ человѣческія достиженія — не побѣда надъ природой, а лишь неуклюжее и очень жалкое подражаніе ея творчеству, потому что комаръ безконечно совершеннѣе самолета, рыба — подводной лодки, а строительный геній пчелы, муравья, любой семейственной букашки, — въ человѣческой средѣ равнаго себѣ не имѣть. И все это только потому, что никто изъ этихъ существъ не считаетъ себя господиномъ земли и побѣдителемъ природы, не стремится наивно властвовать надъ своей матерью и своей первопричиной, не измѣняетъ любви ради мелкаго тщеславія.

Но, быть можетъ, больше всего я люблю землю за то, что я вижу въ ней олицетвореннымъ понятіе вѣчности; въ ней прошлое слито воедино съ будущимъ, мое прошлое съ моимъ будущимъ. Чудеснымъ и никому невѣдомымъ образомъ она вызвала къ жизни мое маленькое существоаніе, позволила мнѣ проползти по ней отъ вѣчности къ вѣчности, отъ небытія къ небытію, — и такъ же чудесно и необъяснимо призоветъ меня обратно:

«Ибо прахъ ты — и въ прахъ обратишься».

II

Признакъ чего — если мысль, свершивъ назначенный ей кругъ исканій, увѣренностей и сомнѣній, приводитъ человѣка къ чувствительнымъ воспоминаніямъ о дѣтскихъ годахъ и къ образамъ, окутаннымъ дымкой давно-прошедшаго? Можетъ быть — признакъ вплотную подошедшей старости? Жажда подвести итоги? Желаніе предстать съ готовымъ отчетомъ?

Не думаю. Жизнь не въ цифрахъ, и ничья рука за отчетомъ не протянется. Тутъ иное: неизбѣжная пере-

ощѣнка и того, что казалось незначительнымъ, и того, чему придавалась непомѣрная важность. Пустякомъ представлялась дѣтская книжка, маленькое открытіе, голосъ матери, отцовская шутка; и мучительно сложной казалась житейская борьба за достоинство и независимость человѣческой мысли, за разумность общественныхъ отношеній и справедливость дѣлежа духовныхъ и житейскихъ благъ. Но идутъ года — и на кованой бронзѣ убѣжденій отлагается зелень мудрости, та самая, которую не умѣютъ поддѣлывать фабриканты предметовъ старины. И вотъ опять — какъ въ дѣтствѣ — личное выступаетъ впередъ, заслоняя вопросы, надъ которыми мы такъ долго и такъ напрасно работали.

Склонившись надъ коробочкой изъ корельской березы, надъ этой урной земли московской, я перебираю въ памяти, какъ долго, упрямо и досадливо я старался замѣнить для себя эту горсточку сѣрой пыли — всѣмъ земнымъ шаромъ, и какая неудача постигла навивную попытку.

Песчинки земли, которыя я пересыпаю спокойной рукой, нечаянно обращаются въ многоцвѣтный бисеръ и загораются свѣтомъ. Это уже не тонкая струйка, а искрометный водопадъ. Потомъ мнѣ начинаетъ казаться, что передъ моими глазами дрожить и колеблется, и мелькаетъ цвѣтными просвѣтами золотая сѣтка. Она дразнить глазъ причудой рисунковъ, страннымъ переплетомъ картинъ и событій, когда то поразившихъ меня и теперь перемѣшавшихся въ памяти мозаичной неразберихой. Мнѣ хочется остановить это непрерывное мельканье, выхватить изъ волшебнаго букета нѣсколько самыхъ простенькихъ цвѣтковъ и удержать ихъ невредимыми, когда краски опять поблекнутъ и слиняють. Я напрягаю зрѣніе, протягиваю руку — и всей горстью хватаю пустоту; только взглянувъ спокойно, я ви-

жу, что между пальцами моей руки застряла одна-единственная сѣренькая песчинка.

Я долго берегу ее, перекаत्याю на ладони, и ищу то маленькое слово, которое могло бы развязать клубокъ моей мысли и стать началомъ простаго разсказа.

**
*

Въ учебникахъ географіи Янчевскаго и исторіи Иловайскаго многажды названо имя Рима. Но Римъ былъ для насъ лишь красивымъ звукомъ, а красивыхъ звуковъ было вообще не мало. Звуками, исполненными смысла и дѣйствительнаго значенія, были такія имена, какъ Казань, Екатеринбургъ, въ болѣе далекихъ мечтахъ — Петербургъ и Москва.

Совсѣмъ же близкимъ именемъ, кромѣ имени роднаго города, было Загарье, маленькая лѣсная деревушка, куда мы всей семьей переселялись на лѣтніе мѣсяцы.

Мы жили тамъ на чистой половинѣ крестьянской избы, сложенной изъ еловыхъ бревенъ, проконопаченныхъ паклей. За стѣной мычала и жевала корова, а въ паклѣ жило много тысячъ клоповъ. Иныхъ дачъ и курторовъ въ нашей провинціи по тому времени еще не было. Зато тутъ было безконечно много земляники, малины, смородины, брусники, грибовъ, и воздухъ былъ хвоенъ.

Этотъ одноэтажный бревенчатый замокъ, качаясь въ воздухѣ, всплываетъ въ моей памяти надъ мраморомъ и сѣдиной настоящаго Рима, въ которомъ я позже жилъ въ высококомъ домѣ окнами на Ватиканъ. А рѣченка Егошиха, черезъ которую я мальчикомъ перепрыгивалъ, а отецъ мой спокойно перешагивалъ, смѣется надъ Рейномъ, Дунаемъ и морями, омывающими берега Европы.

Намъ, мѣняющимъ страну на страну, земной шаръ уже не кажется огромнымъ. Безъ труда мы соединяемъ земли съ землями мысленной чертой черезъ океанъ. Мы привыкли къ смѣнѣ языковъ, неточно совпадающей съ границами, и къ повторяемости людскихъ обычаевъ въ разныхъ климатахъ и подъ разными широтами. Тѣмъ изъ насъ, кто, какъ я, вынужденъ былъ блуждать по чужимъ землямъ два срока, и до и послѣ войны, за количество убитыхъ названной великой, — хорошо знакома и разница отношеній къ намъ, гражданамъ шестой части земной поверхности: отъ корыстнаго обожанія — до небрежной заносчивости. Но бывалаго не удивишь: онъ умѣетъ ждать

И вотъ я вспоминаю, какъ я пытался — и не безъ успѣха — подмѣнить свое потерянное, простое и невзрачное, роскошью найденнаго чужого. Я учился улавливать въ старыхъ плитахъ травертина, блескъ скрытаго въ немъ золота, чувствовать дыханье вѣчности въ жизни современнаго Рима, цѣнить европейскую культуру, къ которой была приобщена и Россія, любоваться красотами чужихъ озеръ и горъ, уважать энергію нѣмцевъ, оригинальность англичанъ, легкость общенія французовъ, порывистость южанъ, нравственную стойкость сѣверныхъ народовъ.

Было совершенно необходимо перенести неистраченное чувство жизнепріязни и молодого восторга со своего на не свое; усыновивъ себя остальнымъ пятишестымъ земли.

Передъ статуей Апполона Печальнаго я говорилъ:

— Вотъ рожденіе искусства!

И, указывая на скаты Юнгъ-Фрау:

— Вотъ женственнѣйшая бѣлизна снѣговъ!

И переплывъ Калэ:

— Вот колыбель и оплотъ политической свободы!

И, спускаясь съ горы Ловченъ или проѣзжая по фьордамъ Норвегіи:

— Вотъ красивѣйшее въ природѣ!

Вѣрилъ самъ и увѣрялъ другихъ.

Они вздыхали, лепетали о «чудной сказкѣ» и возвращались въ свои губерніи и уѣзды, куда мнѣ доступа не было.

Они уѣзжали, — а я оставался наслаждаться чужими красотами.

Въ дни, о которыхъ я сейчасъ вспоминаю, русскіе еще не считались паріями и носителями заразы, и иностранцы, позже ставшіе нашими военными союзниками, еще не выработали въ себѣ дѣятельнаго презрѣнія къ народу, заплатившему милліонами жизней за ихъ прекрасные глаза. Въ тѣ дни никто не препятствовалъ мнѣ бродить въ горахъ Италіи, купаться въ швейцарскихъ озерахъ и лежать на травѣ въ англійскомъ паркѣ.

Въ паркѣ была совсѣмъ особенная, не зеленая, а голубая трава. Ее можно было топтать ногами — и она невредимо подымалась и оживала. Надписи «воспрепятствуется» не было, такъ какъ она была бы излишня. Я спросилъ сторожа парка:

— Какъ удастся вырастить такую удивительную траву? Вѣроятно это требуетъ длительного ухода?

Сторожъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы. На мнѣ былъ костюмъ изъ англійской матеріи, такъ что складка на брюкахъ не портилась отъ лежанья на травѣ. Воротникъ былъ свѣжъ, волосы коротко острижены, подбородокъ бритъ. Поэтому сторожъ счелъ возможнымъ солидно отвѣтить:

— Лѣтъ пятьдесятъ хорошаго ухода вполне достаточно, если стричь траву аккуратно.

Это было по меньшей мѣрѣ горделиво. И я вспомнилъ свою прогулку по восточной Ривьерѣ Италіи, гдѣ какъ то зашелъ въ кабачекъ отдохнуть и выпить вина. Противъ кабачка, черезъ дорогу, былъ скалистый участокъ, подымавшійся террасами. По лѣстницѣ, выбитой въ скалахъ, пожилой итальянецъ таскалъ землю, очевидно накопанную внизу, близъ ручья. Принеся мѣшокъ земли, онъ вытряхивалъ его на почти голый камень, обтиралъ потъ тѣмъ же мѣшкомъ и шелъ обратно за слѣдующей порціей земли. Это онъ дѣлалъ огородъ. Я подумалъ:

— Нужно очень любить землю, чтобы обречь себя на такой каторжный трудъ!

Годъ спустя, я опять проходилъ по тѣмъ же мѣстамъ. Огородъ былъ готовъ. На немъ росла та чахлая и дрянная зелень, которую итальянцы и французы называютъ и считаютъ капустой, которая не окучивается и почти не даетъ кочна. У насъ такую капусту считаютъ неуродившейся и скармливаютъ скоту или оставляютъ для пользованія зайцамъ. Хозяинъ огорода сидѣлъ на корточкахъ площадкой повыше и перетиралъ руками комья земли, выбрасывая камешки.

И вдругъ мнѣ представилась такая картина:

Я стою среди поля, гдѣ нибудь въ Тульской губерніи, опершись на трость. Что то отвлекаетъ меня, и я ухожу, забывъ тросточку воткнутой въ землю. Идутъ благодатные дожди, земля дышетъ жизнью, и моя забытая трость съ набалдашникомъ покрывается листьями, бутонами и цвѣтами. Теперь уже нельзя вырвать ее изъ земли, потому что она пустила глубокіе корни.

Такимъ нелѣпымъ видѣніемъ я отвѣчаю горделивости англичанина и трудолюбію итальянца.

И вообще я замѣчаю, что во мнѣ растетъ непонятный протестъ противъ чужихъ благополучій и красотъ.

Нотрѣ Дамѣ де Пари не кажется мнѣ домою молитвы, такимъ, какъ сельская церковь на пригоркѣ моей родины. Въ Швейцаріи отвратительны кричащія вывѣски гостинницъ и торговыхъ домовъ на каждомъ живописномъ камнѣ. Я мысленно ѣду по Луньевской вѣткѣ на Уралѣ — и никто меня тамъ никуда не заманиваетъ, никто не кичится красотами природы, которыхъ Швейцарія лишь блѣдная тѣнь. Во мнѣ подымается какая то невольная, я знаю — совсѣмъ несправедливая брезгливость къ узкой дорогѣ надъ пропастями, ведущей въ Черногоріи отъ Скутарійскаго озера къ Цетинье. Въ свое время я восторгался грозовыми тучами, выше которыхъ я ѣхалъ на лошади въ столицу этого исчезнушаго теперь государства. Теперь мнѣ смѣшно сравнивать тамошніе виды съ картинами Кавказа. И я завистливо стараюсь припомнить, чѣмъ можемъ мы отвѣтить Норвегіи, фьорды которой приводили меня въ восторгъ, ея удивительнымъ озерамъ цвѣта жидкой стали, ея могучей природѣ? Шестисотъ-верстнымъ Байкаломъ? Разливомъ сибирскихъ рѣкъ, устье которыхъ шире маленькаго европейскаго государства? Хребтомъ Чарскаго въ Якутіи — о которомъ еще не слыхали европейцы? О, слишкомъ многимъ!

Но вправѣ ли я вступать въ неравный бой со стожемъ англійскаго парка и итальянскимъ огородникомъ, которые попросту скажутъ мнѣ:

— Вамъ нравится больше свое? Тогда почему же вы не дома, не въ тайгѣ, не въ степяхъ, не на Уралѣ, не на Байкалѣ, не у дверей своей сельской церковки?

И мнѣ нечего имъ отвѣтить.

Я бы могъ, конечно, длинно и нудно рассказать имъ, какъ въ свое время мы увлекались англійской избирательной системой и біографіей Гарибальди, и что изъ этого вышло. Могъ рассказать про моего друга

дѣтства, съ которымъ мы играли въ бабки и городки, зубрили латинскіе стихи, затѣмъ слушали курсъ политической экономіи, прятали въ карманъ запрещенныя книжонки и обѣдали въ студенческой столовкѣ за со- сѣдными столами. Какъ затѣмъ этотъ пріятель мой сталъ властью и сказалъ мнѣ:

— Мы разнo смотримъ на способы созданія безоб- лачнаго счастья для будущихъ поколѣній. Поэтому я останусь здѣсь воспитывать и управлять, а ты долженъ покинуть предѣлы нашего общаго отечества.

Онъ могъ сказать это гораздо грубѣе, но я не хочу спорить изъ за словъ. Злобы во мнѣ нѣтъ, я только полонъ удивленья. Мнѣ кажется невозможнымъ, что че- ловѣкъ, такой же, какъ я, или, пускай, много меня луч- шій, могъ лишить меня радости жить тамъ, гдѣ я жить долженъ, гдѣ все мнѣ дорого: на землѣ моего рожденья. Мнѣ это кажется даже не жестокостью, а бьющей въ глаза бессмыслицей. А между тѣмъ это случилось дважды за четверть вѣка. И одинаковыя слова были сказаны совершенно различными, враждебными другъ другу людьми. Въ мысляхъ и поступкахъ ихъ объеди- няла ослѣпляющая разсудокъ сила, которую называютъ авторитетомъ власти.

И оба раза, за чертой для меня предѣльной, мнѣ от- крылись для свободной и независимой жизни пять ше- стыхъ земного шара: достаточная замѣна отнынѣ за- прещенной для жительства жалкой деревушки на рѣч- кѣ Егошихѣ.

Но согласитесь, что такихъ объясненій иностран- нецъ не приметъ и не пойметъ.

На островѣ Мурано, близъ Венеціи, сторожъ храма показывалъ мнѣ во внутреннемъ куполѣ мозаичную Ма- донну византійскаго стиля.

— Эта Мадонна, синьоръ, лучшая во всей Италіи и, слѣдовательно, во всемъ мірѣ.

Мадонна, дѣйствительно, прекрасна. Я спросилъ:

— А вы видали другихъ?

— Если бы не видалъ, — не смѣлъ бы говорить.

И онъ мнѣ рассказалъ, какъ однажды кучка англичанъ осматривала храмы и толковала, что эта Мадонна хороша, а въ иныхъ мѣстахъ найдутся и получше. Сторожъ, влюбленный въ свою Мадонну, возревновалъ. Онъ сталъ подкапывать деньги, а когда пристроилъ всѣхъ своихъ дѣтей, рѣшилъ отправиться въ путешествіе. Разузнавъ заранѣе, гдѣ его Мадонна имѣетъ соперницъ, онъ объѣхалъ всѣ эти мѣста и своими глазами убѣдился, что лучше его муранской Мадонны, красивойе ея и божественнѣе нѣтъ Мадонны — и быть не должно. Тогда онъ вернулся въ Мурано доживать свои дни сторожемъ при ея храмѣ. Можетъ быть онъ живъ и по сей часъ.

Слушая его рассказъ, я думалъ:

— Между нами только та разница, что онъ вернулся, а я вернуться не могу, хотя моя Мадонна прекраснѣе всѣхъ существующихъ и мыслимыхъ.

Это было наканунѣ міровой войны, сдѣлавшей невозможное возможнымъ. Черезъ десятокъ границъ, кругомъ Европы, я вернулся.

Муранская Мадонна, полная прелести и печальнаго покоя, сіяетъ подъ куполомъ храма. Моя Мадонна переживала въ то время канунъ тяжкихъ испытаній.

Я разсматривалъ ее съ жадностью проснувагоса для огромной любви. Сѣверные лѣса, отъ Финляндіи до Печоры, были ея зелеными кудрями; падавшими складками ея одеждъ были Кама и Волга; ея сердцемъ была Москва. Только теперь, наглядѣвшись на чужія красоты, я могъ вполне оцѣнить ея несравненность. Но это

была не ласковая материнская красота Мадонны острова Мурано, а Мадонна страстная и страждущая, Мадонна Доленте, святая грѣшница, ждавшая сына. Я присутствовалъ и при ея хожденіи по мукамъ, — и боль, исказившая ея ликъ, была моей болью. И все таки образъ ея оставался для меня прекраснымъ и неповторимымъ. Какъ тотъ, сторожъ муранскаго храма, я рѣшилъ не разставаться съ нею до конца дней, — но силой былъ отброшенъ далеко и, вѣроятно, навсегда.

Таковъ рассказъ о большой любви. Тѣмъ, кто ея не испыталъ, онъ долженъ казаться наивнымъ и слишкомъ чувствительнымъ. Впрочемъ — таковъ онъ и есть.

**
*

Вотъ я округляю фразы и подыскиваю образы красивѣе, потому что въ такой условной формѣ легче выразить мысль не только для другихъ, но и для себя самого; такова сила привычки.

Но всѣ эти образы — лишь напрасный налетъ на невыразимомъ словами чувствѣ тяги къ землѣ. Я пишу въ тѣни молодыхъ увядающихъ язвовъ, пострадавшихъ отъ жары; земля здѣсь глинистая, засоренная камнемъ, искусственно осушенная, и корни деревьевъ не находятъ достаточно питательной влаги, листья сохнутъ и желтѣютъ раньше поры. Бумага, на которой пишу, рождена отъ земли, золотое перо - стило найдено въ ея нѣдрахъ, чернила — ея продуктъ. Передо мною домикъ, сложенный изъ камня и дерева, и каждый предметъ внутри и снаружи, и самъ я, и моя мысль, и все... отецъ былъ правъ, говоря:

— Все изъ земли, Мышка, и живое, и мертвое, если есть что-нибудь мертвое.

Когда я пытаюсь встать, на мои плечи ложатся увѣренныя руки и пригибаютъ меня обратно къ землѣ.

Нужно усиліе, чтобы приподняться. И при каждом шагѣ нога какъ бы срастается съ землею, неохотно отъ нея отдѣляется. Съ годами это ощущеніе все сильнѣе. Это называется утомленіемъ, но въ дѣйствительности — растущая тяга къ землѣ и въ землю.

Порывъ вѣтра уноситъ съ вязовъ пожелтѣвшіе листья за изгородь маленькаго участка земли, который я снимаю для лѣтняго отдыха; но большинство палыхъ листьевъ остается лежать подъ деревомъ. Судьба оставшихся и судьба унесенныхъ, въ сущности, одинакова; къ будущей веснѣ не останется ихъ слѣда, потому что мы не умѣемъ разглядѣть въ цвѣткѣ настурціи частички перегнивашаго за зиму совсѣмъ не родственнаго ей растенія. Листъ, унесенный вѣтромъ на чужой участокъ, также призванъ стать основой какой-нибудь сейчасъ ему чуждой жизни.

Судьба человѣка — какъ старинный курганъ. Въ нашихъ краяхъ ихъ было много по теченію большихъ рѣкъ. Въ нихъ, вмѣстѣ съ тѣломъ, клали любимыя и нужнѣйшія вещи человѣка: одежду, сосуды изъ глины и металловъ, монеты, зерна злаковъ, оружіе. Старый московскій профессоръ показывалъ намъ въ музеѣ витрину, гдѣ лежали эти вещи, добытыя изъ кургановъ, и говорилъ:

— Вотъ въ той коробочкѣ обгорѣвшія и потому сохранившіяся зерна ржи; лучшее доказательство того, что наши предки, скифы, занимались земледѣліемъ еще въ доисторическія для насъ времена.

Мы, студенты, по очереди склонялись надъ стекломъ и смотрѣли на обуглившіяся крупинки. Но въ то время изъ урока исторіи мы мало почерпали для философіи жизни; мы были очень молоды. Въ той же витринѣ лежали кости, вынутыя изъ кургана, каменное оружіе, посуда, все то, что еще не успѣло обратиться

въ землю и было такъ напрасно потревожено во имя науки. Мы въ науку очень вѣрили.

Въ жизни мы окружали себя вещами, лишь имъ придавая значеніе. Вѣдь все, что мы дѣлаемъ, ради чего вступаемъ въ отчаянную борьбу сами съ собой и другъ съ другомъ, все таки — вещи: металлъ, дерево, живая ткань, все то, что станетъ достояніемъ нашего кургана и съ вѣками обратится въ землю.

Мы объ этомъ рѣдко думаемъ — да и стоитъ ли понапрасну себя тревожить?

Но ощущеніе будущей судьбы всего живого забѣгаетъ впередъ мысли. Не потому ли съ такой любовью и въ предчувствіи вѣчнаго покоя я пересыпаю рукой песчинки московской земли въ коробочкѣ корельской березы, вспоминая дѣтскіе годы, и предковъ ближнихъ и дальнихъ, и поиски лѣсного родника, и домикъ бабушки, и скифскій курганъ, и Римъ, напрасно названный вѣчнымъ, — чтобы снова вернуться мыслью къ единой вѣчной вещи — къ землѣ, —

«Ибо прахъ ты — и въ прахъ обратишься».

Св. Женевьева Львовъ.

ПОРТРЕТЪ МАТЕРИ

Изъ старой женщины съ грустными глазами, какою взяла ее смерть, она превращается для меня въ дѣвочку лѣтъ четырнадцати, изображенную художникомъ на миниатюрномъ портретѣ: худое прозрачное личико, чистые голубые глазки, тонкая талія, закованная въ корсетъ, и трогательные розовые съ синевой пальчики, такъ любовно зарисованные художникомъ, что каждый ноготокъ виденъ особо.

Такою она была въ институтѣ въ Варшавѣ. Она была тамъ единственной русской, училась прекрасно, но окончила безъ шифра, «потому что во время мессы тянула кошку за хвостъ».

Это совершенно невозможно! Моя мать съ раннего дѣтства и до смерти была религіозной и кротчайшаго характера, и кошка замыкала во время мессы, незадолго до выпуска, только потому, что польскій институтъ не хотѣлъ дать шифра русской. Вѣроятно, это было для дѣвочки большимъ огорченіемъ, — мать вспоминала объ этомъ всю жизнь. Когда я былъ маленькимъ, пятымъ въ семьѣ ребенкомъ, я представлялъ себѣ стран-

ную картину: идетъ обѣдня, и кто то за стѣной нарочно дергаетъ за хвостъ кошку, чтобы не дали мамѣ большого банта на платье (такъ представлялся мнѣ шифръ).

Институткой она осталась до конца жизни. Одѣвалась чистенько, аккуратно, изящно; никто, даже по утрамъ, не видалъ ее непричесанной. Молилась она по книжечкѣ, — хотя была православной. Ложась спать, вспоминала, что случилось за день дурного, и что хорошаго, и что, бѣлое или черное, перевѣсило сегодня. И каждый день, отъ института до смерти, занималась по утрамъ иностранными языками по сохранившейся институтской книжкѣ: французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ.

Эта книжка, толстая, переплетенная въ кожу и за полвѣка ежедневнаго употребленія оставшаяся чистой и непотрепанной, содержала параллельный переводъ изысканныхъ выражений на трехъ языкахъ. Полоской картона мать закрывала два столбца, оставляя третій. По тексту французскому — вспоминала два другихъ текста, нѣмецкій и англійскій; затѣмъ закладка передвигалась, — и по англійскому припоминались идиотизмы двухъ другихъ языковъ; затѣмъ открывался текстъ нѣмецкій.

Толстую книгу мать знала наизусть. Когда (очень рѣдко въ глухой провинціи) ей приходилось говорить съ французомъ, англичаниномъ или нѣмцемъ, она ихъ поражала своимъ языкомъ: они объяснялись просто, разговорно, она же подавала реплики на языкѣ изысканномъ, изоощренномъ, старинномъ, на какомъ не только говорить, а и писать уже перестали. Съ содержаниемъ же колбасной, приходя за покупками, она говорила по польски; этотъ языкъ, знакомый съ дѣтства, она никогда не забывала: говорила на немъ, какъ поль-

ка, и напѣвала на немъ старинную пѣсенку о мѣсяцѣ, заглянувшемъ къ окошко.

— Легкій языкъ, — говорилъ мой отецъ, никогда въ Польшѣ не бывавшій. — Отецъ — ойтецъ, мать — майгець, мыло — мыдло, было — быдло... А еще — не пепшь Петше пепшемъ вепша...

Было у институтки пятеро дѣтей (да еще одинъ умеръ маленькимъ): пять биографій произвела на свѣтъ. Это не легко дается. Всѣ пять биографій начинались одинаково: кормленіе, скарлатина, гимназія... Когда дошло дѣло до младшаго, до меня, мать отлично знала не только геометрію, но и латинскій языкъ. И въ первый классъ я поступилъ, обучившись у нея большому, чѣмъ должны были научить меня къ концу перваго года. Даже Цезаря немножко разбиралъ. И когда начали мы читать въ классѣ:

Gallia est divisa in partes tres.

— заботами матери моей я уже давно зналъ, что это значить.

Но кромѣ латыни есть и арифметика. Уже одиннадцать часовъ, спать пора, — а третья задача изъ Евтушевскаго еще не рѣшена. Мать только что кончила заниматься съ сестрой, которая никакъ не могла запомнить названія полуострововъ.

— Ну, Пиренейскій же, Пиренейскій, ты запомни: «перина», на которой спять. Повтори всѣ полуостровы.

Сестра повторяетъ, — и опять забыла Пиренейскій.

— Я же научила тебя, какъ запомнить. Ну на чемъ спять?

И кончиками губъ шепчетъ моя сестренка:

— По-ду-щечный?

Сестра идетъ спать, а я все еще пишу напрасныя палочки въ тетради. Рядомъ со мной мать тоже рѣшаетъ задачку, шепча про себя:

— 354 фунта, 8 лотовъ и три золотника картофеля помножить на 17 и 6 въ періодѣ...

Ну за что мучать и ребенка и мать! Все-таки она рѣшила, я переписалъ въ свою тетрадку. Крестить меня, цѣлуется — иду спать и я.

А на другой день двойка за устный отвѣтъ. Спрашивали пустякъ, а я не отвѣтилъ, потому что голова устала отъ глупыхъ этихъ цифръ, отъ вѣчнаго сидѣнья надъ задачикомъ. Мнѣ горе, мамѣ тоже грустно: смотреть глазами печальными. Ушелъ въ свою комнату, опустился передъ постелью на колѣни, голову уткнулъ въ подушку, заплакалъ и заснулъ. Сколько буду жить — никогда не прощу своихъ слезъ сухому учителю арифметики: зачѣмъ мальчика мучилъ!

Проснулся оттого, что мать обняла за шею. Она тоже на колѣняхъ передъ кроватью и тоже заплаканная. Слезы изъ дѣтскихъ и взрослыхъ глазъ, потому что такъ трудно помножить картофель на 17 и 6 въ періодѣ, когда и другой зубрежки много, когда нужно еще запомнить, что Максимилианъ Первый любилъ ходить на охоту, чтобы переплетать книги въ кожаный переплетъ, и что городъ Брюссель славится своими кружевами. Такъ до самой смерти не перестану не любить педагоговъ; вѣдь это они выдумали и кошку за обѣдней въ маминомъ институтѣ!

Когда я родился, матери не было еще тридцати лѣтъ. Она вышла замужъ семнадцати, значить почти такой, какъ на портретѣ: голубые глазки и тонкіе, миниатюрные пальчики. Когда я надѣлъ фуражку гимназиста (съ большой тульей и гербомъ), — мать все еще казалась молоденькой, только начала полнѣть. Она смущалась и краснѣла отъ нескромныхъ словъ и кокетливо оправляла передъ зеркаломъ волосы, безъ одина-

го сѣдого. Но жизнь въ провинціальномъ городѣ была однообразна и скучна, а большая семья требовала вѣчныхъ мелкихъ заботъ. Мать не только всѣхъ насъ подготавливала къ гимназій, не только помогала намъ готовить уроки, но и лѣчила всѣхъ сама простыми и испытанными средствами: липовымъ цвѣтомъ, сухой малиной, касторкой, компрессами, клюквой въ уши — при головной боли (это послѣ пирамидонъ выдумали), паутиной — при порѣзахъ, теплымъ деревяннымъ масломъ — если стрѣляло въ ухѣ. Когда дѣтей пятеро — одинъ изъ нихъ непремѣнно боленъ, а для хорошей жены мужъ ея — тоже идетъ за ребенка. Мало оставалось у матери свободнаго отъ заботъ времени. И вокругъ ласковыхъ голубыхъ глазъ появились тонкія морщинки.

Была у родителей мечта: изъ глухой провинціи переехать въ столицу, или хоть поближе къ центру, или, наконецъ, хотя бы на родину отца, гдѣ было бездоходное имѣнье на рѣкѣ Бугурусланѣ; хоть немного пожить бы, отдохнуть, — а тамъ пусть опять служба и семейныя заботы. Такъ мечтали двадцать два года. А сбылась бы мечта, — взволновались бы безмѣрно, не знали бы, какъ разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ, съ привычками, съ кругомъ знакомыхъ, какъ приспособиться къ новымъ мѣстамъ.

Но мечта не сбылась.

Однажды весной отецъ получилъ отпускъ, взялъ съ собой меня, младшаго, и поѣхалъ въ родной городъ Уфу, навѣстить свою мать, повидать имѣнье. По дорогѣ, въ Пьяномъ Бору, гдѣ пересадка съ Камы на Бѣлую, и гдѣ тогда приходилось цѣлую ночь ждать на пристани парохода, отецъ простудился, а по приѣздѣ въ Уфу, едва увидавъ родной городъ и старый домъ моей бабушки, — слегъ и умеръ. Мать приѣхала, когда на уфим-

скомъ кладбищѣ уже стоялъ новый намогильный крестъ.

Семья стала маленькой (двѣ сестры вышли замужъ и уѣхали въ Москву). Была приличная бѣдность: ѣли хорошо, а носили штопаное. Осталась кухарка Савельевна. По субботамъ мать ходила съ ней на рынокъ. Заяцъ въ шкуркѣ стоилъ пять копѣекъ, безъ шкурки — десять (снять шкурку — тоже работа). Близъ города были лѣса — тянулись черезъ Уралъ на тысячи верстъ. И стерлядка стоила пятачекъ (изъ кормилицы — Камы!). А вотъ ученье стоило дорого. Впрочемъ, доучивался теперь одинъ я.

Быль у матери рабочей столикъ съ откидной крышкой, съ ящичками, полочками, — цѣлый городокъ рукодѣля. Окончивъ утреннія хлопоты, она за нимъ проводила весь день. Штопала, вышивала, чинила бѣлье, читала, раскладывала пасьянсы. Чтобы сберечь глаза — разнообразила работу: штопка, газета, чулокъ, книжка, вышиванье, пасьянсъ. Въ перерывахъ брала изъ коробочки кедровый орѣшекъ, разбивала камушкомъ и ѣла. Зубы стали плохи. Но утромъ, прежде всякихъ занятій, открывала институтскую книжку и шопоткомъ повторяла старинныя фразы — по французски, по нѣмецки, по англійски.

— Зачѣмъ, мама?

— Ну, я привыкла. Можетъ и пригодится еще.

А когда, уже студентомъ, я сталъ работать въ газетахъ и лѣтомъ секретарствовалъ въ нашей провинціальной, — она переводила для меня статейки изъ иностранной почты и небольшіе рассказы. И нечаянно я узналъ, что у нея былъ отличный литературный языкъ и что она хорошо разбиралась въ событіяхъ жизни заграничной. Откуда это — у институтки, всю жизнь прожившей въ губернскомъ городкѣ Приуралья?

Теперь я видалъ мать только лѣтомъ, когда прѣзжалъ изъ Москвы на каникулы (пароходомъ по Волгѣ и Камѣ! Незабвенное время! Счастливые дни! Любимый кусокъ родины!). А какъ то прѣхалъ и зимой, неожиданно: высланъ былъ на родину за «защиту чести студенческаго мундира».

Всплакнула мать, обнимая сына-героя:

— Ну, изъ за чего это вы? Лучше бы учились хорошенько. Вотъ теперь годъ и потеряешь.

— Намъ не даютъ учиться, мама. Мы не можемъ допустить...

— Я знаю, милый, я читала, а все таки лучше бы сначала выучились, а ужъ потомъ... Твое дѣло, но вѣдь лишній годъ такъ трудно.

И посмотрѣла на мою папиросу:

— Вотъ ты все куришь...

Утромъ, вставши, вижу: бѣднѣе стало у мамы въ квартирѣ. Все старенькое. Сама, въ черномъ старомодномъ платьѣ, сидитъ за книжкой, передвигаетъ закладку, шепчетъ англійскія фразы.

Былъ на третьемъ курсѣ. Написалъ матери:

«Пришли мнѣ, пожалуйста, поскорѣе нотаріальное разрѣшеніе жениться; оно нужно для представленія въ университетъ ректору, такъ какъ безъ этого не вѣнчаютъ. Я, мама, рѣшилъ жениться. Моя невѣста...»

Она отвѣтила:

«Посылаю тебѣ разрѣшеніе. Что-жъ подѣлать, если ты рѣшилъ жениться, хотя, по моему, тебѣ рано. Лучше бы сначала окончилъ и устроился. Но дѣло твое, мой мальчикъ, я не противорѣчу; значитъ ужъ такая твоя судьба...»

На каникулы прѣхалъ и говорю:

— Свадьба моя отложена, мама. Можетъ быть еще и не женюсь...

нея радостно и хитро заиграли глазки.

— Какъ знаешь, милый. По моему тебѣ рано, ты еще совсѣмъ мальчикъ. Но какъ знаешь, дѣлай, какъ хочешь. Если женишься — я полюблю твою жену.

Прожилъ дома лѣто. Нотаріальное разрѣшеніе отдалъ матери обратно:

— Не нужно, мама.

— Я знаю; ты все получалъ письма. А ты бы, если ужъ суждено тебѣ жениться, женился бы на Катенькѣ.

Катенька была моимъ другомъ дѣтства, любимицей матери; жила въ нашемъ городѣ.

— Нѣтъ, мама, я вообще не собираюсь.

Перекрестила и отпустила опять въ Москву.

Потомъ былъ девятьсотъ пятый годъ, коротенькая «эпоха свободъ». И тогда мать писала мнѣ, маленькому московскому адвокату, больше занятому революціей, чѣмъ практикой:

«Можетъ быть, вы и правы. Я, во всякомъ случаѣ, очень рада, что наступило время, о которомъ ты мечталъ».

Она каждый день читала «Новое Время», ходила ко всенощной и къ обѣднѣ и горько плакала (я это хорошо помню, хотя былъ тогда совсѣмъ маленькимъ), когда убить былъ Александръ Второй. Онъ, царь-освободитель, былъ ея кумиромъ, можетъ быть, потому, что мой отецъ былъ скромнымъ участникомъ крестьянской и судебной реформы Александра.

Теперь отца уже не было; былъ сынъ; и радость сына могла стать радостью матери. Она всю жизнь жила радостями и горестями мужа и дѣтей.

Но «эпоха свободъ» окончилась быстро. Мать знала, что мнѣ грозитъ. Все равно ей не пережить бы этого несчастія; даже мысли объ этомъ она, старенькая, пережить не могла.

И когда слѣдователь въ Таганской тюрьмѣ, предъ-
явивъ мнѣ статью закона, которую я и ждалъ, началъ
официальный допросъ: «Вашъ отецъ? Ваша мать?..» —
я отвѣтилъ ему:

— Тоже умерла.

— Когда?

— Сегодня утромъ получилъ письмо.

Онъ посмотрѣлъ на меня исподлобья и смущенно
выразилъ соболѣзнованіе.

**

Ни одного письма, ни одной строчки, писанной ея
четкимъ бисеромъ, нѣтъ въ моемъ архивѣ: все похоро-
нено въ архивахъ Охранки и Чека. Нѣтъ даже картон-
наго квадратика, которымъ она закрывала текстъ ин-
ститутской книжки и на которомъ записанъ былъ для
памяти порядокъ пасьянсовъ:

Восемь королей.

Rouge et noir.

Горница.

Тринадцать.

Concordance.

Вѣрь.

Взаимность.

Кадриль.

Марьи Павловнинъ.

Для тасовки.

Мой.

Пока могъ — я свято хранилъ этотъ кусочекъ кар-
тона, присланный мнѣ сестрой. Но и онъ вмѣстѣ съ
другими реликвіями, погибъ въ скитаньяхъ и при обы-
скахъ.

Остался — чудомъ и дружеской услугой — только
портретъ работы польскаго художника, съ помѣткой

«54 г.». Такой она была три четверти вѣка тому назадъ: худенькой институточкой съ тонкими прозрачными пальчиками.

И вотъ уходятъ изъ памяти черты лица молодой женщины и старухи. Но каждый день, когда смотрю на портретъ въ круглой черной рамкѣ — освѣжается и укрѣпляется въ памяти (уже навсегда) лицо дѣвочки съ голубыми глазами.

Когда смотрю — думаю:

— Я — сынъ этой дѣвочки!

И дѣлаюсь тогда самъ маленькимъ, хрупкимъ, незамѣтнымъ, можетъ быть счастливымъ, а можетъ быть и не очень счастливымъ.

Есть и мой дѣтскій портретъ. Но никто никогда не повѣситъ его надъ постелью и не будетъ думать:

— Я сынъ, или я — дочь этого мальчика въ теплой курточкѣ.

Никто никогда, потому что некому...

ДНЕВНИКЪ ОТЦА

Отець! Прости мнѣ это кощунство! Я перелистываю тетрадь пожелтѣвшихъ отъ времени страничекъ, дневникъ твоей любви, твоихъ страданій и твоего счастья. Я дѣлаю выписки — и со смущеннымъ удивленіемъ смотрю, какъ сходны наши почерки. Я ясно вижу и другое: какъ сходны наши мысли о самихъ себѣ, эти безжалостныя характеристики, въ которыхъ правда чередуется съ празднымъ самобичеваніемъ. Передо мной и твоя карточка — послѣдняя, покойная: сложены руки, и голова ровно примяла подушку, окруженную гирляндой цвѣтовъ. Я прикрываю бумагой твою сѣдую бородку и узнаю въ мирно спящемъ, въ спящемъ на вѣки — себя самого: лобъ, носъ, надбровныя дуги. Только спокойствіе и серьезность — не мои, еще не мои...

Эта тетрадь, да миниатюрный портретъ матери — все мое наслѣдство; и я большаго не желалъ, лучшаго я и не могъ бы желать. Двѣ реликвіи 50-60 годовъ, двѣ тѣни прозрачныхъ душъ. Черезъ годы и этапы жизни онѣ прошли и сохранились истиннымъ чудомъ. Въ нихъ моя связь съ далекимъ прошлымъ, съ началомъ и причиною моего бытія. Мнѣ уже некому будетъ передать

ихъ. Но мысль моя не мирится съ тѣмъ, что онѣ окажутся на лоткѣ сенскаго антиквара, что коллекціонеръ обшлагомъ сотретъ пыль со стекла миниатюры, а лицеистъ, послунивь палецъ, съ недоумѣніемъ перелистаетъ рукопись на незнакомомъ языкѣ. Мнѣ хочется продлить ихъ интимную жизнь хоть въ чьей-нибудь памяти, прежде чѣмъ все исчезнетъ.

Развѣ это — кощунство? Со всей силой любви и благодарности, — благодарности за жизнь, которую оба вы мнѣ даровали, — я напрягаю все свое малое дарованіе, чтобы сказать о васъ лучшими словами, какія найду и сумѣю вплести въ вѣнокъ вашей памяти. Простите же меня! Уже и до меня доносится холодокъ грядущаго небытія, уже и на моихъ часахъ стрѣлка неумолимо близится къ невѣдомой мнѣ минутѣ покоя въ Востокѣ вѣчномъ.

То, что я пишу сейчасъ, — пишется лишь одинъ разъ въ жизни, и въ грудѣ исписанныхъ за многіе годы листовъ бумаги не потонетъ: кто-то любящій, въ кого я вѣрю, чью ласковость чувствую, — близкій ли, далекий ли, родной или незнакомый, — сдѣлаетъ изъ этихъ страницъ реликвію памяти обо мнѣ, а черезъ меня — о васъ, — когда и эти страницы позолотятся временемъ, какъ лежащая передо мной наивная и трогательная записъ мечтаній и любовной тревоги.

«Я придумалъ писать къ тебѣ, милая моя Леночка. Знаю, что ты никогда не прочтешь того, что будетъ мною написано. Знаю также, что тебѣ и въ голову не можетъ придти, чтобы я могъ что-нибудь писать тебѣ, будучи такъ немножко знакомъ тебѣ. Знаю даже, что ты отозвалась бы насмѣшливо и даже презрительно, если бы узнала, что какой-то человѣкъ, совершенно тебѣ чу-

ждый, вовсе непривлекательный и болѣе чѣмъ посторонній, осмѣливается что-то писать къ тебѣ, безъ всякаго права, безъ малѣйшаго основанія и повода, и притомъ такъ дерзко, такъ вольно. Но Боже мой! Вѣдь говоря съ тобой, развѣ тебѣ я говорю? Я говорю съ своей воображаемой Леночкой, или лучше — говорю съ самимъ собой. Положимъ, это странно, дико, смѣшно и даже глупо. Развѣ ты-то узнаешь когда объ этомъ?»

Отецъ мой былъ бѣднымъ уфимскимъ помѣщикомъ и въ своемъ бездоходномъ имѣнїи почти не жилъ. Окончивъ университетъ, сталъ работать и работалъ до послѣдняго дня жизни, тяготясь этимъ, но и не умѣя жить безъ постоянного и упорнаго труда.

Его дневникъ по времени долженъ совпадать съ первыми годами реформъ Александра Второго, съ крестьянской и судебной; но въ дневникѣ — только его любовь, эпоха въ немъ не отразилась. Работалъ онъ по проведенію крестьянской реформы, позже — судебнымъ слѣдователемъ перваго призыва, еще позже — членомъ окружнаго суда въ прїуральской провинціи, откуда, уже человѣкъ многосемейный, никакъ не могъ выбраться.

Умеръ онъ въ родной Уфѣ, куда прїѣхалъ повидать-ся съ родными и показать имъ младшаго сына — меня. Тому времени прошло больше тридцати пяти лѣтъ. Ему хотѣлось еще показать мнѣ остатки нераздѣленнаго нашего родового помѣстья, — но не удалось. Помню, что оттуда, изъ деревни, прїѣхалъ повидать отца и меня нашъ бывший крѣпостной поваръ, глубокой старикъ, очень преданный. Онъ смутилъ меня, гимназистика, поцѣловавъ меня въ плечо, а потомъ собственноручно свертѣлъ намъ мороженое. Когда отецъ умеръ, имѣнье,

котораго я такъ и не видалъ никогда, продано было крестьянамъ.

Мнѣ не вѣрится, чтобы отецъ мой былъ такимъ «непривлекательнымъ» и замкнутымъ въ себѣ человѣкомъ, какимъ онъ себя изображаетъ въ дневникѣ. «Бликихъ и милыхъ друзей у меня нѣтъ, и самъ я такой скверный человѣкъ, что не способенъ къ большой откровенности. Въ жизни моей такая скудость и пустота. Мнѣ страшно, что время уходитъ безъ слѣда и напрасно; мнѣ грустно, что такая пустота и пошлость представляется моимъ глазамъ и такъ мало истинно-прекраснаго я вижу». — Влюбленный — можетъ ли писать иначе? Но я помню и знаю по отзывамъ другихъ, какимъ онъ былъ привлекательнымъ, общительнымъ, веселымъ и милымъ человѣкомъ, какой любовью и уваженіемъ пользовался въ обществѣ. Въ молодости не было друзей? Возможно. Но не выше ли дружбы, не богаче ли ея — любовь, которой посвящены его записки?

«Я въ первый разъ увидѣлъ тебя въ театрѣ. Ты только что пріѣхала въ Уфу и впервые явилась уфимскому обществу. Я пришелъ въ театръ усталый отъ работы, пришелъ измученный и грустно настроенный. Въ театрѣ ты обратила на себя вниманіе нашихъ кавалеровъ. Хорошенькое личико въ губернаторской ложѣ, новая фамилія — обратили на тебя толки и лорнеты. Многіе уже готовили тебѣ фразы и улыбки; другіе разуживали. Издали ты мнѣ показалась очень милой, а когда я тебя увидѣлъ поближе, я долженъ былъ сознаться, что не обманулся. Такая ты была молоденькая и свѣженькая; такъ славно смотрѣли твои чудные глазки; столько юности и чистоты въ тебѣ было. Твой образъ, твой взглядъ, все то общее впечатлѣніе, которое

ты дѣлаешь, мнѣ напомнили что то, чего я кругомъ не видѣлъ. Я не влюбленъ въ тебя только потому, что я не мальчишка. Я не влюбленъ въ тебя, но я затаилъ, скрытно отъ другихъ и тебя, твой образъ въ душѣ своей и придалъ ему все остальное своимъ воображеніемъ. Я долго могъ послѣ этого вызывать на память твой образъ. Я тѣшилъ этимъ въ минуты тоски и грусти. Въ этой формѣ стало у меня слагаться все лучшее, о чемъ я думалъ. Мнѣ хотѣлось вѣрить, что ты дѣйствительно чудная дѣвушка; и если бы для тебя потребовали у меня жертвъ, я на все готовъ бы былъ рѣшиться. Я глупый мечтатель, милая Леночка; но право, никогда и никто другой не ставилъ тебя такъ высоко и свято въ эти минуты».

Ей, этой хорошенькой дѣвушкѣ, привлекшей къ себѣ «толки и лорнеты», было 17 лѣтъ; она только что окончила институтъ и пріѣхала съ отцомъ и старшей сестрой погостить въ Уфу къ знакомымъ. Изящная, миниатюрная, получившая свѣтское воспитаніе, она имѣла большой успѣхъ въ замкнутомъ дворянскомъ обществѣ Уфы. Несомнѣнно, моему отцу не трудно было съ нею познакомиться и часто ее видать; губернаторъ Аксаковъ, въ семьѣ котораго она была принята и въ ложѣ котораго впервые появилась, былъ связанъ съ отцомъ тройнымъ родствомъ. Хотя отецъ и «выключилъ себя давно изъ разряда уфимскихъ кавалеровъ», но онъ былъ очень молодъ, хорошей фамиліи, уменъ, образованъ, талантливъ, всюду принять.

Но какой же молодой человекъ того времени, побывавшій за границей и томившійся провинціей, чуждался маски «печального равнодушія, послѣ котораго кончается молодая жизнь, смолкаютъ пылкія стремле-

нія, останавливается движеніе впередъ»? Мѣшала еще неувѣренность въ себѣ, малая обезпеченность и отвѣтственная служба, отнимавшая много времени. Но главное — самолюбіе, нежеланіе оказаться въ очереди улыбающихся и говорящихъ фразы поклонниковъ юной уфимской звѣзды. Смотрѣть издали, томиться этой далью, въ томленіи находить сладость и повѣрять бумагѣ свои мечты, — развѣ это не лучшая рамка для родившагося чувства?

«Помню я и всегда буду помнить одну заутреню на Пасху. Я только что оправился отъ болѣзни и съ радостнымъ сердцемъ попалъ въ церковь. Признаться, ты не была у меня въ мысляхъ; но Богъ знаетъ отчего я былъ веселъ. Ты была у заутрени и стояла отъ меня близко. Ты была хороша, но въ этомъ не было для меня перемѣны. Молилась ты усердно, рядомъ со своею сестрой. Но вотъ кончилась заутреня, свѣчи погасли и началась обѣдня. Я нечаянно очутился возлѣ тебя, потому что не искалъ этого случая. Стало темно; ты устала видимо. Не знаю почему, но я вдругъ сталъ на тебя смотрѣть иначе. Свѣтская дѣвушка исчезла у меня изъ глазъ, и передо мной дѣйствительно стояла моя милая Леночка, которая такъ часто чудилась моему воображенію. Я не могъ оторвать своихъ глазъ отъ тебя. Такая ты мнѣ сдѣлалась милая, такъ мнѣ хотѣлось обнять и расцѣловать твои ручки и глазки, крѣпко прижать тебя къ сердцу. Ты мнѣ показалась ребенкомъ, но такимъ ребенкомъ, за котораго я отдалъ бы все на свѣтѣ. Эгоизма во мнѣ не было въ то время; чувства мои были чисты и просты; если бы мнѣ указали тутъ же какого-нибудь идеальнаго человѣка и назвали его твоимъ будущимъ мужемъ, тобою любимымъ, я горячо протянулъ

бы ему руку на будущее счастье и только строго-строго взвѣсилъ его качества. Для себя я сберегъ бы — но нѣтъ, что я говорю? Я никому тебя не довѣрилъ бы; я окружилъ бы тебя любовью, окружилъ бы тебя такими попеченіями о твоёмъ счастьи, — только бы дали мнѣ возможность самому сдѣлать это счастье».

Провинціальный мірокъ, гдѣ каждый знаетъ каждого, гдѣ новый человѣкъ, особенно женщина, особенно молоденькая, красивая, свѣтская, долго служитъ предметомъ вниманія, толковъ и пересудъ. Зимній сезонъ, театръ, клубъ, балы, маскарады, любительскіе спектакли подъ покровительствомъ помпадурши. Толпа золотой молодежи, шаркуновъ, бойко болтающихъ по-французски, и, конечно, свой Чайльдъ Гарольдъ, отрицающій это пошлое общество, но неизмѣнно являющійся на балы и спектакли, чтобы со скептической улыбкой и со скрещенными на груди руками простоять весь вечеръ у колонны.

«Не влюбленъ, потому что не мальчишка». А самъ не сводитъ, не можетъ оторвать глазъ отъ сцены, гдѣ дѣвушка-подростокъ со смущеніемъ произноситъ слова своей роли, такъ ей неподходящей. Дома онъ вынимаетъ изъ стола свою тетрадку и пишетъ при свѣтѣ масляной лампы:

«Чужіе и скверные люди пустили тебя на эту сцену; такой молоденькой, неопытной дѣвушкѣ, не имѣющей даже опредѣленнаго положенія на свѣтѣ, и дали такую роль! А между тѣмъ, какъ хорошо, съ какимъ вѣрнымъ пониманіемъ исполняла ты свою роль. Ты была такъ мила, что спокойно сидѣть я былъ не въ силахъ. Каждый шопотъ во время твоей рѣчи, каждый смѣхъ между зрителями, — бѣсилъ меня. Я едва удержался въ толкахъ

съ нѣкоторыми о пьесѣ и исполнителяхъ; я во время опомнился и убѣжалъ, не кончивъ рѣчи. Мнѣ хотѣлось защитить тебя и отъ похвалъ и отъ общаго смысла твоей роли, хотѣлось увлечь тебя съ этой сцены, заставить молчать каждое неосторожное слово. Но что тебѣ въ этой защитѣ? Я тебѣ также посторонній человѣкъ и даже болѣе, чѣмъ послѣдній изъ окружающихъ тебя знакомыхъ. Боже мой, какъ грустно!»

Наединѣ съ собой — зачѣмъ прикрываться плащомъ равнодушной усталости и «отеческаго чувства» къ беззащитному ребенку? И пишетъ рука Чайльдъ Гарольда:

«Я не досказалъ еще тебѣ, Леночка, что я уже люблю тебя и полюбилъ почти съ перваго твоего взгляда, какъ никогда не любилъ никого на свѣтѣ. Теперь это слово сказалось, и такъ ясно и живо стоитъ для меня, и напрасно силюсь я ему отыскать другое названье. Что же теперь дѣлать, моя милая?»

Та ли она, какою кажется? Имѣетъ ли право онъ, такой дурной, испорченный, усталый, негодный человѣкъ — думать о ней, говорить съ ней въ своемъ дневникѣ, мечтать о болѣе близкомъ знакомствѣ, о счастіи быть замѣченнымъ, выдѣленнымъ изъ толпы поклонниковъ?

«Если бы я могъ взвѣсить холоднымъ разсудкомъ все будущее, я собралъ бы всю волю, весь эгоизмъ свой; я заперся бы внутри себя и задушилъ бы въ себѣ это тяжелое чувство».

И разумѣется, — «разбилъ бы свою жизнь и умчался Богъ знаетъ куда». О забвеніи и новомъ счастіи уже не мечтать, уже не создать себѣ новой жизни. — «Лѣта развѣ только возьмутъ свое, и подъ гнетомъ ихъ я ста-

ну безстрастенъ и спокоенъ. — Все кончено къ лучшему. — Дальше все пойдетъ такъ незамѣтно и постепенно. Сегодня одно разобьется на сердцѣ, завтра другое, тамъ третье, а потомъ и ничего не будетъ, — холодно, ровно и мертво».

Страницы и страницы, отданныя грустнымъ и трагическимъ размышленіямъ о своей ненужности, неинтересности, о мукѣ любви нераздѣленной и безнадежной.

Ужъ такой ли безнадежной? Правда, она сказала какъ-то въ случайномъ разговорѣ, что «не понимаетъ романтической любви» и что «любить не можетъ никого». Но вѣдь сказала это дѣвушка 17 лѣтъ и сказала съ такимъ ласковымъ сіяніемъ голубыхъ глазъ, что у бѣднаго страдальца сразу согрѣлась душа и забилося сердце нечаянной радостью.

Да, они теперъ уже довольно часто встрѣчались. Со всѣми оживленная и беззаботная, — съ нимъ она была серьезной. Онъ ее немножко пугалъ своими разсужденіями о людской пошлости и собственной своей негодности. Со всѣми было просто — съ нимъ очень трудно и безпокойно. Случалось даже, что она просила его не приходите, — и онъ, оставшись дома, писалъ за страницей страницу, красивыми словами воздвигая надгробный памятникъ своему неоцѣненному чувству. Но иногда, наоборотъ, она, уставши отъ пустыхъ свѣтскихъ разговоровъ, сама искала его, страннаго, непохожаго на другихъ, немного волнующаго, слишкомъ для нея умнаго, вызывающаго какіе-то новые непривычные вопросы, грубоватаго и презрительнаго со всѣми, кромѣ нея, а главное — несчастнаго. Любовь женщины часто начинается жалостью, желаніемъ утѣшить и ободрить. И также часто маленькія женщины догадываются, что

міровая скорбь мужчины непрочно и довольно легко излѣчивается ласковымъ словомъ; только не нужно противорѣчить и смѣяться. Голубые глазки знаютъ свою власть,— но и играть съ такимъ человѣкомъ нельзя! Какъ же быть? И почему онъ прямо не скажетъ, чего онъ хочетъ отъ нея, за что ее такъ мучить слишкомъ серьезными и слишкомъ унылыми разговорами? Онъ умнѣе и интереснѣе другихъ, — но было бы лучше, если бы онъ былъ веселъ, какъ другіе, потому что, вѣдь, жизнь такъ хороша, и рано въ 17 лѣтъ мучить себя загадками и вопросами.

«Какъ я счастливъ сегодня, какъ мнѣ весело и от-
радно! Такая ты добрая была, Леночка, такая милая, та-
кая хорошенькая. Ты не оттолкнула меня, ты не засмѣя-
лась надо мной послѣ всего, что я сказалъ тебѣ, не при-
няла за фразу мое слово. Ты говорила со мной такъ хо-
рошо, такъ искренно. И ты могла помышлять, чтобы я
дурно о тебѣ думалъ? Ты могла думать, что я нахожѹ
удовольствіе тебя мучать? Да развѣ ты не знаешь еще,
что вся моя жизнь, все мое дорогое и прекрасное — въ
тебѣ одной? О, я былъ бы хорошимъ человѣкомъ, если
бы ты, Леночка, не отнимала у меня радости и надежды
— не быть тебѣ чужимъ».

Чередуются въ дневникѣ эти «такъ счастливъ сегодня» и «я такъ несчастливъ». И всегда: «Что же мнѣ дѣ-
лать, что дѣлать?» — Сказать о своей любви? Но «по
какому праву?»

Это въ наше время можно говорить о своей любви
хоть наканунѣ ея появленія, и дѣвушкѣ, и замужней, и
той, которая желанна, и той, безъ которой можно обой-

тись. На рубиконѣ же 50-60 годовъ было нужно имѣть на это право! Сказать о любви — а дальше? Быть отвергнутымъ, — значить жизнь разбита и исчерпана! Быть выслушаннымъ благосклонно и услышать отвѣтное «да»? Но вѣдь для этого....

Кто такой ея отецъ? Чего хочетъ онъ для своей дочери? Человѣка, по настоящему ее любяшаго, или жениха съ деньгами и положеніемъ въ обществѣ? Зачѣмъ нибудь да позаботился онъ, не богатый и не знатный, дать дочери тонкое образованіе и ввести ее въ лучшее общество, ей доступное. И кто претендентъ? Бѣдный дворянчикъ, служака, работникъ, ничѣмъ не выдающійся человѣкъ? И что за типъ это? Ихъ знакомый по Варшавѣ, полякъ Г., богачъ, къ которому съ такимъ расположеніемъ относится ея отецъ? Женихъ? Можетъ быть, она уже любитъ его или полюбитъ? Ну что жъ!

«Если ты будешь истинно любить Г., — для твоего счастья довольно. О, я тогда, если бы и погибъ вовсе для счастливой жизни, — я помирился бы съ тобой, и ты навсегда осталась бы для меня чистымъ и свѣтлымъ существомъ, явившимся мнѣ, чтобы освѣтить хоть на время мое существованіе. Издали и идеально, мечтательно и грустно, я всегда любилъ бы тебя. Мысль, что тебѣ хорошо на свѣтѣ съ другимъ, была бы мнѣ мучительна на время и можетъ быть долго; но это не было бы разочарованіемъ и не прибавило бы никакого темнаго пятна къ моей житейской опытности....»

Разбогатѣть? Но какъ? Отъ работы не разбогатѣешь, — она и такъ отнимаетъ весь день. Выиграть въ карты?

«Я только что воротился домой. Я сегодня игралъ и много проигрался; но не могъ заглушить тоску свою. Тебя я не видалъ, а если бы и увидалъ — развѣ было бы лучше? Ты была дома, потому что я видѣлъ свѣтъ у

вась въ домѣ. Вѣрно у вась Г., — подумалъ я; и какъ ни разувѣряла ты меня, и какъ ни вѣрю я тебѣ, а все мнѣ стало нехорошо отъ этой мысли. Кто близокъ къ тебѣ, того ты скорѣе полюбишь; кто такъ далекъ, какъ я, того ты любить не можешь. Господи, какъ грустно мнѣ. Теперь, послѣ этой убитой такъ пошло ночи, еще хуже, еще пустѣе кажется на свѣтѣ, и ничего, рѣшительно ничего, ни малѣйшей надежды. Нѣтъ, я рѣшительно погибаю и оставаться такъ долго уже не въ силахъ. Пусть гибну».

Послѣдняя буква прижата перомъ, и черта подъ отрывкомъ дневника, обильная чернилами, шершавая, разорвала бумагу...

Кажется — все кончено!

Но нѣтъ еще двѣ краткія записи:

— «Хорошо мнѣ теперь. Цѣлый вечеръ я не спускалъ съ тебя глазъ и говорилъ съ тобою. Неужели въ самомъ дѣлѣ я могу быть счастливъ?»

— «Два нехорошихъ дня. Я рѣшился не писать въ эти минуты ужаснаго состоянія и тоски. Я начинаю бояться мысли, что къ счастью я не способенъ. Буду писать теперь только тогда, когда мнѣ хорошо будетъ. Когда же это?».

Когда же это?

Такова — послѣдняя строчка полныхъ грусти и безнадёжности любовныхъ записей моего бѣднаго отца.

«Судьба этихъ глупыхъ писемъ — быть сожженными» — писалъ онъ раньше. Но прошло почти семьдесятъ лѣтъ, — и аккуратная тетрабочка, исписанная мелкимъ его почеркомъ, озаглавленная на первой страницѣ «Мои бредни», — лежитъ передо мною.

Отець ошибся: тетрадка пережила и его, и эту неприступную и недостижимую Леночку, и, можетъ быть, переживетъ меня, которому она досталась въ наслѣдство и во свидѣтельство того, что любовь не придумана сегодня, что она вѣчна съ вѣчными своими спутниками: щемящей грустью, смѣной очарованья уныніемъ, отчаянія надеждами, съ неизмѣннымъ самобичеваніемъ, мечтою объ идеальномъ и прозой дѣйствительности.

Отець ошибался и въ другомъ: любовные дневники пишутся только въ минуты грусти и неувѣренности, а не «когда будетъ хорошо». Когда хорошо, когда человекъ счастливъ и любовь его раздѣлена — зачѣмъ тогда писать дневникъ? Зачѣмъ писать тайныя письма той, которой уже можно все сказать и отъ нея все услышать?

Чѣмъ кончился его романъ? Прочла ли Леночка эти несожженные во время записки? Псняла ли ихъ автора, оцѣнила ли? Смогла ли, наконецъ, полюбить она, «не понимавшая романтической любви» и «неспособная полюбить никого?»

Я вижу эту Леночку съ ласковымъ взглядомъ голубыхъ глазокъ, нѣжную, кроткую, неспособную на мучительство. Она смотритъ на меня съ миниатюрнаго портрета.

Эта Леночка — моя покойная мать.

Я пишу эти строки глубокой осенью, въ деревнѣ, у большого открытаго окна. Умирающая зелень за окномъ, и весь мой домикъ, и моя комната, и мой столъ, и рукопись, — все залито щедрымъ золотомъ солнца. Я въ немъ купаюсь, какъ въ расплавленномъ счастьѣ, какъ въ потокѣ и сіяніи раздѣленной любви.

Я помню о двухъ могилахъ въ двухъ далекихъ го-

родахъ Россіи: могилахъ отца и матери. Одна въ Прикамьѣ, на старомъ, вѣроятно уже заброшенномъ кладбищѣ; другая близъ города, у подножья котораго течетъ рѣка Бѣлая. Мнѣ никогда не увидать больше этихъ разлученныхъ могилъ.

Сыновнимъ чувствомъ, проснувшимся въ этотъ свѣтлый день, въ осенній день моей жизни, я соединяю могилы тѣхъ, кому обязанъ великимъ счастьемъ жизни въ творествѣ. Я ставлю имъ общій памятникъ, скромный, незамѣтный, изъ пирамиды моихъ нѣжнѣйшихъ словъ, осыпанной цвѣтами сыновней признательности, — единственный памятникъ, какой могу поставить своими руками и своими скудными средствами. Чтобы и мнѣ было, гдѣ молиться и что чтить. И было бы это звездѣ и всегда со мною.

Эти строки, пройдя черезъ машину наборщика и свинцовую пыль типографіи, прочтутся чужими людьми съ любезнымъ вниманіемъ или съ привычной разсѣянностью. Истлѣютъ страницы этой книги; уйду я; уйдетъ и все.

Что останется?

Останется, конечно, солнце. И останется, конечно, любовь, идеальная, романтическая, всегда немножко наивная и смѣшная. Она останется, каковыми бы ни стали люди въ массѣ, какихъ трезвыхъ словъ ни придумали бы, какой обидной улыбкой ни награждали бы мечтателя. Всегда останутся чудаки, рыцари и поэты недостижимаго, пишушіе дневники о своемъ любовномъ томленіи, готовые «разбить жизнь свою» за минутное невниманіе и «отдать всего себя безъ остатка» за ласковый взглядъ. Послѣ — дневники ихъ обрываются, и тогда начинается реальное, хорошее, или дурное, или среднее, незамѣтное, простое.

Живя этимъ реальнымъ, — они хранятъ среди ста-

рыхъ бумагъ и любимыхъ вещичекъ страницы, писанныя ими въ иномъ, нереальномъ мѣрѣ, — въ мѣрѣ грезъ объ идеальной любви и недостижимомъ счастьѣ. Прекрасное и неповторимое остается святыней. Листы бумаги желтѣютъ, какъ желтѣютъ лепестки бѣлой розы, засушенной и спрятанной на память. Но ароматъ словъ остается.

Какъ хрупкій, засохшій цвѣтокъ, — я берегу этотъ дневникъ моего отца. На немъ почиетъ святость прошлаго, давшаго и мнѣ радость жизни, тоску сомнѣній и счастье любви раздѣленной.

ЧАСЫ

О. Х. Лопатиной.

Бабушка Татьяна Егоровна съ утра въ большомъ волненіи. Наканунѣ положила кружева въ мыльную воду, продержала всю ночь; вставши, какъ обычно, въ семь, прополоскала въ чистой водѣ, успѣла и просушить и разгладить. И хотя раньше, чѣмъ въ два пополудни, не ждать радостнаго визита, а уже къ полудню былъ накрытъ столъ не новой, но еще прекрасной скатертью, поставлены двѣ чашки, обѣ завода Попова, и старинный серебряный чайникъ, на крышкѣ котораго немного покривился отъ времени малый розанъ съ вѣточкой о трехъ лепесткахъ. Еще была къ прибору гостя — фамильная чайная ложка съ полусъѣденной позолотой.

На свѣтѣ, на всемъ бѣломъ свѣтѣ — а ужъ на что онъ великъ! — не было комнаты чище бабушкиной. Все, что отъ природы было блестящимъ — блестяло; все, что было старо и поизносилось отъ времени — сияло старостью, прилежной штопкой и великой чистотой. И если бы чей зоркій и недобрый глазъ отыскалъ въ комнатѣ бабушки одну-единственную соринку, то и эта соринка оказалась бы невинной, ровненькой и чистой.

Кромѣ поповскихъ чашекъ съ золотой каймой и фигурными ручками, кромѣ чайника и ложки, оставшихся отъ семейнаго сервиза, были въ комнатѣ бабушки Татьяны Егоровны еще два предмета на удивленье: рабочий столикъ и каминные часы.

Рабочій столикъ, пузатый, съ перламутромъ на крышкѣ и бронзой по скату ножекъ, стоялъ не ради красоты. Онъ былъ всегда въ дѣйствиіи, и многихъ чудесъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ. Трудно сказать, чего не могла скроить, сшить, починить и подштопать бабушкина бѣлая и худенькая рука. И были въ столикѣ иголки всякаго размѣра и нитки любого цвѣта, отъ грубой шерстяной до тончайшей шелковой. Было въ столикѣ столько цвѣтныхъ лоскутковъ, сколько существуетъ видимыхъ глазу оттѣнковъ въ радугѣ и пуговицы были отъ самыхъ большихъ до самыхъ маленькихъ. Еще было въ столикѣ особое отдѣленіе для писемъ, полученныхъ за послѣдній годъ; тридцать перваго декабря эти письма перевязывались тонкой тесьмой и прятались въ комодъ. По правдѣ сказать, писемъ было немного, съ каждымъ годомъ меньше. Самое свѣжее письмо съ заграничной маркой получено было на дняхъ — отъ внука, котораго бабушка не видала двадцать два года, а въ послѣдній разъ видѣла трехлѣтнимъ. Увидать же снова должна была именно сегодня въ два часа дня. Поэтому и надѣла бабушка съ утра новый и свѣжій кружевной чепчикъ.

И еще, какъ сказано, были у Татьяны Егоровны старинные и драгоценные каминные часы малаго размѣра, великой красоты, съ боемъ трехъ колокольчиковъ, съ недѣльнымъ заводомъ (утромъ въ воскресенье). Колокольчики отбивали часъ, полчаса и каждую четверть, все по разному. Звукъ колокольчика былъ чистъ, нѣженъ и словно бы доносился издалека. Какъ это было устроено

— зналъ только мастеръ, котораго, конечно, давно не было на свѣтѣ, потому что часамъ было больше ста лѣтъ. И всѣ сто лѣтъ часы шли непрерывно, не отставая, не забѣгая, не уставая отбивать часъ, половину и четверти.

Двадцать лѣтъ назадъ съ часами случилось вотъ что: стали они отбивать ровно на три часа меньше, чѣмъ полагается. вмѣсто пяти — два, вмѣсто двухъ — одиннадцать, вмѣсто одиннадцати — восемь и такъ далѣе. Однако, половины и четверти попрежнему правильно. Такъ, бьютъ они три съ четвертью — значитъ четверть седьмого, — нужно только прибавить три.

И вотъ тогда, двадцать лѣтъ назадъ, часы были отданы въ починку — единственный въ ихъ жизни разъ. Изъ починки часы вернулись съ правильнымъ боемъ: бьютъ полдень — значитъ полдень и есть. Недѣлю шли и били правильно, а черезъ недѣлю вдругъ сразу сбились и въ пять часовъ пробили только два раза. Такъ пошло и дальше, и больше бабушка ихъ въ починку не отдавала.

И, дѣйствительно, — какой смыслъ въ этой починкѣ? Во-первыхъ, часовщикъ можетъ ихъ испортить; часы старые, кто дѣлалъ ихъ — неизвѣстно. А потомъ — прошло двадцать лѣтъ, и бабушка къ нимъ привыкла: бьютъ пять — значитъ восемь, а восемь — значитъ одиннадцать. Никакого труда нѣтъ накинуть три; тѣмъ болѣе, что стрѣлки показываютъ правильно, для всякаго понятно.

Когда часы прозвонили одиннадцать съ четвертью, раздался звонокъ и въ передней. И оказалось, что трехлѣтній Ванечка вытянулся въ большого, здороваго, привѣтливаго и веселаго мужчину и къ тому же сталъ инженеромъ. Когда вошелъ этотъ молоденькій инженеръ, внукъ Татьяны Егоровны, то рабочій столикъ сталъ со-

всѣмъ маленькимъ и отъ обиды раздулъ бока, да и самой бабушкѣ пришлось смотрѣть на внука снизу вверхъ. Оказался кстати чистый бѣлый платочекъ, которымъ бабушка вытерла слезу, — въ старости слезы льются и отъ радости и отъ горя совсѣмъ одинаково.

Чай пили изъ серебрянаго чайника съ покосившимся розанчикомъ, а Ванечка помѣшивалъ въ поповской чашкѣ старинной ложкой съ позолотой. Рабочій столикъ, сначала возревновавъ, послѣ стоялъ смиреннько. Кружева на бабушкиномъ чепчикѣ сіяли чистотой, а сама бабушка улыбалась, слушая рассказы молодого инженера.

Среди многихъ чудесъ молодой жизни рассказывалъ онъ, какъ летѣлъ на самолетѣ изъ Лондона въ Парижъ и какіе высоченные дома строятъ сейчасъ въ Америкѣ. И вообще рассказывалъ про многое, о чемъ бабушка и читала, и слыхала, но еще не встрѣчала человѣка, который видѣлъ бы это самъ; и къ тому же такимъ человѣкомъ оказался собственный ея внукъ Ванечка. А пройдетъ недѣля — и опять поѣдетъ онъ по разнымъ странамъ, будетъ летать по воздуху, прокапывать горы и строить мосты надъ водопадами. И не страшно за него, потому что онъ здоровъ, веселъ, ѣсть пятаю булочку съ масломъ и пьетъ большую поповскую чашку въ два глотка.

— И все же, Ванечка, береги себя, будь остороженъ. Если ужъ нужно тебѣ летать на машинахъ, ты высоко не летай, — неровень часъ — что-нибудь въ машинѣ испортится. Храни тебя Богъ отъ какого несчастія.

Разказала ему Татьяна Егоровна про то, какъ онъ былъ совсѣмъ маленькимъ и строилъ изъ спичечныхъ коробокъ желѣзную дорогу: видно, такъ сама судьба сулила. И фотографію его разыскала: сидитъ этакій бутузъ верхомъ на игрушечной лошади и прямо смотритъ

большими глазами. И про отца его рассказала, — царство ему небесное.

Уже не разъ звонили бабушкины часы половину и четверти, но за первымъ разговоромъ бой ихъ какъ-то терялся. И вдругъ ясно и отчетливо прозвонили они одинъ часъ. Инженеръ повернулся къ камину и спросилъ съ удивленіемъ:

— Это почему же, бабушка, они такъ мало бьютъ?

Бабушка объяснила, что бьютъ они не совсѣмъ правильно, а показываютъ вѣрно, и что часамъ этимъ больше ста лѣтъ.

— Надо ихъ починить, бабушка. Вѣдь это очень просто.

— Что же ихъ чинить, я къ нимъ привыкла, и такъ знаю.

И опять заговорили о разномъ, пока не прозвонили снова далекіе колокольчики, что прошло еще полчаса человѣческой жизни. И опять молодой инженеръ повернулся къ часамъ:

— Какой у нихъ бой чудесный! Кажется, будто не здѣсь, а далеко. Вотъ въ горахъ такъ бываетъ, когда часы бьютъ въ какой-нибудь далекой деревушкѣ. Жаль только, что они испорчены.

Тутъ бабушка промолчала, хотя и было ей пріятно, что ему нравятся ея старые часы.

Когда инженеръ заторопился уходить, — опоздалъ на важное свиданіе, — бабушка завернула въ бѣлую бумагу, хорошо вымывши, чайную ложку и сунула ему въ руку.

— Это что, бабушка?

— А это — положи въ карманъ. Это, милый, память. Этой ложкой твой отецъ маленькимъ молочко пилъ. Ты ее побереги, мѣста займетъ немного, а иногда посмотришь.

— Бабушка, да зачѣмъ же! Ну, спасибо!

И опять пригодился бабушкѣ платочекъ. На прощанье поцѣловала внука и покрестила:

— Можетъ ты и не вѣруешь, а ужъ прости меня, старуху.

И когда онъ уходилъ, вдругъ опять зазвонили часы, и онъ, остановившись на порогѣ, спросилъ:

— Бабушка, есть у васъ бумага или старая газета?

— Есть бумага, Ванечка.

— Дайте мнѣ, бабушка. Мнѣ хочется сдѣлать вамъ пріятное. Вотъ хорошо, эта подойдетъ.

Потомъ быстро подошелъ къ камину, осторожно взялъ часы и завернулъ въ бумагу.

— Бабушка, вы не безпокойтесь. Я отдамъ ихъ починить хорошему часовщику, а черезъ два дня вамъ принесу. Будутъ бить, сколько нужно, совсѣмъ правильно.

— Ванечка, да мнѣ не нужно!

Но онъ и слышать не хотѣлъ. Подошелъ, поцѣловалъ бабушку въ обѣ щеки и убѣждалъ со сверткомъ шумно и весело, какъ всѣ молодые.

Бабушка Татьяна Егоровна двѣ ночи спала не особенно хорошо. И не о чемъ было безпокоиться, и все же было какъ-то безпокойно. Очень было молчаливо. Привыкла, что бьютъ въ старушечьей ночи далекіе звонкіе колокольчики, — а вотъ ихъ нѣтъ. Были разныя думы. Во вторую ночь ей даже приснилось, что большой и толстый часовщикъ ударилъ по ея часамъ тяжелымъ молотомъ — и дзынь! — часы рассыпались. Старалась утѣшить себя:

— Ну, что жъ, пускай! Ванечкѣ это пріятно.

А на третій день Ванечка забѣжалъ на минуту (очень торопился) и занесъ часы:

— Ну, бабушка, теперь все хорошо. Сейчасъ я не могу, а передъ отѣздомъ забѣгу къ вамъ посидѣть подольше.

Прошумѣлъ и исчезъ.

Стоять часы на прежнемъ мѣстѣ, точно и не уходили. Стрѣлки идутъ, подходятъ къ одиннадцати съ половиной. Бабушка бродитъ по комнатѣ, ищетъ послѣднюю соринку, чтобы смести ее тряпочкой. Соринки нѣтъ, а глаза бабушки косятся на минутную стрѣлку, а ухо ждетъ.

И вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ и часы забили. И какъ дошли они до восьми ударовъ и стали бить дальше, всѣ одиннадцать, бабушка грустно улыбнулась и отвернулась. И рабочій ея столикъ тоже осунулся и стоялъ теперь понуро.

Такъ пошла жизнь дальше и часы били теперь правильно. Бьютъ пять — значить пять. А въ два часа бьютъ ровно два. Конечно, — удобно.

— Главное — Ванечкѣ пріятно, — думала бабушка. — Вотъ уѣдетъ въ свои путешествія, можетъ быть, опять полетитъ въ какую страну.

Но, конечно, путала иногда, особенно подъ утро, когда сонъ чутокъ. Бьютъ часы пять, — ой, проспала! — а оказывается, и дѣйствительно всего на всего пять часовъ.

Старый человѣкъ иногда загруститъ, а отчего — и самъ не знаетъ. О чемъ-нибудь думается. Вотъ раньше, напимѣръ, по воздуху не летали, а все-таки жили, и не хуже жили.

За рабочимъ своимъ столикомъ сидитъ бабушка Татьяна Егоровна, въ домѣ тихо, и слышно, какъ тикаютъ на каминѣ часы. А когда приходитъ имъ время зве-

нѣтъ далекими колокольчиками, бабушка вздыхаетъ и какъ-то неохотно слушаетъ, — все же слушаетъ. Слова нѣтъ — бьютъ часы вѣрно и ни въ чемъ не стали хуже. Однако, радости въ ихъ боѣ нѣтъ, — да и чему старухѣ радоваться.

Когда пришло воскресенье, бабушка завела часы ключикомъ. И часы прежніе, и ключикъ прежній. Не ихъ, конечно, вина, что два дня провели они у чужого человѣка, который что-то тамъ винтилъ и пробоваль. Никакой съ ихъ стороны не было измѣны.

Въ эту ночь бабушка проснулась, потому что въ комнатѣ легонько чикнуло. Проснулась — и долго не могла снова уснуть. Не то чтобы безпокойство, а какъ бы ожиданье: вотъ что-нибудь случится. Такъ и лежала, закрывъ глаза и слушая ночную тишину. И часы пробили — все продолжала лежать. И вдругъ показалось бабушкѣ, что часы пробить-пробили, а не совсѣмъ такъ, какъ имъ теперь полагалось. И отъ этой мысли бабушка взволновалась — сонъ совсѣмъ ушелъ. Зажгла свѣтъ, посмотрѣла, все правильно, часы идутъ хорошо и тикаютъ попрежнему. Скоро свѣтъ — на стрѣлкахъ начало шестого. А въ памяти что-то осталось — и волненье.

Тогда бабушка Татьяна Егоровна, въ кофтѣ и ночномъ чепцѣ, сѣла на стулъ противъ часовъ и стала ждать.

Было самой немного стыдно: «И чего я, старуха, жду, чего хочу? Спать бы да спать!»

И рѣшила:

— Подожду до четверти, да и лягу.

Дѣйствительно подождала. Когда же колокольчикъ въ первый разъ ударилъ, вся замерла въ ожиданіи и стала губами считать:

— Разъ, два...

А вмѣсто третьяго, четвертаго и пятаго, — измѣнился звукъ колокольчика и заиграли часы четверть.

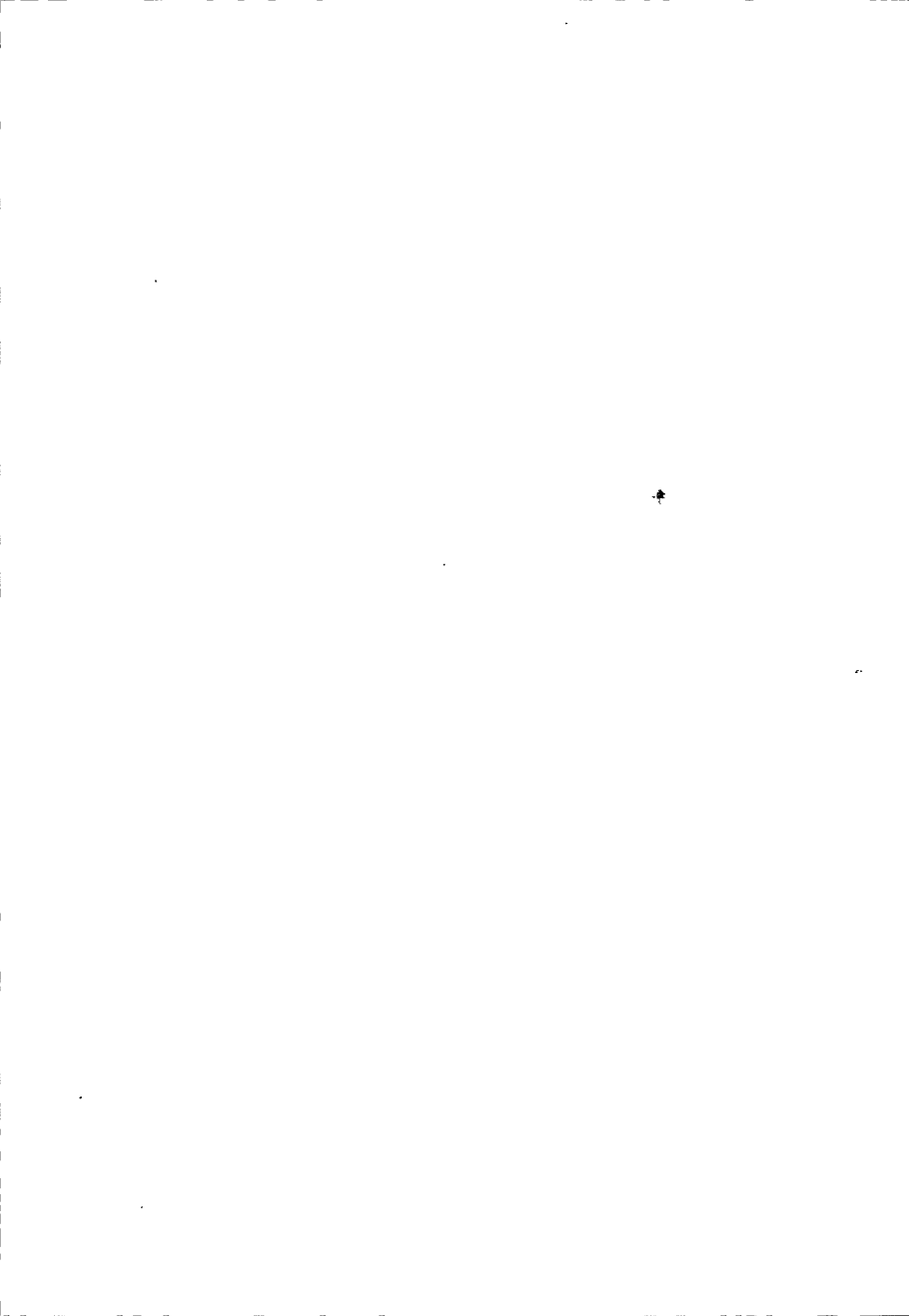
Бабушка такъ и замерла. Когда умолкли часы — подумала, да ужъ не ошиблась ли? Да вѣдь какъ ошибешься! Вѣдь если сказать по чистой совѣсти — вѣдь этого и ждала она, сидя на стулѣ въ ночной часъ. Сама себѣ не сказала — а ждала: пять ли пробьютъ, или только два раза, какъ били они двадцать лѣтъ подрядъ. Какъ же можно ошибиться!

И тутъ сошло въ душу бабушки какъ бы сіяніе: и странно это, и смѣшно, а ужъ такъ хорошо, точно провели по сердцу ласковой рукой.

Заторопилась, хитро заулыбалась, поскорѣ легла въ постель, укрылась, — а сна нѣтъ, хочется еще услышать, какъ будутъ часы бить половину.

Долго тянулось время, словно бы нарочно кто его затягивалъ. Тикали часы тихонько-тихонько и, какъ живые, нашептывали: «Теперь ужъ будьте покойны, все будетъ по-старому!» А какъ подошло время къ половинѣ шестого, — звономъ колокольчиковъ яснымъ и увѣреннымъ пробили бабушкины вѣрные часы опять ровно два, другимъ колокольчикомъ отзвонивъ и половину.

И тутъ бабушка заснула, вся утонувъ въ улыбка и спокойствіи. Сонъ ея былъ легокъ, а новый день ея былъ свѣтелъ и полонъ неутомительной суеты. >

ВЕЩИ ЧЕЛОВѢКА

Умеръ обыкновенный человѣкъ.

Онъ умеръ. И множество вещей и вещицъ потеряло всякое значеніе: его чернильница, некрасивая и неудобная для всякаго другого, футляръ его очковъ, обшарпанный и съ краю примятый, самыя очки, только по его глазамъ, бездѣлушки на столѣ, непонятныя и незанятныя (чортикъ съ обломаннымъ хвостомъ, мѣдный рыцарь безъ щита и меча, стертая печатка), его кожаный портсигаръ, пряно-протабашенный, его носовые платки съ разными мѣтками, цѣлый наборъ воротниковъ и галстуковъ, въ томъ числѣ много неносимыхъ и ненужныхъ.

Ко всему этому оъ прикасался много разъ, все было одухотворено его существованіемъ, жило лишь для него и съ нимъ. Вещи покрупнѣе знали свое мѣсто, стояли прочно, увѣренно и длительно; мелкія шныряли, терялись, опять находились, жили жизнью забавной, полной интереса и значенія.

Но онъ умеръ — и внутренній смыслъ этихъ вещей исчезъ, умеръ вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ онѣ цѣликомъ вошли въ сѣрую и унылую массу ненужнаго, безхозяйнаго хлама.

И его письма — запертые на ключъ ящики пожелтѣвшихъ страницъ.

Теперь стало уже излишнимъ сохранять кургузый остатокъ карандаша, который нѣсколько лѣтъ ютился въ цвѣтномъ стаканѣ на письменномъ столѣ, переживъ невредимо рядъ періодическихъ уборокъ. Онъ жалѣлъ этотъ огрызокъ карандаша, какъ добрый хозяинъ жалѣетъ стараго, больного, износившаго силы работника. Карандашъ доживалъ дни свои въ покоѣ, въ почетѣ, хоть и въ пыли — на днѣ стакана. Теперь этотъ бесполезный огрызокъ потерялъ своего защитника и осужденъ исчезнуть.

Женская рука съ обручальнымъ кольцомъ, особенно бѣлая отъ каемки траурныхъ кружевъ, перебираетъ вещицы, открываетъ коробки, касается конвертовъ и страницъ. Его ключемъ она отпираетъ ящики его стола, выдвигаетъ ихъ, неторопливо беретъ верхнюю коробочку. Въ коробкѣ орлиный коготь въ золотой оправѣ, нѣсколько камушковъ съ морского пляжа (не очень красивыхъ, обыкновенныхъ), старая оправка золотого пенснэ, бисеромъ вышитая закладка. И тутъ же прокуренная трубка со сломаннымъ мундштукомъ. Развѣ онъ курилъ трубку? И почему все это онъ сохранялъ? Откуда эта закладка? Что это за коготь? Чѣмъ эти вещички были дороги ему, что онъ сохранялъ ихъ въ коробкѣ, въ ящикѣ, подъ ключемъ?

Съ ними, съ этими вещицами, не соединялось никакихъ интимныхъ и запретныхъ воспоминаній о «ней» или даже о «немъ», вообще о людяхъ. Камушки были когда-то найдены на пляжѣ, у моря. Вѣроятно, было въ тѣ дни солнечно и хорошо, — и отблескъ солнца, соль моря и ощущение простора остались на камушкахъ. Ну, какъ же бросить ихъ! Онъ ихъ жалѣлъ. Дальше пошла жизнь непростая, несолнечная, непросторная. Въ

этой коробочкѣ похороненъ бодрящій морской воздухъ и кусочекъ былой свободы.

Коготь, вѣроятно, подарокъ, но и памяти о подарившемъ уже не было, а была только знакомая взору вещица, по своему красивая, — ну какъ ее бросить? А трубка.... Онъ курилъ трубку очень давно, еще когда носилъ широкополую шляпу, а галстукъ завязывалъ свободнымъ бантомъ (въ концѣ жизни онъ носилъ котелокъ).

Столько лѣтъ прожить вмѣстѣ — и не знать, что когда-то онъ курилъ трубку! Конечно, это — мелочь; но все же не знала объ этомъ бѣлая рука въ траурѣ. Правда, онъ уже много лѣтъ курилъ только папиросы и рѣдко-рѣдко сигару.

Бѣлая рука беретъ другую коробочку. Въ ней давно остановившіеся маленькіе карманные часы; на стрѣлкахъ — четверть седьмого, моментъ, когда часы остановились. Въ той же коробкѣ модель топорика венеціанской гондолы и половина брелка съ колечкомъ и надписью: «séparés, mais», — и на оборотѣ: «toujours unis». Гдѣ-нибудь есть другая половина, съ другимъ колечкомъ и такою же надписью. Должно быть — слѣдъ старой мимолетней встрѣчи: надломили распиленный брелокъ, взяли каждый по половинкѣ. Но вѣдь только «séparés» осталось, а «toujours unis» — наивность, воображенье! И опять же хранилось уже не воспоминаніе, а только вещица, которую нельзя же бросить. Куда? Въ сорную корзину? Просто за окно? Вещица занимаетъ такъ мало мѣста, она никому и ничему не мѣшаетъ, ее нельзя не жалѣть.

Онъ ж а л ѣ л ѣ е е, какъ карандашъ, какъ сломанную трубку.

Когда воздухъ и чужой глазъ дотронулись до вещей человѣка — вещи поблекли, осунулись. Знакомому гла-

зу онѣ улыбались привѣтливо, даже когда онѣ смотрѣлъ на нихъ разсѣянно, на всѣ сразу, мелькомъ. Прорсыпались — для него, и опять засыпали мирно, до слѣдующей встрѣчи. И имъ казалось — такъ будетъ всегда. Сейчасъ ихъ трогала рука незнакомая, отъ которой можно ожидать всего. Хозяинъ умеръ — и вещи его стали тусклыми, испуганными, старенькими, блеклыми. Грядущее неизвѣстно. Перенести свою любовь на другого человѣка? Нѣтъ, вещи не измѣняются.

А затѣмъ бѣлая рука съ каемкой траура спокойно, не дрогнувъ, какъ бы въ сознаниі права, пошла на преступленіе. Ножницами (его же старыми ножницами) она перерѣзала тонкую бичевку, — и пачка писемъ разсыпалась.

Разсыпалась пачка, но складки мелко исписанной бумаги слежались давно и тѣсно. Ни фразы, ни слова уже не имѣли никакого значенія, и вся пачка продолжала жить только какъ вещь, которую пожалѣли, сохранили, не бросили, потому что нельзя же (то есть можно, но трудно) бросить то, что было когда-то свято и полно трепетнаго интереса. А спустя часъ — письма, набухшія, разбитыя, потерявшія тѣсную другъ съ другомъ связь (складка со складкой, листикъ съ листомъ) лежали оскорбленной и ненужной грудой, и сложить ихъ по-прежнему было уже нельзя.

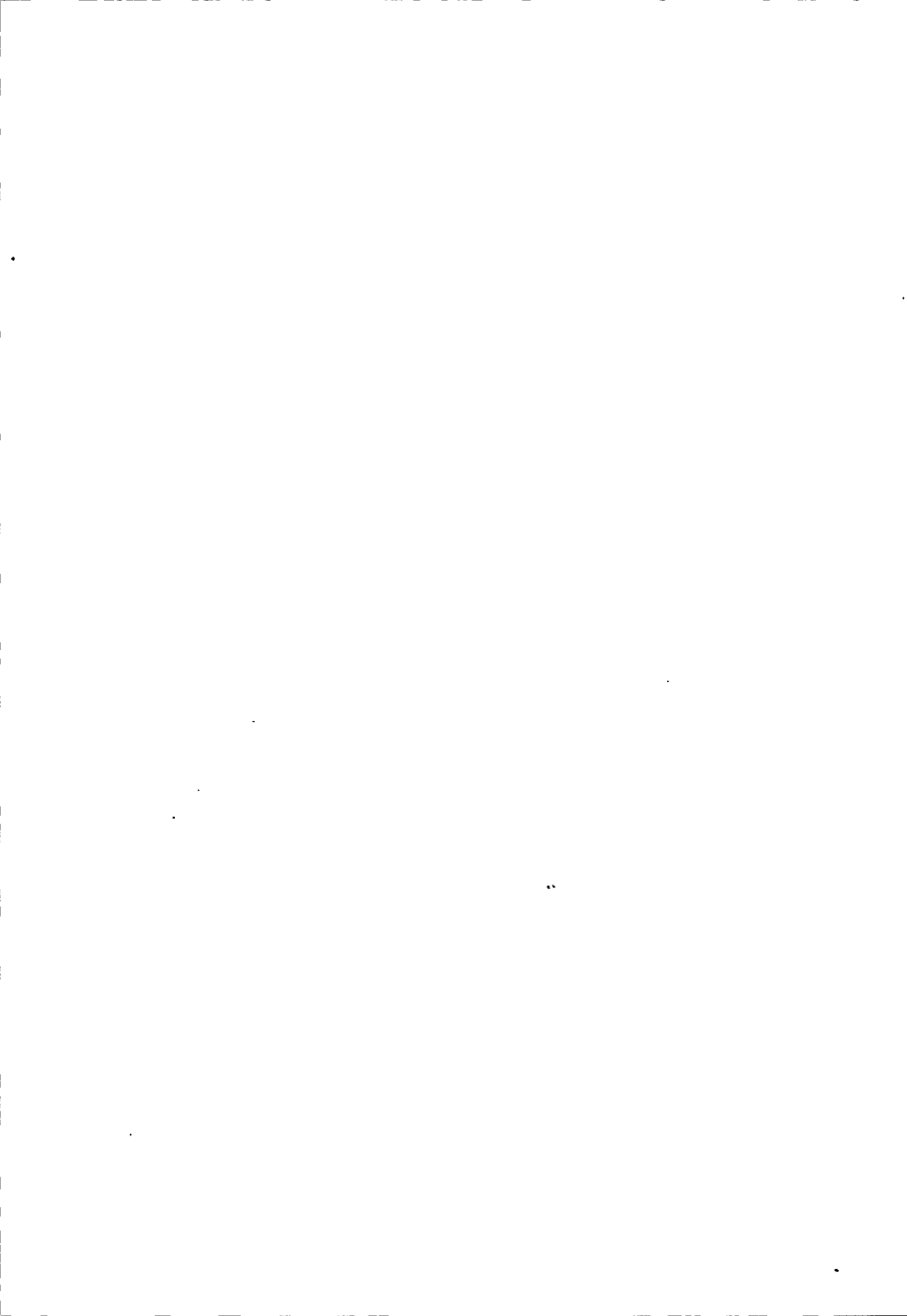
И бѣлая рука не знала, что съ ними дѣлать дальше. Нервнѣе, чѣмъ прежде, она перебирала ихъ, снова отыскивая слова и фразы, не ею писанныя — и писанныя не ей. Въ эту минуту къ вещамъ ненужнымъ и безхозяйнымъ, съ которыми никто не считается и которыхъ не уважаютъ, присоединилась еще одна: умершій человѣкъ.

Онѣ сталъ первой вещью, ушедшей изъ привычнаго юта. Онѣ ушелъ совсѣмъ и навсегда, оставивъ на

стѣнѣ большой свой портретъ, плоскій, съ остановившимся взглядомъ и надѣтой на лицо улыбкой — для другихъ. Глазъ, которыми онъ смотрѣлъ въ себя, не было; души его не стало. Пока маленькій храмъ его духа былъ нетронутъ, — человѣкъ жилъ въ пачкѣ писемъ, въ трубкѣ, въ полужетонѣ съ французской надписью, въ огрызкѣ карандаша. Теперь, когда вскрыты его смѣшныя коробочки и перелистаны самыя хранимыя его письма, — онъ ушелъ въ шелестъ послѣдней бумажки и сталъ только страшной вещью, за кладбищенской стѣной, подъ увядшими вѣнками.

И было велико смятенье его любимыхъ вещей, согнанныхъ съ отведенныхъ имъ мѣстъ, сваленныхъ въ кучу, обреченныхъ на уходъ — сегодня ли, завтра ли. Осколки храма стали мусоромъ.

Много раньше, чѣмъ бѣлая рука рѣшила ихъ дальнѣйшую участь, — еще живя въ матеріи — умерли въ духѣ в е щ и ч е л о в ѣ к а.

МУМКА

Мумку назвали Мумкой въ честь тургеневскаго «Муму», хотя нашъ Мумка не былъ похожъ на своего тезку ни характеромъ, ни наружностью, ни судьбой. Но имя дается слѣпорожденному щенку, — а какъ узнаешь, что получится изъ собаки, родители которой неизвѣстны? Такъ же случается съ тщедушными Олегами и лысыми Самсонами.

Дѣтства и юности Мумки я не помню, хотя мы съ нимъ были однихъ лѣтъ; это значить, что онъ былъ уже старцемъ, когда я поступалъ въ гимназію. Оба мы были любимцами моей матери, и оба взаимно другъ друга ненавидѣли. Впрочемъ, за исключеніемъ матери, Мумку ненавидѣли всѣ, и домашніе, и посторонніе; онъ это зналъ и отвѣчалъ тѣмъ же чувствомъ всему міру, — и живымъ существамъ, включая кошку, и неодушевленнымъ предметамъ, исключая съѣдобные.

Мумка былъ маленькій, когда то черный, въ старости сѣдой, отвратительно жирный, до того, что ноги его не были параллельны, а расползались, брюхо задѣвало полъ, а сидѣть онъ могъ только на боку. Относительно его породы споровъ не было: съ перваго взгляда опредѣляли его «надворнымъ совѣтникомъ». Онъ былъ на-

дѣленъ всѣми пороками, какіе свойственны невоспитаннымъ собакамъ: былъ неопрятенъ, жаденъ, глупъ, подлъ, злопамятенъ, корыстенъ, ехиденъ и безпримѣрно злобенъ. Болѣе злобнаго существа я никогда не встрѣчалъ даже среди литературныхъ критиковъ и классныхъ дамъ. Избытокъ злости, какъ это бываетъ и съ людьми, замѣнялъ ему умъ.

Мумка жилъ подъ кресломъ моей матери, выходя оттуда только по важнѣйшимъ личнымъ дѣламъ. При этомъ онъ никогда не проходилъ по открытому пространству комнаты, а только подъ креслами и стульями, отъ этапа къ этапу, дрожа, озираясь и грозно ворча, какъ бы ожидая нападенія. Нѣсколько спокойнѣе онъ чувствовалъ себя на собственной подушкѣ подъ кроватью въ маминой спальнѣ и здѣсь даже рѣшался оставаться одинъ, то ли обдумывая какой-нибудь новый подвохъ, то ли оберегая спрятанную кость.

Подушку чистили, мыли, мѣняли, но все-таки она была отвратительна. И на ней и подъ ней Мумка устраивалъ склады недоѣденнаго. Такъ какъ кости ему давали не голыя, а съ мясомъ и съ жиромъ, то подушка была всегда засалена, да еще покрыта сѣдыми его волосами. Добывать ее изъ-подъ кровати приходилось половой щеткой, — и за это Мумка ненавидѣлъ щетку тою же лютой ненавистью, какъ и мои башмаки. Она вся была искусана и подвергалась нападенію даже тогда, когда, не думая о подушкѣ, мирно подметала полъ: Мумка бросался на нее изъ-подъ ближайшаго стула, вцѣплялся зубами и катался вслѣдъ за нею кубаремъ со злобнымъ рычаніемъ, а Савельевна говорила:

— Не собака, а прямо нечистый, прости Господи! И какъ его земля терпитъ. Хоть бы съ жиру лопнулъ, — а не лопаеть.

Живя подъ кресломъ у матери, Мумка не проводилъ

времени въ праздности. Прежде всего онъ хваталъ за ноги всякаго, кто подходилъ къ матери или близко проходилъ мимо кресла. Онъ не довольствовался нанесеніемъ матеріальнаго ущерба, кусая панталоны или юбку (тогда носили юбки длинныя). Онъ стремился причинить боль и увѣче и потому хваталъ всегда за носокъ башмаковъ мертвой хваткой, быстро вонзалъ клыкъ и такъ держалъ, пока его не стряхивали другой ногой или не били по головѣ. Мои сапожки были всегда въ дырочкахъ отъ мумкиныхъ зубовъ, а на пальцахъ не заживали раны.

Если не было жертвы, Мумка чесалъ спину о деревянную перекладину кресла. Чесалъ онъ ее во всякое свободное время, безостановочно, съ яростью, повизгиваніемъ, сладострастно. Давно уже не было на его спинѣ волосъ и были только болячки — но онъ все-таки чесался. Лишь въ эти моменты очевиднаго высокаго наслажденія лицо его одухотворялось подобіемъ улыбки, въ глазахъ появлялась живая искорка, слегка затуманенная страстью, а въ мѣрномъ повизгиваніи — намекъ на ритмъ и хроматическую гамму. Несомнѣнно, чесанье спины уводило Мумку въ иной міръ, возвышало его надъ обыденностью, — какъ поэта возвышаетъ процессъ стихотворчества, по существу столь же бессмысленный, но дающій нервамъ нужное раздраженіе.

Мумку пробовали лѣчить отъ этой страсти: мазали ему спину мятной мазью, всего его мыли зеленымъ мыломъ. Но, какъ тѣ же стихотворцы, онъ былъ неизлѣчимъ, да и не стремился вылѣчиться, не понимая собственной пользы. Можетъ быть, и не слѣдовало лишать его единственной доступной ему тихой радости; но ужъ очень было противно его чесанье всѣмъ, даже матери, относившейся къ нему съ крайнимъ снисхожденіемъ и высшей человѣческой доброю.

Рѣшено было принять крайнія мѣры — и выполненіе поручено мнѣ. Кто-то посовѣтовалъ набить гвоздей, остріями наружу, во всѣ перекладины, годныя Мумкѣ по росту. Конечно, я съ радостью приступилъ къ дѣлу: прежде всего изукрасилъ гвоздями исподъ маминаго кресла, а головки гвоздей срѣзалъ кусачками и еще заострилъ подпилкомъ. Работа сложная, — но рукой моей водила давняя вражда и жажда мести.

Смотря на мою работу, мать сказала, качая головой: — Бѣдный Мумка; но правда — нужно его отучать. Только не дѣлай гвоздей слишкомъ острыми.

Посмотрѣть, какъ Мумка будетъ разочарованъ, пришли всѣ его враги, даже Савельевна, жарившая въ это время рыбу. Но не таковъ онъ былъ, чтобы доставить намъ немедленное удовольствіе; прочно забившись подъ кресло, онъ смотрѣлъ на насъ однимъ злымъ глазомъ и ворчалъ. Савельевнѣ пришлось уйти, такъ какъ запахло рыбой, и только у меня, главнаго врага Мумки, хватило терпѣнья дожидаться результатовъ моей работы. Я принесъ книжку, сѣлъ поодаль, притворился читающимъ, а самъ время отъ времени поглядывалъ на кресло. Наконецъ, Мумка всталъ, высунулъ изъ-подъ кресла морду, блаженно оскалилъ зубы и хотѣлъ приступить, — но взвизгнулъ и забился глубже подъ кресло.

Не трудно представить мой восторгъ. Но мама была очень разстроена:

— Бѣдный Мумка, онъ, кажется, сильно укололся.

Все-таки у этого злого тупицы хватило смысла перенести свое упражненіе подъ кресло сосѣднее; это не было такъ безопасно, какъ подъ кресломъ материнскимъ, и слишкомъ на виду; но страсть придаетъ рѣшимости. Пришлось мнѣ снова братья за молотокъ и кусачки. Въ

короткое время всѣ кресла подъ бахромой были усажены острыми гвоздями, и Мумка былъ побѣжденъ.

Онъ еще ухитрился какъ-то находить пространство между гвоздиками и осторожно двигать спиной, но почти всегда кончалъ тѣмъ, что накалывался, взвизгивалъ и отступалъ. Попытки тереться бокомъ о ножку кресла не давали ему нужныхъ переживаній: все дѣло было въ спинѣ. Мумка суетился, волновался, жалобно вздыхалъ, — но въ данномъ случаѣ даже со стороны моей матери онъ не встрѣтилъ сочувствія и помощи. Ему пришлось смириться и отказаться отъ величайшаго изъ наслажденій его мрачной жизни.

Онъ и смирился, даже какъ будто привыкъ. Спина его залѣчилась и начала обрастать сѣдой щетиной. Но за него мстили обстоятельства.

Эти обстоятельства заключались въ томъ, что время отъ времени кто-нибудь изъ насъ, а чаще всего гости, накалывали себѣ о гвозди ногу и рвали платье. Однажды очень почтенный господинъ, пришедшій навѣстить мою мать, вставая съ кресла, такъ неосторожно зацѣпился ногой за острый гвоздь, что поранилъ себя и опрокинулъ кресло. Пришлось долго объяснять ему, что особое устройство нашей мебели вызвано состраданіемъ къ собакѣ, совершенно расчесавшей свою спину. Господинъ старался улыбаться и говорилъ, что это ничего и совсѣмъ не больно, — но я увѣренъ, что онъ сильно себя поцарапалъ, и новыя брюки его были порваны. Во всякомъ случаѣ Мумка могъ считать себя отмищеннымъ, — хотя и приобрѣлъ новаго недоброжелателя.

Однако, когда непріятная исторія повторилась съ одной дамой, вырвавшей изъ юбки цѣлую полосу матеріи, — и эта дама даже расплакалась, — мать велѣла мнѣ немедленно выдернуть гвозди изъ всѣхъ кресель, кромѣ ея собственнаго.

— Къ тому же, — увѣряла она, — Мумка уже отвыкъ чесаться. Ты увидишь.

Я увидалъ въ тотъ же день. Этотъ подлый и въ конецъ испорченный любимчикъ матери даже не пожелалъ выждать приличный срокъ. Глядя прямо на меня, ехидно обнаживъ желтый клыкъ, онъ съ такимъ остервенѣніемъ чесался о первое кресло, къ которому ему удалось приспособиться, что обѣ переднія ножки кресла подпрыгивали и стучали обѣ полъ. Мою попытку подойти и помѣшать ему онъ встрѣтилъ яростнымъ рычаніемъ и, не ожидая пинка, мгновенно тѣмъ же клыкомъ вцѣпился мнѣ въ ногу. Онъ выбралъ при этомъ не новое мѣсто, а уже раньше прокушенную дырочку, гдѣ укусъ оказался больнѣе, и я долго съ крикомъ моталъ ногой, пока удалось отшвырнуть Мумку въ другой конецъ комнаты.

Мнѣ было настолько больно, что мама рѣшила Мумку наказать, хотя виноватъ былъ, конечно, я. Она схватила Мумку за шиворотъ и три раза ударила по расчесанному мѣсту. У нея были такія маленькія и нѣжныя ручки, что не только Мумка испыталъ лишь удовольствіе, а и я бы непрочь подвергнуться такому наказанію: въ немъ ласки было гораздо больше, чѣмъ обиды.

Такъ мы жили, въ вѣчной взаимной ненависти и въ ожиданіи подвоха и мести. Не знаю, что думалъ обо мнѣ Мумка; я же часами рисовалъ себѣ картину страшной мести. Я беру половую щетку или, еще лучше, ухватъ, прижимаю Мумку къ стѣнѣ, самъ забираюсь на стулъ, чтобы онъ не могъ схватить меня за ноги, и затѣмъ какимъ-то путемъ его уничтожаю, во всякомъ случаѣ чѣмъ то долго бью. Очень дурныя чувства рождала во мнѣ ненависть къ Мумкѣ.

Уничтожить его совсѣмъ, конечно, невозможно: за нимъ стоитъ мама, которая его очень любитъ, хотя со-

всѣмъ непонятно — за что. Но было бы хорошо, если бы Мумка самъ уничтожился. Если бы, напримѣръ, у него вдругъ выпали всѣ зубы, — тогда пускай жуеть башмакъ, сколько ему хочется; я бы даже и отнимать не сталъ.

Если это правда, что бытіе опредѣляетъ сознание, то развитіе моего сознанія въ значительной степени опредѣлялось бытіемъ Мумки. Такъ, напримѣръ, во второй стадіи моего младенчества, въ бытность мою эсеромъ, я представлялъ себѣ буржуазію въ образѣ, подобномъ мумкиному; впрочемъ, и сейчасъ отъ этого опредѣляющаго образа не отрѣшился. Онъ же рано пробудилъ во мнѣ ненависть къ деспотизму и насилію. Меня до глубины души возмущало, что личность Мумки, несомнѣннаго всеобщаго тирана, какъ бы священна и охранена неписаннымъ закономъ — любовью и жалостью моей матери. Причиняя боль ему — я какъ бы причиняю боль ей. Въ этомъ я чувствовалъ неразрѣшимую нелогичность, — по тѣмъ временамъ еще не подозрѣвая, что любовь не имѣетъ съ логикой ничего общаго. Въ Мумкѣ, — въ его спинѣ, въ его подушкѣ, въ его обжорствѣ, въ его инстинктахъ собственника и трусливой злобѣ, — олицетворялась для меня вся человѣческая, обывательская, мѣщанская пошлость, вся прочность жирнаго эгоистическаго быта, доводы котораго — зубы, поэзія котораго — почесыванье. И я понялъ, что держится онъ, этотъ укладъ, не своей силой, даже и не своими зубами (его можно далеко отшвырнуть пинкомъ ноги), а какимъ-то вѣками освященнымъ предразсудкомъ, ни на чемъ не основаннымъ признаніемъ, или же боязнью, что, сокрушивъ его, — сокрушишь вмѣстѣ съ нимъ и подлинныя радости бытія, подрубишь сукъ, на которомъ сидишь и будто бы благоденствуешь.

Я думаю, что сознание Мумки опредѣлялось, въ свою

очередь, бытіемъ моимъ, половой щетки и гвоздиковъ въ креслахъ. Мы вѣчно угрожали его самодержавному господствованію надъ подушкой и подъ креслами.

И тайныя и злыя мечты его были, конечно, подобны моимъ. Онъ мечталъ быть высокаго роста, чтобы кусать за носъ меня и всѣхъ, подходящихъ къ креслу, мечталъ имѣть огромный желтый клыкъ невѣроятной остроты, чтобы перегрызать однимъ махомъ не только кожу ботинокъ, но и каблукъ, а щетку обращать въ щепки и труху. Ему еще хотѣлось имѣть брснзовую спину, чтобы гвозди не только не причиняли ей пораненій, а сами тупились и гнулись при сладостномъ его почесываньи. Еще онъ хотѣлъ бы имѣть подушку въ полміра величиной, чтобы подъ нее можно было засунуть всѣ кости отъ всѣхъ обѣдовъ, сѣдаемыхъ презрѣннымъ человѣчествомъ, насквозь пропитать ее саломъ и жиромъ и понадѣлать въ ней тысячу ямочекъ и углубленій для удобнаго спанья.

Теперь, на отдаленіи временъ и въ безстрастіи воспоминанія, я не сужу Мумку такъ строго. Я знаю, что только близость къ людямъ и ихъ вліяніе развиваютъ въ животныхъ дурныя наклонности: злость, подхалимство, неопрятность. Живи Мумка не въ комнатахъ, онъ былъ бы, вѣроятно, отличнымъ псомъ, безъ огромнаго живота, кривыхъ ногъ и расчесанной спины. Онъ цѣнилъ бы вольный воздухъ и зналъ бы въ молодости и инья утѣхи, кромѣ жирныхъ костей и мягкой постели. Злымъ и нетерпимымъ сдѣлала его тусклая жизнь вынужденнаго холостяка и ограниченность духовныхъ интересовъ. Полъ вмѣсто земли и потолокъ вмѣсто неба дѣлаютъ противными и сонными буржуями не однѣхъ собакъ. Но у людей есть книги и газеты, дающія имъ иллюзію болѣе яркаго существованія; люди ухитряются жить чужими мыслями и вычитанными геройскими под-

вигами, и это ихъ хоть чуточку возвышаетъ надъ бытомъ спальни и столовой, ванна замѣняетъ имъ море, женитьба — любовь, счетъ бѣлья — созерцанье безчисленныхъ звѣздъ. Но чѣмъ могъ Мумка замѣнить себѣ общенье съ ему подобными, аромать влажной земли и ласку чистаго воздуха? Онъ родился честнымъ псомъ, — а сталъ домашней утварью. Будь онъ челоуѣкомъ и попади въ такія же условія, онъ сталъ бы присяжнымъ повѣреннымъ или писателемъ и убѣдилъ бы себя, что хорошо выполнилъ свою миссію на землѣ. Но онъ родился тупорылымъ щенкомъ надворной породы, — и сталъ Мумкой. Будемъ къ нему справедливы и снисходительны.

Вѣкъ собаки не дологъ. Къ десяти годамъ Мумка былъ уже отвратительно старъ; теперь даже злоба его была безсильна, да и ноги плохо его держали. Къ тому же у него развился маленькій порокъ, описать который безъ словъ иносказательныхъ очень трудно: внезапная своеобразная музыкальность, сопровождавшаяся открытіемъ въ комнатѣ форточки. Нельзя было его такъ закармливать — но вѣдь ѣда была единственной и послѣдней нормальной радостью его клонившихся къ закату дней. Мы, домашніе, особенно мать, кое-какъ привыкли и къ этому недостатку Мумки. Но тутъ начался рядъ непрятнѣйшихъ недоразумѣній.

Какъ сказано, онъ весь день проводилъ подъ кресломъ матери и вслѣдъ за нею переходилъ изъ комнаты въ комнату, изъ-подъ кресла — подъ стулъ или подъ диванъ. И вотъ, когда приходили гости, случалось не разъ, что Мумка, ютясь у ногъ матери гдѣ-нибудь подъ диваномъ, внезапнымъ проявленіемъ музыкальности нарушалъ чинный стиль свѣтской бесѣды. При этомъ, привыкнувъ, что въ такихъ случаяхъ его стыдятъ и гонятъ, онъ немедленно же, тайкомъ и у стѣнки, незамѣтно ус-

кользаль въ другую комнату — переждать время и избавиться отъ шлепка.

И тогда случалось, что гости, чтобы доказать свою воспитанность и избавить хозяйку отъ всякихъ неумѣстныхъ подозрѣній, съ вѣжливой шутливостью и покачивая головой, слегка наклонялись подъ диванъ, ища глазами бѣдную старую собачку. Но бѣдной старой собачки тамъ не было, и напрасно мама, больше всѣхъ смущенная, хлопала рукой по дивану и говорила:

— Пошелъ отсюда, ахъ, какой противный! Вы ужъ простите, пожалуйста.

Мумки тамъ уже не было, онъ выскользаль незамѣтно. Гости улыбались, подчеркивая этой улыбкой, что они не сомнѣваются, что Мумка былъ подъ диваномъ, — но все-таки выходила неловкость, и мама очень краснѣла. Однако, было невозможно и выдать за скрипъ кресла мумкину невоспитанность, такъ какъ никакой скрипъ кресла не могъ вынудить отворять форточку. Все это выходило ужасно досадно и съ мумкиной стороны довольно подло.

Вообще нужно было быть святымъ человѣкомъ, чтобы терпѣть около себя такое сокровище, да еще защищать его отъ нападковъ и осужденій. Мать моя терпѣла, и это потому, что она была святымъ человѣкомъ. И Мумка, старый, дряхлый, больной, развалившійся, до послѣдняго дня своей жизни отъ нея не отходилъ: онъ умеръ подъ ея кресломъ. Передъ тѣмъ, какъ околѣтъ, онъ выползъ на минуту, сѣлъ, какъ обычно: обѣ заднія ноги на одну сторону, посмотрѣлъ на мать слезящимися отъ слабости глазами, сейчасъ же полѣзъ обратно — и уже больше не вышелъ.

Хоронила его Савельевна, а гдѣ и какъ — я этого не знаю, мнѣ не сказали. Куда-то Савельевна ушла, унесла его трупъ, а вернувшись — сейчасъ же пошла въ

спальню, щеткой достала изъ-подъ кровати мумкину подушку и сожгла ее въ печкѣ. Подъ кроватью она не только вымела, но и вымыла, и все время приговаривала:

— Хоть и жалко собачки, барыня убивается, а скажу: слава те, Господи! За такой собакой не наубираешься, и вони этой на будетъ.

Я пробовалъ спросить:

— Савельевна, а ты куда его унесла? Гдѣ онъ теперь?

— Мумка-то гдѣ? А гдѣ ему быть, — въ собачьемъ раю. Барыня вамъ сказывать не велѣла.

— Почему?

— Развѣ же я знаю почему? Ужъ вѣрно ей неприятно, что ея любимца въ помойку бросили. Барыня наша всѣхъ любить, что человѣка, что собаку.

И стали мы жить безъ Мумки.

Сказать, что многое отъ этого перемѣнилось, было бы преувеличеніемъ. Но все таки странно было подходить къ матери и не бояться, что Мумка схватитъ за ногу; не было подъ постелью подушки, и вытащили клещами послѣдніе гвоздики изъ кресла; не слышно было постоянныхъ окриковъ, меньше ворчала Савельевна, и словно бы воздухъ сталъ получше. Но къ такимъ перемѣнамъ привыкаешь легко.

Со смертью Мумки исчезла и моя къ нему ненависть; даже какъ будто теперь я вспоминалъ о немъ съ жалостью: все таки всю жизнь вмѣстѣ прожили.

Какъ то помню, сидѣлъ я за маминой спиной у окна, читалъ, а ногой, по мальчишеской привычкѣ, болталъ и шуршалъ по креслу. И вдругъ мама сказала, слегка ударивъ по креслу ладонью:

— Будетъ тебѣ, Мумка, лежи!

Это она задумалась и, слыша шуршанье, по привычке окрикнула собаку, чтобы та перестала чесаться.

— Мама, да вѣдь это я, Мумки нѣтъ.

Мама оглянулась, потомъ положила свое вязанье и тихонечко заплакала. Меня это такъ поразило, что я не зналъ, что сказать. Она скоро смахнула слезу и опять принялась за работу. Тогда я спросилъ:

— Почему, мама? Ты про Мумку вспомнила?

— Ну да.

— Тебѣ его жалко?

— Видишь, милый, не то, что жалко, очѣнь вѣдь былъ очень старый, да и совсѣмъ больной, а привыкла я къ нему. Онъ десять лѣтъ былъ около меня, да такъ и умеръ. Вы всѣ уйдете, вонъ Оля уже замужъ вышла и уѣхала, и ты уѣдешь. А Мумка бросить меня никогда не могъ.

— Такъ вѣдь онъ, мама, былъ собака.

Она помолчала, а потомъ сказала:

— Ну, конечно. Только собака такъ и можетъ. Собаки очень вѣрныя, очень вѣрныя; человекъ такъ не можетъ.

— Я, мама, отъ тебя тоже никогда не уйду.

Она разсмѣялась, растрогалась, похлопала меня по щекѣ и сказала:

— Ты то уйдешь, но это ничего, такъ нужно. Ну, пойди къ себѣ, почитай или позанимайся. А отчего ты не погуляешь, сегодня воскресенье?

Я и правда — взялъ коньки и пошелъ покататься.

ВЪ ЮНОСТИ

Заглянешь въ будущее — и ничего въ этомъ будущемъ не усматривается положительнаго, только слабая надежда, что вотъ хорошо бы напоследокъ пожить и склонить голову тамъ, гдѣ хочется. Голова совсѣмъ не буйная, а съ обыкновеннымъ проборомъ въ волосахъ, которые у почтеннаго человѣка начинаютъ свѣтлѣть съ висковъ.

Настоящее безъ перемѣнъ. Не то что бы., но и не такъ что бы. О настоящемъ вообще не рассказываютъ, а имъ живутъ. Похващаешь счастьемъ — станеть другому завидно; а начнешь печаловаться — лица сдѣлаются сочувственно-далекими и тревожно-усталыми, потому что каждому человѣку довольно своей заботы.

И остается рассказывать о прошломъ.

Я ни разу не былъ министромъ, ни въ Петербургѣ, ни въ Уфѣ, ни за Ураломъ, ни въ другихъ мѣстахъ, гдѣ этимъ занималось множество людей вполне приличныхъ и на видъ серьезныхъ. Не пришлось быть также ни офицеромъ, ни солдатомъ; вообще — управлять, командовать и совершать подвиги не доводилось. Всю свою жизнь я прожилъ простымъ человѣкомъ, безо вся-

кой особенной біографіи: родился отъ папы съ мамой, учился и добывалъ хлѣбъ насущный, то бѣлый, то черный, иногда съ паюсной икрой, а чаще съ крупной солью. Попутно суетился, какъ всѣ суетятся. Были, конечно, разныя жизненныя событія, пріятныя и непріятныя, но въ мѣру: иностранцу хватило бы на десять жизней, а русскому какъ разъ на одну. И, какъ коренной русской человѣкъ, гражданинъ и властитель шестой части земного шара, я жилъ больше по чужимъ странамъ, такъ какъ дома было тѣсно и неудобно. На здоровье не жалуясь — здоровъ. Вотъ пописываю, — но чтобы писать, какъ пишутъ другіе, что съ дѣтскихъ лѣтъ ощущалъ трагизмъ бытія и вѣянье смерти, цѣлый романъ на такую тему, — этого я, по совѣсти, не могу, хотя знаю, что многимъ читателямъ это нравится. Не могу потому, что въ дѣтствѣ я былъ ребенкомъ, въ юности юношей, а въ данное время соотвѣтствую собственнымъ годамъ.

Итакъ, министромъ я не бывалъ, а гимназистомъ дѣйствительно, былъ, и хотя достаточно давно, въ прошедшемъ вѣкѣ, а рассказать что-нибудь изъ тѣхъ лѣтъ могу.

Богъ его знаетъ, было это время счастливое или несчастливое. Обычно дѣтство называютъ незабвеннымъ и золотымъ, но мнѣ кое-какіе изъ взрослыхъ годовъ нравятся гораздо больше. Какъ и большинство русскихъ провинціальныхъ гимназій, и тѣхъ временъ и позднѣйшихъ, наша была отвратительнымъ учрежденіемъ, очень вреднымъ и губительнымъ. Спасибо, что хоть научили читать, писать и считать. вмѣсто исторіи намъ преподавали хронологію рожденій и смертей безчисленныхъ Карловъ, Александровъ, Максимилиановъ и Елизаветъ, и чужихъ, и нашихъ, и еще мы изучали, кто съ кѣмъ когда воевалъ. вмѣсто географіи, зубрили названія

озеръ и полуострововъ. Физику учили безъ опытовъ, геометрію безъ смысла, а естествознаніе въ программу не входило, и никто намъ не сказалъ, что кромѣ гимназистовъ, учителей, попечителя округа и тайнственныхъ меровинговъ и габсбурговъ, есть еще и другія животныя, есть огромный и великій міръ живыхъ существъ, жизнь которыхъ полнѣе, сложнѣе и разумнѣе нашей. И еще намъ преподавали законъ Божій, то есть очаровательныя сказки, но только въ самомъ глупомъ и безнравственномъ ихъ толкованіи. Если бы не здоровая и естественная ненависть къ учителямъ и всей преподаваемой ими чепухѣ, и если бы мы не толковали для себя многого наоборотъ, — мы всѣ выросли бы идіотами или большими негодьями.

Исторіи насъ обучалъ самъ директоръ гимназіи, очень невѣжественный, но не злой господинъ, имѣвшій романы со всѣми сосѣдними кухарками. Явившись на урокъ, онъ засовывалъ глубоко въ носъ большой палецъ, колупалъ и, помогая пальцемъ среднимъ, вынималъ шарики, которые сыпалъ вокругъ себя. Что мы отвѣчали — онъ никогда не слушалъ, думая о кухаркахъ. Нужно было только отвѣчать ровно и безъ перерыва. Когда намъ надоѣдало читать заданный урокъ прямо по книжкѣ, — мы вставляли въ рассказъ о войнѣ алой и бѣлой розы — басню Крылова «Стрекоза и Муравей». На пятomъ шарикѣ онъ останавливалъ отвѣчавшаго и ставилъ отмѣтку, оцѣнивая не знаніе урока, а качество послѣдней своей кухарки, — всегда снисходительно.

Законоучителей у насъ было двое: одинъ старый, вѣрующій, малограмотный, съ огромнымъ сизымъ носомъ, а между тѣмъ — единственный не пьющій въ учительской средѣ. Другой былъ молодой, академикъ, атеистъ, красивый и чистоплотный — горчайшій пьяница. Но оба они говорили одно и то же, какъ полагалось по

программѣ. Первый, впрочемъ, позволялъ себѣ отвлекаться отъ основного предмета и даже однажды познакомилъ насъ съ теоріей социализма:

— Соціалисты говорятъ: все твое — мое, а что мое — такъ это еще посмотримъ.

Соціалистомъ онъ считалъ Вольтера, но иногда по ошибкѣ называлъ его Вальтеръ-Скотсмъ. Самъ онъ искренно вѣрилъ въ рай, въ адъ, въ кита, проглотившаго Иону, въ Ноевъ ковчегъ, ангеловъ, демоновъ и прочее, что полагается. Но вѣрилъ какъ-то боязливо, никого своей вѣрой не заражая. Онъ нюхалъ табакъ съ малинкой, громко чихалъ и вытиралъ бороду и усы бурымъ клѣтчатымъ платкомъ.

Второй, академикъ, избѣгалъ постороннихъ темъ, и мы его побаивались, пока однажды, на лѣсной прогулкѣ, не увидали, какъ онъ, въ пьяной компаніи другихъ учителей, пляшетъ на полянкѣ трепака, подобравъ рясу и обнаруживъ бѣлые кальсоны въ синюю полоску. Намъ это понравилось.

Были среди нашихъ учителей и хорошіе люди, но ихъ губила глухая провинція и водка, — всѣ пили дико и свирѣпо, и забывали подтяжки въ публичныхъ домахъ. Самымъ лучшимъ и самымъ умнымъ, былъ нашъ инспекторъ, по прозванію Савоська, человѣкъ благородный, строгій, справедливый, образованный, огромнаго роста и большой физической силы. Компаній онъ не любилъ, а пилъ одинъ дома протяжно, мрачно, а напившись, — разносилъ вдребезги свою казенную квартиру и обстановку нашей «актовой залы». Запой тянулся у него недѣлями.

Меньше всѣхъ пили французъ и нѣмецъ, оба — длинные иностранцы. У француза была крашеная борода и поэтому вѣчно-зеленый крахмальный воротничокъ. Онъ насъ не училъ, а рассказывалъ намъ на ломаномъ

русскомъ языкѣ о революціи сорокъ восьмого года, которой будто бы былъ участникомъ, хотя по возрасту это никакъ не получалось. Невозможно было понять, съ чьей стороны онъ бился на баррикадахъ, тѣмъ болѣе, что эта страница исторіи въ нашихъ программахъ не значилась; но слушать было забавно, и при томъ можно было не учить урока. А нѣмецъ нашъ былъ молодъ, голубоглазъ, сентименталенъ и влюбленъ въ классную даму женской гимназіи, которую мы прозвали «Иронія Судебъ». Онъ хотѣлъ даже застрѣлиться отъ любви, — но она такъ быстро и охотно согласилась выйти за него замужъ, что стрѣляться не пришлось. Послѣ она его ужасно сильно била по головѣ «Разбойниками» Шиллера въ златообрѣзномъ переплетѣ, и онъ за одинъ годъ полысѣлъ.

Дѣйствительно — это была какая-то коллекція уродовъ и несчастныхъ людей! Я думаю, что наша гимназія была мѣстомъ ссылки педагоговъ, тѣмъ болѣе, что и городъ нашъ былъ раньше городомъ ссылки, какъ тогда говорилось, — «не столь отдаленной». Но вѣдь это — какъ понимать! Наша губернія сама по себѣ была размѣрами больше Италіи, а когда я, ставъ студентомъ, ѣздивъ изъ Москвы на родину, то для этого пересѣкалъ въ поѣздѣ одиннадцать губерній, — пять сутокъ ѣзды. Это только французы думаютъ, что отъ Парижа до Марселя — путешествіе; у насъ масштабы иные.

Говоря объ учителяхъ я не упомянулъ совсѣмъ о латинистѣ и грекѣ, о самыхъ — по тѣмъ временамъ — главныхъ. Это потому, что о личныхъ врагахъ вспоминать очень непріятно. Виргилія и Гомера я научился понимать и цѣнить много позже, уже взрослымъ человекомъ, самостоятельно подучившись; а раньше ненавиждѣлъ ихъ всѣмъ пламенемъ молодого сердца.

Но, кромѣ гимназіи, была у насъ широкая и много-

водная рѣка и почти дѣвственный лѣсъ подъ самымъ городомъ, — открытая книга природы, всякому доступная, чьи глаза хотятъ видѣть, уши слышать, а душа радоваться. Все, что намъ не договаривали и не умѣли объяснить, — мы читали на страницахъ этой книги.

Въ ней мы находили настоящій «Законъ Божій», она подготовляла насъ къ воспріятію подлинной исторіи, она очищала наши дѣтскія головы отъ мусора, которымъ ихъ засаривала гимназія.

И на ея пышныхъ и роскошныхъ зелено-голубыхъ страницахъ мы учились постигать и любить огромный міръ своихъ собратьевъ по бытію — звѣрей, птицъ, рыбъ, гадовъ, насѣкомыхъ, — отъ золотистаго жучка и вертлявой уклейки — до сестры-моей-змѣи и брата-моего-волка, которыхъ не мало водилось на лугахъ и въ лѣсной чащѣ того берега матери-моей-Камы.

Годъ въ нашихъ краяхъ состоялъ не изъ двухъ, какъ здѣсь (осень и лѣто), а изъ четырехъ временъ: изъ очень длительной весны, короткихъ лѣта и осени и опять долгой зимы.

У меня былъ закадычный пріятель Вася. Зимой, отбывъ положенное въ классахъ, остальное время мы катались на конькахъ или сидѣли за книжками, но не за учебниками, а за страшными, запрещенными и развратными: читали вслухъ Достоевскаго, Толстого, Шекспира, Байрона, Бѣлинскаго, Писарева, Аполлонъ Григорьевъ, Шелгунова и Бокля. А кромѣ того, писали свои собственныя произведенія: онъ — критико-философскія, а я по части беллетристической. Написалъ я романъ, съ очень сложной интригой. Онъ любилъ ее, а его отецъ какъ бабахнетъ ея отца по черепу прессъ-папье, такъ тотъ и умеръ! И счастье разумѣется, разстроилось

при помощи двухъ самоубійствъ молодыхъ людей, а отецъ его сошелъ съ ума. Васѣ понравился романъ, только онъ говорилъ, что я слегка сгустилъ краски. Думается — вліяніе Достоевскаго.

А поздней весной и лѣтомъ мы мало читали книги печатныя, а больше увлекались книгой природы. У меня была лодочка на два мѣста, совсѣмъ маленькая, плоскодонка. На ней мы уѣзжали либо на тотъ берегъ рѣки, либо на островъ недалеко отъ города. На островѣ раздѣвались, лежали на пескѣ и разговаривали обо всемъ на свѣтѣ, начиная съ тайнъ мірозданія и кончая Марусей Коровиной, въ которую я былъ влюбленъ, а онъ будто бы нѣтъ, хотя это невозможно. Больше, однако, о тайнахъ мірозданія и о возможности объяснить ихъ при помощи науки, только не гимназической. Говорили о борьбѣ въ мірѣ добра со зломъ; по его выходило, что побѣдитъ добро, а по моему всѣ шансы были на сторонѣ зла. Потомъ высказывали пожеланіе изучить языкъ звѣрей и наладить нѣкоторую съ ними жизнь. Также о государственномъ устройствѣ, а именно о низверженіи гимназическаго начальства и завоёваніи права свободно пользоваться книгами городской бібліотеки. Еще о томъ, что въ будущемъ люди станутъ питаться пилюлями универсальнаго содержанія, которыя можно будетъ носить въ карманѣ. Мечтой нашей было имѣть большой атласъ звѣзднаго неба и телескопъ. Вполнѣ допускали мысль поселиться на необитаемомъ островѣ, но здѣсь я не зналъ, какъ быть съ Марусей Коровиной. Когда мы стали постарше, то предметомъ обычнаго разговора сдѣлалось наше будущее. Я опредѣлилъ для себя писательство, онъ избралъ дорогу инженера; нужно сказать, что къ этому времени мы помѣнялись нѣкоторыми взглядами: онъ сталъ вѣрить въ побѣду зла, я — въ конечную побѣду добра, онъ возложилъ надежды на

рость цивилизации, я — на усовершенствованіе человѣка. Такъ оно и случилось: онъ сталъ впослѣдствіи инженеромъ, а я вотъ — пишу.

Но больше всего мы пили солнечный свѣтъ и дышали смолистымъ воздухомъ. Когда плыли на моей лодочкѣ, смотрѣли въ глубину рѣки, которая у насъ хоть и темна, а не мутна, какъ на Волгѣ. И тамъ, въ глубинѣ, было множество скрытыхъ тайнъ, жизнь совсѣмъ особенная. А надъ нами было небо, тоже — перевернутая бездна, тоже полная жуткихъ тайнъ; въ ангеловъ мы не вѣрили, а въ людяхъ на разныхъ планетахъ не сомнѣвались. Но и помимо этого, ужъ однѣ звѣзды — вѣдь это чудо изъ чудесъ! По берегамъ же цвѣла липа, сладкій запахъ которой кружилъ голову. И впереди была вся жизнь — тоже голова кружилась. Въ Марусѣ Коровиной я къ тому времени разочаровался, чего нельзя было сказать о Женѣ Тихоновой, не обращавшей на меня никакого вниманія.

Въ воскресный день Вася зашелъ ко мнѣ утромъ; мы условились пойти въ лѣсъ. По лицу его я видѣлъ, что нѣчто произошло, — весь онъ былъ на ципочкахъ, таинственный и важный. Мы были мужчинами, и обнаруживать любопытство не полагалось. Я сталъ равнодушно готовить сумку для бутербродовъ и коробочки для травъ и насѣкомыхъ; мы тогда самостоятельно занимались естественными науками — по случайной книжкѣ.

Передъ тѣмъ, какъ выйти, Вася не вытерпѣлъ и, покраснѣвъ отъ скрытаго возбужденія, сказалъ:

— Хочешь знать, о чемъ я думалъ? И даже рѣшилъ.

— Ну, говори.

Онъ сталъ ко мнѣ въ полъ оборота и произнесъ:

— Знаешь ли ты, въ чемъ цѣль жизни?

— Не знаю. Ну?

— Въ самой жизни.

— Какъ же это?

— А такъ, въ ней самой! Особой цѣли нѣтъ, а вся цѣль въ томъ, чтобы жить. И отсюда выводы.

Онъ это не вычиталъ, а открылъ. Онъ, Вася, былъ замѣчательный! И я, подумавши, понялъ, что открытіе это — великое. Если, напримѣръ, онъ это напишетъ и напечатаетъ — можетъ прославиться. Онъ мнѣ и еще растолковалъ:

— Это значитъ, что снаружи цѣли не ищи, она внутри. Формула такая: «Цѣль жизни — самый процессъ жизни».

— А какъ же смерть?

— Смерть — не жизнь. Я говорю про жизнь. А смерть просто въ концѣ, ея цѣль пресѣкается. Умеръ и конецъ цѣли.

Однако, и я поднялъ важный вопросъ — Вася это почувствовалъ. Мы пошли въ лѣсъ, но ни гербарія, ни насѣкомыхъ не собирали, а говорили и говорили. По моему выходило, что если цѣль пресѣкается смертью, — то что же это за цѣль, какой же это идеаль? Горе наше было въ томъ, что намъ не хватало словъ для выраженія мыслей. И мы, продираясь сквозь кустарникъ или сидя на лужайкѣ, открывали истины и путались въ нихъ больше, чѣмъ въ лѣсной чащѣ. Но какъ было хорошо! Все было придумано и сто разъ сказано другими раньше насъ, — но вѣдь не съ ихъ голоса, а сами мы нащупывали какую-то правду, изумительную и странную. То ли правду, то ли дѣтскую чепуху. Но если чепуху, — то свойственную всѣмъ философамъ міра, такимъ же ребятамъ и такимъ же восторженнымъ путанникамъ.

Когда я студентомъ сталъ изучать философію — я со смущеніемъ вспоминалъ о нашихъ великихъ открытіяхъ. А когда сталъ совсѣмъ взрослымъ, — я понялъ, что на путяхъ познанія задачъ человѣческаго бытія —

малымъ, а то и ничѣмъ не отличается «великій фило-софъ» отъ желторотаго провинціального гимназиста. Только говоритъ складнѣе, а барахтается въ той же са-мой неразберихѣ. И такъ же ничего никогда не рѣшить — слава тебѣ, Господи, иначе высохли бы рѣки, появля бы лѣсъ и стало бы жить совсѣмъ скучно. Потому что, если трижды пять — пятнадцать, и это уже вѣрно и окон-чательно, — то лучше всего повѣситься или жениться на продавщицѣ изъ табачной лавочки. Невыносимо это для живого человѣка, заглянувшего вглубь рѣки и въ звѣздную пучину: душа дѣлается квадратной и против-но чешется мозжечекъ!

Если вы представите себѣ дѣвушку пятнадцати лѣтъ съ глазами въ страусово яйцо и со слегка блестящимъ маленькимъ носомъ, пальчики которой запачканы чер-нилами, то это и есть Женя Тихонова. Относительно ея невниманія ко мнѣ вышла ошибка, — она просто при-творялась равнодушной. Все это выяснилось въ одинъ изъ тѣхъ дней, которые въ жизни рѣдко повторяются.

Насъ объединила литература; она писала лучшія сочиненія въ женской, я — въ мужской гимназіи. Мы гуляли по отдаленной улицѣ, гдѣ подъ вечеръ было трудно кого-нибудь встрѣтить, и говорили о Неточкѣ Незвановой, Сонѣ Мармеладовой и объ Алешѣ изъ «Бра-тьевъ Карамазовыхъ». Въ одномъ мѣстѣ немощеной улицы приходилось каждый разъ обходить большую лужу; въ этотъ моментъ разговоръ прерывался, и я му-чительно думалъ о томъ, какъ я люблю Женю и какъ безнадежно высказать это ей среди умнаго разговора. И еще въ одномъ мѣстѣ былъ заборъ, изъ-за котораго свѣшивалась старая липа, такъ что задѣвала прохожихъ по лицу. Я чувствовалъ, что именно въ этомъ мѣстѣ и

произойдетъ признаніе и готовился къ нему недѣлями, хотя гуляли мы почти каждый день.

И вотъ однажды, какъ разъ подѣ самой липой, я, внезапно оборвавъ бесѣду о значеніи романа «Обломовъ» въ русской литературѣ и о вліяніи его на развитіе общественной жизни, вполне корявымъ языкомъ и запинаясь, сказалъ Женѣ, что и моя жизнь разбита, такъ какъ я полюбилъ женщину, которой я недостойнъ и которая никогда не можетъ полюбить меня. Теперь-то у меня это выходитъ ясно, а тогда получилось очень сложно и туманно. Женя, на ходу, спросила, не ошибаюсь ли я, считая себя совсѣмъ погибшимъ. Къ этому времени мы дошли до лужи. Сдѣлавъ легкій скачокъ, при которомъ я набралъ воды въ калошу, я осмѣлѣлъ и сказалъ, что объ этомъ можетъ знать только она. Тогда Женя, мотнувъ толстой косою и не оборачиваясь, подала мнѣ руку и пробормотала:

— Она отвѣтитъ вамъ, что тоже... но оставьте меня, я дойду одна.

При этомъ въ моей рукѣ оказалась записка, которую я крѣпко зажалъ. Такая же записка уже двѣ недѣли лежала въ моемъ карманѣ, и было очень обидно, да и неудобно, что я не успѣлъ ее передать Женѣ.

Въ ея запискѣ было сказано все, что могло сдѣлать меня счастливымъ и въ доказательство приводились цитаты изъ Тургенева. Хорошо, что я не передалъ Женѣ своей, такъ какъ моя была написана гораздо хуже, не такъ литературно. Дома, ошалѣлый отъ счастья, я написалъ новую, огромную, гдѣ былъ такой оборотъ:

— Помнишь ли ты, какъ Вронскій, за часъ передъ скачками...

Мы перешли на «ты» сразу, но только въ письмахъ. Встрѣтившись на другой день, мы опять бродили по тихой улицѣ, перескакивали черезъ лужу, замирали подѣ

липой, но говорили на «вы» и исключительно о народных былинахъ, какъ источникѣ русской словесности. И только прощаясь — быстро обмѣнялись записками, въ которыхъ было высказано все, чего мы не рѣшались произнести. Оказалось, что она любитъ меня съ Пасхи прошлаго года, когда я пѣлъ на клиросѣ въ гимназической церкви и, во время «Херувимской», пристально посмотрѣлъ на нее. Я же написалъ ей, что образъ неясный, образъ еще туманный, только послѣ ставшій реальнымъ, носился предо мной съ юныхъ лѣтъ, особенно во время моихъ одинокихъ прогулокъ въ лѣсу, гдѣ сердце замирало отъ красоты природы, а грудь вздымалась отъ ласки весенняго воздуха. Сейчасъ я не вспомню, такъ ли было, но возможно, что все это было истинной правдой. Во всякомъ случаѣ, мнѣ хотѣлось, чтобы было такъ.

Теперь жизнь моя была переполнена чувствомъ къ Женѣ. Цѣлые часы уходили на писанье ей писемъ, въ которыхъ, на ряду съ самыми цвѣтистыми выраженіями моей любви, нужно было показать и глубокое знаніе литературы, главнымъ образомъ тѣхъ авторовъ, которыхъ мы въ гимназіи не изучали. А такъ какъ Женя тоже много читала, то превзойти ее я могъ только скептической философіей, и я, дѣйствительно, писалъ ей:

— Да не есть ли самая наша жизнь лишь мигъ между вѣчностями?

Такъ мы переписывались до лѣтнихъ каникулъ, все-таки ни разу не сказавъ другъ другу словами то, что облекали въ письмахъ въ красивѣйшую и страстную форму. Къ лѣту лужа подсохла, липа распустилась и расцвѣла и я почувствовалъ (скверный и безнравственный мужчина!), что я хочу Женю поцѣловать. Помогла опять липа, но когда я, пустивъ въ ходъ всю рѣшимость мужчины, неуклюже обнялъ Женю за плечи, а она съ полнымъ

довѣріемъ и безъ особаго смущенія протянула губы, — изъ-за угла показался какой-то человекъ, и мы, лишь слегка столкнувшись носами, должны были скорѣе зашагать дальше.

Хотя поцѣлuya между нами такъ и не случилось, но въ ближайшемъ письмѣ Жени я прочелъ фразу:

— То, что произошло вчера, заставило меня горько задуматься надъ «дружбой» и «страстью». Мой милый, мы не должны больше встрѣчаться! Сердце мое холодѣетъ и грусть немолчнымъ потокомъ заливаеъ душу...

Это было какъ разъ наканунѣ моего экзамена по латинскому языку, на которомъ я блестяще провалился, почему и остался на второй годъ. Женя тоже держала послѣдній экзаменъ, и удачно, а затѣмъ должна была уѣхать въ деревню съ матерью. Вообще женщинамъ это дается какъ-то легче, мы же обыкновенно страдаемъ.

Мы, впрочемъ, переписывались, но долженъ сказать, что мои письма стали такими мрачными, что слово «любовь» въ нихъ появлялось только въ кавычкахъ. Я остался шестиклассникомъ, а она перешла въ седьмой. Вамъ понятно, что это значить для мужского самолюбія! Одновременно я терялъ и Васю, отъ котораго отсталъ на годъ. Мнѣ ничего не оставалось, какъ стать мизантропомъ, а мрачные люди дѣвушкамъ не нравятся.

Есть такое имя — Овидій Назонъ. Если хотите, можете имъ восторгаться, а мнѣ онъ не нравится. И, по моему, нивѣсть какая заслуга — написать «метаморфозы». Впрочемъ, съ годами я съ нимъ примирился.

Вотъ я и говорю: будущее наше темно и непонятно, настоящее никому не любопытно, а въ прошедшемъ горести смягчены, и вспоминать его всегда пріятно. Мо-

жетъ быть, столкнувшись носомъ съ Женей, я такое пережилъ, что лучше и сильнѣе никогда не переживалъ. И я, пожалуй, радъ, что въ нашъ романъ вмѣшался Овидій Назонъ, — намъ было слишкомъ рано узнать, какъ кончаются романы при ихъ «нормальномъ» развитіи, то есть когда никто не выходитъ изъ-за угла, не сталкиваются носы и не появляется на сценѣ злодѣй въ плащѣ римскаго поэта.

Сердце, вотъ то самое, которое и сейчасъ еще отбиваетъ счетъ слѣва подъ ребрами, только не съ прежней отчетливостью, — это сердце любило тогда не курносенькую Женю съ глазами въ яйцо страуса, а такъ таки цѣликомъ весь міръ, который оно тогда свободно вмѣщало, — съ лѣсами, рѣками, горами, цвѣтами, слонами, человѣками и букашками. Теперь ему не столько дороги ландыши, сколько ландышевыя капли. Не то, чтобы я собирался жаловаться и скулить, это ни къ чему, да и не въ моемъ характерѣ, — а только говорю откровенно, что въ прошломъ даже и чепуху вспомнить пріятно, а мечтаньямъ о будущемъ всегда мѣшаетъ какой-то сидящій въ насъ червячекъ. Впрочемъ, такое мнѣніе ни для кого не обязательно.

РЫБОЛОВЪ

На рѣкахъ всероссійскихъ — тамъ мы сидѣли и удили... какъ это было чудесно!

Человѣкъ, который обдуманной до тонкости хитростью и обманомъ привлекаетъ къ себѣ изящное, тонкое, полное жизни существо, суля ему всякія блага, притворяясь благодѣтелемъ, — и вдругъ, обманувъ довѣріе, всаживаетъ ему въ горло острый клинокъ съ зазубриной, холодно смотритъ на льющуюся кровь, спокойно и равнодушно выдираетъ изъ страшной раны свое оружіе и швыряетъ бьющееся въ предсмертныхъ судорогахъ тѣло на доски, — можетъ ли такой человѣкъ быть хорошимъ?

А между тѣмъ я не встрѣчалъ среди страстныхъ рыболововъ дурныхъ людей, развѣ что въ себѣ самомъ проглядѣлъ печальное исключеніе.

Рыболовомъ я называю, разумѣется, любителя ловли рыбы на удочку и на дорожку. Всѣ остальные способы (жерлица, переметь, верша, острога, не говоря уже о сѣти), — не рыболовство, а рыбачество, профессія, и къ искусству, къ страсти рыболовной никакого отношенія имѣть не могутъ. А главное — не родятъ въ

душѣ важнѣйшаго и прекраснѣйшаго: созерцанія и мечты.

На рѣкахъ всероссійскихъ — о, вспомнимъ, какъ тамъ мы сидѣли и удили!..

Неширокая рѣчка съ быстринками, заводями, съ камышами и зарослями водяной лиліи, съ наклоненными надъ водой деревьями. И разсвѣтъ — первый разсвѣтъ, когда на поверхности рѣки курится туманъ. Лодка бортами раздвинула камышъ. Лѣтниво уходящая ночь. Молчанье, или — то, что называютъ молчаньемъ, но что для насъ, рыболововъ, звучитъ тихой прелюдіей просыпающейся жизни. Розовѣющій востокъ — и первый всплескъ на рѣкѣ.

Рѣка никогда не спитъ — только замираетъ, только притворяется спящей. Струйка бѣжитъ неустанно и морщится, задѣвъ за поплавокъ. Синяя стрекоза — та дѣйствительно спитъ, намкнувъ отъ росы; можно взять ее за крылышки — она не пошевелится. Къ жизни ее возвращаетъ только солнце; гдѣ оно пригрѣло, — тамъ обсыхаютъ и просыпаются синія стрекозы, цвѣточками торчащія на прибрежной травкѣ. И сразу — стрѣлкой въ воздухъ: и замретъ на мѣстѣ, ни вверхъ, ни внизъ, ни въ сторону; не чета неуклюжему самолету.

Рѣка же не спитъ. Ночью, задолго до разсвѣта, вкусно причмокивая, цѣлуютъ воду лещъ и подлещикъ. «Нѣмъ, какъ рыба» — ничего не означаетъ. Кто это сравненіе придумалъ, тотъ не слыхалъ рыбаго голоса. Не слыхалъ, какъ чмокаетъ лещъ, какъ стонетъ окунь, какъ пикаетъ плотичка. Рыба не нѣма, хоть и не болтлива. Была бы нѣма, — зачѣмъ бы ей такой прекрасный слухъ? Иныхъ крупныхъ рыбъ приманиваютъ хлопущей по водѣ; а стукни по днищу лодки — мелюзга стрѣлками разбѣжится на обоихъ берегахъ.

Я думаю, что можно бы приманивать рыбу хоро-

шей музыкой; конечно, не скрипкой, этимъ отвратительнымъ инструментомъ для грубыхъ и тугихъ ушей, а, на примѣръ, дудочкой, сдѣланной изъ камыша.

Часу въ четвертомъ, прогнавъ сонъ и одѣвшись быстро, чтобы не пропустить разсвѣта, сунувъ въ карманъ ломоть чернаго хлѣба съ крупной солью (и въ томъ же карманѣ коробочка съ полудохлыми мухами), захвативъ готовыя, съ вечера осмотрѣнныя, хорошо замотанныя (чтобы не задѣвать леской за кустарникъ) удочки, — по росѣ мокрыми до колѣна ногами бѣги на рѣчку. На бѣгу шепчи губами безсвязное, тревожное и страстное, вродѣ заклинанія:

— Солнышко, обожди, не выходи! — Долженъ быть нынче клевъ. — Экая роса выпала! — Не забылъ ли положить въ коробку запасное скользящее грузило?? — Ну, держись, щука!

Рыболовы всегда сами съ собой разговариваютъ, безсвязно, чудно, но интересно и значительно.

Въ лодку садись тихо, веслами не стучи, воды зря не болтай. Живцовъ лучше наловить тутъ же, у мостковъ, — если съ вечера не наловлены.

Муха на крючокъ, легкой взмахъ особой, легкой удочки, — и сейчасъ же потянуло перышко подъ воду: первый живчикъ, испуганная серебристая уклейка. И второй, и третій; и малая плотичка, красноглазая, вкусная, тутъ же подъ навѣсомъ вѣтвей попалась на свое горе и на рыбацкую удачу. Довольно, не къ чему зря мучить мелюзгу!

Замокъ снять, цѣпочка брошена въ лодку, — отъѣздъ.

Куда ни глянешь — всякое мѣсто кажется чудеснымъ и добычливымъ на разсвѣтѣ. Но нужно выдержать характеръ и доѣхать до намѣченнаго вчера, — при входѣ въ заводъ, въ заросли камышей, гдѣ на закатѣ такъ плескалась.

Разогнавъ лодку и весла сложивъ раньше — съ легкимъ шуршаньемъ вѣзжай въ камыши, чтобы только корма осталась на вольномъ теченіи.

И тутъ — разматывай не спѣша, пока вода успокоится; курить подожди, усмѣется.

— Тебѣ, малая плотичка, придется выступить первой. Это больно, очень больно, когда крючокъ входитъ въ спинку, подъ плавникъ! Но развѣ эта боль и даже предстоящая тебѣ смерть не искупаются сознаниемъ исключительности твоей судьбы? Твоихъ сестренокъ щука или окунь сожрутъ просто, проходя, не перхнувшись, безнаказанно; а когда тебя схватитъ зубастый хищникъ, — тутъ ему и погибель, не вырвется. Все - таки... пріятное сознание жертвы не напрасной, а для блага плотичьяго и уклеянаго народа.

Живчикъ тихо опущенъ въ воду. Поплавокъ скользитъ по крѣпкому плетенному шнуру и останавливается, гдѣ ему полагается. Водой относитъ и его и живчика. Удилище на борту лодки, тонкій кончикъ лежитъ на камышахъ.

— Гуляй, плотичка. Гуляй веселѣй, не все ли равно! И вотъ — первая минуты созерцанія.

Алфѣтъ востокъ; дымка бѣжитъ по водѣ; воздухъ чистъ и чутокъ: ждетъ жужжанья первой мухи.

Вода еще стальная, гладкая, безъ ряби. А подъ гладыю уже началась жизнь дневная, — не даромъ и живчикъ загулялъ бойко: тянется къ камышамъ, ведетъ за собой поплавокъ. Тянется, — значитъ завидѣлъ вдали врага. И правда — всплескъ подъ тѣмъ берегомъ, гвоз-

диками разбѣжалась, морща воду, стайка рыбешекъ, круги пошли: это вышелъ на утреннюю охоту хищникъ; то ли схватилъ, то ли мимо ударилъ. Что бы ему подойти сюда поближе!

И мечтаетъ рыболовъ:

— Вотъ идетъ подъ водой огромная щука, старая, съ обомшалой спиной, острозубая. Ищетъ легкой поживы, смотритъ снизу вверхъ, сама подъ листьями прячется. Она еще далеко — а уклейки уже разбѣжались, попрятались. И видитъ щука: жирная плотичка запуталась, либо заигралась, болтается на мѣстѣ, не уходитъ. И точить щука зубы, цѣлится. Сейчасъ дастъ хвостомъ толчокъ, откроетъ пасть и — цапъ!..

Поплавка нѣтъ; вынырнулъ на минуту, попрыгаль, какъ живой, — и опять ушелъ подъ воду. А какъ будто все спокойно.... Вотъ гдѣ нужна выдержка! Дерни раньше времени — и ушла щука. Нужно знать ея повадки, не мѣшать ей насладиться, — пока не натянетъ сама крѣпкой лесы.

Она схватила плотичку поперекъ тѣла, вонзила острые зубы, держитъ, мнетъ, пробуетъ, тихо повертываетъ головой себѣ въ пасть. Тутъ бы и глотать — да накололась щука, проткнула губу двойнымъ острымъ якорькомъ. Боль не велика — щуки не чувствительны, — но обманъ моняла: неужели попалась? И вотъ тутъ — рѣзкій бросокъ къ камышамъ, такъ что леска загудѣла струной.

Теперь, рыболовъ, не зѣвай! Удочку вверхъ, чтобы тонкій конецъ снасти гнулся колесомъ. Къ себѣ не рви, отъ себя не пускай, держи отъ камыша подальше, выводи на вольную воду, когда нужно — подматывай, когда нужно — ослабляй, не спѣши, не волнуйся, пружинь: побьется щука, устанетъ, ляжетъ брюхомъ вверхъ отдохнуть, — тогда подводи ее осторожно къ лодкѣ, го-

товъ сачокъ. И вотъ тутъ то не дай ей сорваться сухимъ и рѣзкимъ ударомъ, иначе махнетъ хвостомъ — и прощай до будущей встрѣчи.

Идутъ минуты трудной борьбы. Бросается щука то въ камыши, то къ серединѣ рѣки, то вглубь, то на поверхность. Вся рыбешка кругомъ разбѣжалась и попрыгала. Вонь она какая страшная и сильная, щука зубастая, — надъ такой пробьешься съ четверть часа, а то и дольше. А если слишкомъ могучъ старый хищникъ и удастся ему вытянуть всю лесу, — лучше бросай скорѣе въ воду удилице. Далеко не утянетъ, все равно выплыветъ снасть на поверхность: плыви за ней въ лодкѣ и поджидай. Крѣпко зацѣпила крючокъ щука, назадъ не выбросить. Только придется долго выпутывать лесу изъ рѣчной травы.

И лѣзетъ изъ воды въ лодку узкая зубастая щучья голова, бѣлыми глазами съ ненавистью смотритъ; обезсилѣла щука, и хвостъ ея запутался въ петляхъ подсачка.

Побѣда!

Тѣмъ временемъ поднялось солнце и ожилъ мiръ. Золотая муха ткнулась лбомъ прямо о бортъ лодки, упала въ воду, бьется лапками напрасно. Плыла недолго: цапнула ее рыбешка, вспухъ на водѣ пузырекъ и расплылся кружечкомъ. Окончилась мушья жизнь.

Воздухъ холоденъ, солнце горячо. И нѣжны дали за отлогимъ берегомъ. Много видаль я разсвѣтовъ во многихъ странахъ. Смотрѣть на иные изъ нихъ пріѣзжаютъ туристы нарочно; ложась спать, велятъ, чтобы ихъ непременно разбудили, когда солнцу полагается вставать по приказанію путеvodителя. Ничего себѣ, разсвѣты,

какъ разсвѣты. Но нѣтъ разсвѣта лучше, чѣмъ на неширокой и рыбной русской рѣкѣ!

У рыболова нѣсколько паръ глазъ: только одной онъ смотритъ за поплавкомъ, другими — съ нѣжной любовью глядитъ на просыпающійся мiръ. Ради него онъ здѣсь — не ради поживы: отъ жилья подалеже, въ тѣсномъ сляньи съ ласковой живой природой. Не смѣйтесь надъ страстнымъ рыболовомъ, онъ — служитель прекраснаго культа. Никто не видитъ столько разсвѣтовъ, какъ рыболовъ-любитель. А кто видитъ много разсвѣтовъ, у того душа беззлбнѣй, тотъ долше молодѣ.

Шуки наѣлись — и солнце поднялось. Либо домой, хвататься успѣхомъ, либо, оставивъ лодку, ловить на быстринкѣ, гдѣ рѣчка дѣлаетъ поворотъ, гдѣ дно чистое, песчаное, — пестрыхъ темныхъ пескариковъ, можно сразу на два крючка на одной лескѣ: дѣло вѣрное, простое, занятное. Иной разъ схватитъ и карапузь-окунишка, любитель червячка.

Программа дня будетъ такая. Сейчасъ — досыпать, чаю напившись, недоспанное за ночь. Передъ закатомъ можно съ крутого берега попытать на червячка, — тамъ, гдѣ недавно брошена зашитая въ худую марлю приманка изъ крупы, гороха, хлѣба; уходя наловить бойкихъ живцовъ для утренней охоты. Если будетъ ночь хороша — на лещей, рыбу трудную, осторожную, требующую отъ рыболова выдержки, терпѣнья и большого искусства. А ужъ подъ утро — непременно попытаться поймать хитраго и алчнаго шереспера, — на длинную леску, пущенную по теченію на маленькихъ поплавахъ, чтобы не провисала и рыбы не пугала. Шересперь бьетъ рыбешку хвостомъ, прежде чѣмъ схватитъ и заглотать; поймать его на удочку — исключительная удача; можно спиннингомъ, съ берега, но какъ то не по сердцу русскому рыболову англійскія выдумки; и рѣки наши, съ

травкой на берегу, съ плывущими вѣтками, съ поросшимъ дномъ — не подходящи для такой ловли. Мы — попросту.

Стоять палочками рыболовы-любители по берегамъ Сены, удятъ подержанную кильку. Смѣшной народъ, — а все таки, проходя по берегу, нельзя не остановиться и не посмотреть на унылую эту ловлю. Подыметъ такой рыболовъ голову, посмотреть разсѣяннымъ взоромъ — и во взорѣ его мелькнетъ знакомое и важное: созерцаніе и мечта. Видно и въ ваннѣ можно ловить рыбу, если уже страстно хочется. А кто не понимаетъ этого, тому никакъ не объяснишь, потому что люди бываютъ разные, страсти ихъ — тоже. За то — «рыбакъ рыбака видитъ издалека». И увидавъ — подойдетъ и непремѣнно расскажетъ, какъ, однажды, попала ему такая рыбина, что знаете, ну прямо... однимъ словомъ, смучился. И съ каждымъ разомъ, съ каждымъ рассказомъ растетъ эта рыба въ собственныхъ его глазахъ; особенно, если она сорвалась: огромныхъ размѣровъ достигаетъ, фунтовъ такъ на.... Была ли она таковой, не была ли — не все ли, въ сущности, равно? Не была въ натурѣ — въ мечтахъ была. Потому что рыболовъ всегда — великій мечтатель.

Солнышко заходитъ, рѣка темнѣетъ, синія стрекозы устроились на стебляхъ травы и уже намокли отъ росы. И струйки воды будто бы заснули, — но это только кажется: рѣка никогда не спитъ!

БАБУШКА И ВНУЧЕКЪ

Два образа, дорогой землякъ, закинули вы мнѣ въ душу, и никакъ не могу отъ нихъ отдѣлаться, — все они стоятъ передо мною. Теперь вамъ придется прочитать напечатаннымъ кое-что изъ нашего чернаго разговора, главное — изъ вашихъ разказовъ про бабушку, которая все въ жизни выполнила, и про мальчика, который шелъ вдоль ручейка.

Про бабушку, собственно, не много. Была такая старушка-бабушка, въ мирномъ городѣ Чистополѣ, въ хлѣбной житницѣ прошедшихъ временъ, на высокомъ камскомъ берегу. И была та бабушка такъ хороша и чиста душой, что лучше и представить невозможно. Она была изъ старовѣровъ; становясь на молитву, надѣвала черный сарафанъ, голову повязывала бѣлымъ платкомъ, въ рукахъ держала лестовку, крестилась двуперстно, старыми губами уставно подпѣвала.

Для внука — бабушка всегда была такой: старенькой, морщинистой, беззубой, — хотя и не сгорбленной годами, а прямой въ станѣ. Въ поклонахъ поясныхъ и земныхъ на общей молитвѣ бабушка отъ міра не отставала и на поясницу, какъ другіе, не жаловалась. Со сто-

ронними бабушка была строга и справедлива, только внучку потворщица и баловщица. Надо, однако, полагать, что была и у бабушки своя молодая жизнь, только очень давно, и никакъ вообразить этого невозможно. Если была въ ея молодости какая шалость или непокорность — все искуплено послушаніемъ и подвигомъ зрѣлой жизни, и на вѣсахъ страшнаго суда скинется съ чаши малымъ золотникомъ, а то и вовсе забудется. А за доброту ея и святость старой ея жизни даже и большой грѣхъ пошелъ бы съ позднѣйшимъ подвижничествомъ такъ-на-такъ.

Однимъ словомъ, сказалъ про нее внучекъ, когда уже сталъ большой и самъ свершилъ половину труднаго житейскаго пути, — такъ сказалъ:

«Если есть на свѣтѣ адъ и рай, и если случится, что приведутъ меня по смерти ко вратамъ райскимъ, — то прежде всего я прошу:

— А бабушка моя тутъ-ли?

И если окажется, что бабушки тамъ нѣтъ, — я имъ прямо скажу:

— Тогда я васъ и знать не хочу!

Потому что, если моя бабушка не въ раю, тогда это не рай, а одно безобразіе. Такой несправедливости нельзя вытерпѣть. Она была по-настоящему святой женщиной и выполнила въ жизни все, что положено человѣку выполнить для спасенія».

Вотъ пока и все про бабушку, а читающій да разумѣетъ, чѣмъ образъ ея милъ, чѣмъ дорогъ и почему вспомнился.

А теперь про мальчика, который шелъ по ручейку.

И въ этомъ, и въ любомъ мѣстѣ, и хоть сто разъ можно повторить и нужно повторять, что наша весна, русская и сѣверная, совсѣмъ особенная, и что здѣшніе люди настоящей весны не знаютъ. Здѣсь послѣ зимней

мокрети проглянетъ солнце, расцвѣтутъ цвѣты, — а на завтра жара и трава желтѣеть. А у насъ первый весенній день нужно умѣть угадать, выглядѣть его подъ снѣжной скатертью, унюхать въ воздухѣ, услышать въ воробьиномъ веселомъ разговорѣ. Начавшись — долго тянется она, наша сѣверная весна, съ проталинками, съ ледоходомъ и многоверстымъ половодьемъ, съ вербой, подснѣжникомъ, съ грозами и радужнымъ цвѣтеньемъ, — пока не распустится она въ душистое смоляное лѣто, а въ какой день — такъ и не узналъ. Описать это — все равно не опишешь; многіе пробовали, — да приставалъ къ перу волосокъ и зря мазалъ по бумагѣ.

Для мальчика, внука святой бабушки, весна приходитъ въ тотъ день, когда талый снѣгъ побѣжитъ ручейками.

Мальчикъ, о которомъ мы съ землякомъ говорили, подобралъ на дворѣ палку и вышелъ за ворота. Отъ протали, подъ стеклянной корочкой льда, бѣжалъ по скату улицы ручеекъ, извиваясь по прихоти, потому что улицы тамъ были не мощеными. И мальчикъ, прочищая путь водѣ, разбивая палкой корочку, отгребая въ заторахъ мокрый снѣгъ и весеннюю грязь, пошелъ по теченію ручейка.

Руки работаютъ, а голова думаетъ: куда приведетъ ручей? Изъ улицы за городъ, изъ канавы въ рѣчушку, изъ нея въ рѣчку, изъ рѣчки въ рѣку, изъ той въ другую, а тамъ въ море, а можетъ и на край свѣта — и оттуда водопадомъ уже совсѣмъ неизвѣстно куда.

Пустилъ мальчикъ на воду щепку и смотритъ, какъ она крутится, да какъ она торопится, какъ бьется о берегъ, гвоздемъ окунается въ стремнину — и опять выплыла. Въ иномъ мѣстѣ щепка пропала подъ мостомъ — и теперь бѣги, ищи, гдѣ ее вынесетъ на вольный свѣтъ. Намокли у мальчика валенки и пальцы на рукахъ

померзли, — а никакъ нельзя бросить занятіе и не хочется вертаться домой, пока солнце не потухнетъ. Бабушка ждетъ, беспокоится, старыми пальцами перебираетъ кожаныя барочки лестовки, старыми губами шепчетъ, что помнитъ, изъ уставной молитвы.

Дома, намаевшись за день похода, мальчикъ спитъ и видитъ во снѣ все то же теченье ручья, блестяи водяныхъ морщинокъ, талый снѣгъ и весенюю муть. Во снѣ растеть, и на утро встанеть на день старше и умнѣе, на сутки ближе къ мудрости, что узнать полностью намъ ничего не дано, что все, какъ весна, повторяется, и новаго подъ солнцемъ нѣтъ и не будетъ. Для того и круга земля, чтобы не было ей ни конца, ни начала и чтобы всякій путь возвращался на свои круги.

Потомъ мой землякъ рассказываль, какъ однажды ушелъ онъ по теченью ручейка, да такъ и не вернулся домой.

Бабушка причитала: «Ты уйдешь, — а какъ я одна останусь?» — Солнце топило снѣга, время было замѣчательное, кругомъ гомонъ и говоръ, кто не любитъ обѣщаться впустую — долженъ дѣйствовать.

Какъ тупорылый щенокъ, какой хочешь породы, едва промывши свѣтлымъ воздухомъ молочные свои глаза, тыкается теплой мордашкой куда попало, потому что міръ новъ и нужно въ немъ участвовать, — такъ вотъ и мы, дорогой землякъ, ищемъ, хорохоримся, предполагаемъ, жертвуемъ, а въ общемъ — идемъ по бѣгу весенняго ручейка, до ужаса любопытствуя, куда онъ насъ приведетъ и чѣмъ все это кончится.

Изстари повелось, что были на Руси страствователи, искатели правды. Ихъ рисуютъ боролатыми, съ посохомъ въ рукѣ и съ котомкой за плечами. Этихъ любителей путничать называли своевольными и божевольными шатунами, незнамыми, странными, захожими людьми,

а въ пѣсняхъ пѣли милосердными богатырями. Иные кончали свое странствіе таежными скитами, а другіе до конца жизни пребывали неустанными землепроходами, и путь ихъ ищущій былъ на Кіевъ, на туретчину, на чужія страны. Полагается думать, что вела ихъ смиренная вѣра, — а вправду ихъ вело страстное любопытство, сомнѣнье въ томъ, что земля кругла, что всѣ люди одноглазы и что три кита живутъ только въ сказкѣ. А это ужъ не смиреніе, а бунтарство. Говорили, что «однимъ избянымъ тепломъ не проживешь», — надобно потрепать много лаптей. И уходили гуськомъ, одинъ за другимъ, по теченью ручьевъ, палочкой пробивая ледяную корку.

Эти люди не перевелись и не у всѣхъ ихъ длинныя бороды и посохъ, — много среди нихъ молодыхъ и бывалыхъ смолоду. Случалось — уходили и большими толпами.

Такъ однажды ушелъ и нашъ мальчикъ.

Ужъ и бабушки не видно, и родной домъ приземился и сталъ совсѣмъ маленькимъ. Не замѣтилъ мальчикъ, какъ просохли въ Закамѣѣ заливные луга, какъ соловьи повили гнѣзда и перестали пѣть, какъ налился колосъ, а потомъ поля оголились и покрылись золотой щетиной, потомъ приспѣло дождливое время и снова запахло снѣгомъ, а тамъ стукнулъ морозъ.

Давно уже нѣтъ ручейка, а вмѣсто него бѣжитъ ручей жизни, тоже вьется прихотливо, тоже ведетъ неизвѣстно куда, изъ канавы въ рытвину, изъ рѣки въ море — все ближе къ краю свѣта.

И самъ мальчикъ уже не мальчикъ, а одинъ изъ тѣхъ, кому было суждено пройти крестный путь русскихъ надеждъ и страданій, — полностью и по совѣсти.

Можетъ быть, онъ и не совсѣмъ такой, какъ всѣ, какъ тысячи, — но путь продѣлалъ честно и точно тотъ

самый, какъ тысячи, какъ всѣ безъ отличья: съ сѣвера на югъ, изъ Крыма къ туркамъ, отъ славянъ на парижскій заводъ точить и прилаживать заднюю ось. И вотъ мы сидимъ, смущенные воспоминаніями о нашихъ родныхъ камскихъ берегахъ, о томъ, какъ шумить у насъ боръ и свистять пароходы, какъ въ ледоходъ громоздятся на заворотѣ рѣки льдина на льдину — и какъ разомъ рушатся, да сколькихъ сортовъ и цвѣтовъ бываютъ сыроѣжки, да какъ по осени желтѣютъ и золотѣютъ опушки, — сидимъ въ Парижѣ, оба здѣсь старожилы и оба нездѣшніе, а тамошніе, однимъ словомъ, — сѣверные, прикамскіе, и здѣсь мы совсѣмъ напрасно, зря завель насъ сюда мутный весенній ручей. Я — постарше, попривычнѣе, а онъ, молодой и пожившій, говоритъ, потирая лобъ тамъ, гдѣ будутъ морщины:

— Не понимаю, куда ушли пятнадцать лѣтъ? Не замѣтилъ, какъ они прошли.

Человѣкъ, котораго не умудрилась удержать дома даже добрая бабушка, катится по свѣту, какъ на салазкахъ съ ледяной горы — удержаться никакъ невозможно, только направляй путь желѣзной сваечкой, да и то больше для собственнаго утѣшенія, а несетъ и швыряетъ сила не своя, чужая, ничья. И, какъ во снѣ, побѣжали и пробѣжали года, страны, путанья думы и тѣ маленькіе огрызки счастья и недоли, изъ которыхъ складывается человѣческая жизнь, у однихъ съ выгоднымъ, у другихъ съ плохимъ перевѣсомъ. Даже некогда оглянуться, сложить ладонь зонтикомъ и посмотреть, все ли еще стоитъ на крыльцѣ бабушка — или она уже на сладкомъ отдыхѣ, а въ ея сундукѣ больше нѣтъ бѣлаго савана.

Если теперь начать вертѣть колесо въ обратную сторону, то получится большая неразбериха.

Идти по теченью, отъ первой проталины — къ оке-

ану, очень просто, и сбиться съ пути не на чемъ. Идти обратно, — свои слѣды утеряны, а новыхъ чужихъ слѣдовъ нѣтъ числа: что ни шагъ — то поворотъ и развилка, что ни взглядъ впередъ — то новое устье. Изъ тысячи ручьевъ, впадающихъ въ одну большую рѣчку, нужно догадаться выбрать свой, который поведетъ домой, къ своимъ лѣсамъ, въ родной бабушкинъ городъ Чистополь. Это, землякъ, очень трудно, да и возможно ли.

И даже самый городъ перемѣнился — не сразу узнаешь. Помните, какъ тамъ длинной вереницей стояли хлѣбные амбары, которымъ не часто приходилось пустовать, сколько было однѣхъ торговыхъ пристаней, какая цвѣтная толпа встрѣчала первый пароходъ съ Нижняго? И нѣтъ той улицы, и нѣтъ знакомаго крыльца, и кости бабушки давно истлѣли въ землѣ, такъ надолго покинутой внукомъ. Встрѣтять чужія лица, при встрѣчѣ не улыбнутся, не отвѣтятъ на робкое привѣтствіе, повернутся спиной къ пришлому невѣдомо откуда челоуѣку. Невѣдомо откуда — и невѣдомо зачѣмъ.

Вотъ когда поймется, что крестный путь не былъ послѣднимъ испытаніемъ и не былъ труднѣйшимъ. Ручеекъ бѣжалъ внизъ да внизъ, — а обратно подыматься нужно въ гору.

Скажемъ даже: нашелъ дорогу и вернулся внучекъ. Вернулся помятый жизнью, безъ красныхъ щекъ, безъ теплыхъ варежекъ и молодого любопытнаго глаза. Думалъ, возвращаясь, что чужой языкъ остался за горами, морями и границами, а на провѣрку — чужой языкъ здѣсь, дома. Либо по-русски не понимаютъ — либо измѣнился самъ русскій языкъ. Слова какъ бы тѣ же — понятія иныя. Стало лучше или стало похуже — разобратъ нельзя; вѣрно одно, что никто не помнить про старую бабушку, нѣтъ тропы къ ея могилѣ, и самой могилы нѣтъ. Точно прошли не годы, а вѣка, точно засыпа-

на прежняя земля толстымъ слоемъ новой, — и это не снѣгъ, по веснѣ не растаетъ.

Если внукъ вернулся уменъ — тогда и въ грусти пойметъ, что только для него міръ перелицеванъ, а для всѣхъ другихъ сегодня и есть сегодня, какъ вчера было вчера. Старѣютъ новыя бабушки, рождаются новые внуки; и съ первыми весенними ручьями по всей непомѣрно большой нашей странѣ пойдутъ мальчишки съ палками дробить ледяную корочку и смотрѣть, куда бѣжитъ вода и гдѣ конецъ ея бѣгу. На ходу мелькомъ оглянутся на пришлаго человѣка: гдѣ ему понять ихъ великое любопытство. А у него и впрямь совсѣмъ другое теперь на умѣ: разыскать старый бабушкинъ сундукъ или хоть ея ременные плетенныя четки съ треугольной висюлькой: не для вѣры, а хоть для памяти.

Осень весны не понимаетъ, дорогой землякъ, хотя у каждой поры года своя прелесть и своя красота, и дѣлать имъ, казалось бы, нечего, можно бы и договориться. Но каждая пора знаетъ свой чередъ и уступаетъ другой время и мѣсто безъ задержки въ часъ, однажды указанный. Всякій годъ прилетаютъ и улетаютъ ласточки — и тѣ же и не тѣ.

Мы еще о многомъ говорили съ землякомъ, и о пріятномъ, и о нужномъ.

Пріятное — эти разныя воспоминанія; тутъ мы другъ друга перебивали, стараясь впередъ другого сказать, какъ хороши на большой рѣкѣ пловучія бѣляны и какъ въ наше время строили на нихъ кружевной деревянный домикъ; и еще — какъ на самомъ носу длиннаго плота горитъ костеръ, чтобы часомъ не наскочилъ сонный пароходъ снизу. Но за одинъ вечеръ всего въ памяти не переберешь.

А нужное — это взаимный уговоръ и ласковое утѣшенье. Главное — чтобы безъ злобы, никого не осуж-

дая и ни въ чемъ не каясь. Нездѣшніе по рожденью и привязанностямъ — въ здѣшнихъ мы никогда не обратимся, да и охоты къ тому нѣтъ. Съ людьми мириться трудно, съ судьбой можно, а будущаго не угадаешь.

А всего любопытнѣе, что наша судьба не исключительна, какъ не очень ужъ примѣтливо въ исторіи и наше время: бывало такое раньше, будетъ и впредь. Утѣшенье маленькое и слабое — а все же: начавъ съ маленькаго, можно додуматься и до большого, а то оно и само придетъ, даже и не прошенымъ, и не сегодня — такъ на дняхъ, годомъ раньше — годомъ позже, и придетъ оно для всѣхъ одинаково.

Такъ мы и рѣшили. Но пока вспоминали и рѣшали, мы, говоря обо всемъ, много разъ возвращались къ образамъ, очень ужъ прочно запавшимъ въ душу и съ нею сжившимся навсегда: къ бабушкѣ, которая все выполнила для святости, и къ мальчику-внуку, который шелъ, да такъ и ушелъ по теченью ранняго, холоднаго, мутнаго, но живого и забавнаго весенняго ручейка.

ЧУДО НА ОЗЕРѢ

Проф. В. М. Ц—ву.

Опять и опять, со странной непоследовательностью, въ неурочный часъ и безъ всякой связи съ обстановкой (за окномъ скука, въ комнатѣ полутемно, въ рукахъ прочитанная газета) — встаетъ предо мной высочайшая отвѣсная скала надъ спокойнымъ озеромъ.

Закрываю глаза — и слышу четкій, но очень далекій звонъ колокола. Онъ доносится сверху, оттуда, гдѣ у самаго края тонкой палочкой бѣлѣтъ колокольна игрусечной церковки. Самъ же я на другомъ берегу, отлогомъ, у воды, которая едва плещется.

Видѣть все это мысленно съ такой ясностью, когда прошло уже почти двадцать лѣтъ, какъ не бывалъ я на озерѣ Гарда, красивѣйшемъ изъ итальянскихъ озеръ! Срокъ не малый, профессоръ, какъ вы думаете? Годомъ больше, годомъ меньше — не въ томъ дѣло; все равно — какой цифрой изобразишь вѣч н о с т ь ?

Да, мой дорогой профессоръ и старый другъ, прошла вѣчность. Прочтя эти строки, вы будете удивлены,

почему такъ неожиданно я вспомнилъ сегодня наши дни на озерѣ Гарда. Приблизьте ухо — я вамъ шепну:

— Потому что этихъ дней я никогда и не забывалъ.

Если вы наклонитесь поближе, я добавлю (только не смущайтесь):

— И вы, профессоръ, тоже н и к о г д а ихъ не забывали.

Вы видите — я владѣю вашимъ секретомъ. Но не будемъ оглядываться на насъ теперешнихъ; мы, кстати, давно и не видались. Да и нужно ли видѣться? Встрѣчаясь послѣ долгой разлуки, люди смущенно улыбаются, мнутя и ловятъ выраженіе глазъ другъ друга: «Какимъ онъ меня нашель? А самъ онъ, бѣдняга, да... немножко измѣнился....» И каждый думаетъ про себя: «Кажется, я все же постарѣлъ меньше».

Почему вспоминаю именно сегодня? Потому что сегодня, какъ вчера, какъ завтра, — подъ каблуками французскій паркетный полъ, на стѣнѣ календарь и сонная осенняя муха. Съ малаго разбѣга я бросаюсь на эту стѣну, наваливаюсь, обрушиваю ее, пробиваюсь наружу, весь обсыпанный камушками и пылью штукатурки, съ плечомъ, разбитымъ осколкомъ упавшаго карниза, — и вотъ мы на свободѣ, профессоръ, мы скинули съ плечъ по двадцать лѣтъ, мы на берегу озера Гарда, въ мѣстечкѣ Мальчезине, ничѣмъ не замѣчательномъ, даже, по совѣсти говоря, плохонькомъ, но для нашей памяти — священномъ. Не молчите же (какой вы медлительный!), отвѣчайте:

— Что вы дали бы за возможность еще разъ пережить то, что было пережито, и быть такимъ же, какимъ были тогда?

Ну-что? Весь міръ? Всѣмъ то міромъ мы не владѣемъ, профессоръ, не стоитъ и обѣщать. Давайте — обѣщаемъ за это маленькій остатокъ нашей жизни, эту нико-

му не нужную мелочишку, зачѣмъ то залежавшуюся въ карманѣ. Охъ, какъ мы бѣдны, профессоръ, и какъ богаты были мы когда-то!

Одинъ разъ въ жизни мнѣ довелось изображать важную особу.

Я тогда вѣдалъ въ Италіи экскурсіями русскихъ народныхъ учителей и студенческой молодежи. Обѣзжая города, гдѣ были у насъ группы экскурсантовъ, заѣхалъ и въ мѣстечко отдыха — на озеро Гарда. Тутъ жило человѣкъ пятьдесятъ, во главѣ съ руководителемъ, московскимъ профессоромъ - геологомъ, человѣкомъ превосходнымъ и оригинальнымъ. Чтобы не смущать — не назову его: въ сосѣдней странѣ онъ дѣлитъ съ нами удѣлъ зарубежнаго бытія.

Для маленькаго итальянскаго мѣстечка такой наплывъ иностранцевъ, хоть и не богатыхъ, — большое событіе и источникъ благосостоянія. Понятно, поэтому, что пріѣздъ туда «начальника русскихъ каравановъ» не могъ пройти незамѣченнымъ, и мнѣ приготовлена была торжественная встрѣча.

Отъ Дезендзано до Мальчезине — большой путь по озеру на пароходикѣ, который, подъ скалами, кажется водянымъ паучкомъ. Въ узкой части озера есть одно селенье, забравшееся къ самому небу. Почему поселились тамъ люди — совсѣмъ непонятно; впрочемъ, вообще трудно понять, почему и какъ попадаютъ люди на вершины горъ, на острова, въ непролазныя дебри. Подняться въ селенье было можно только пѣшкомъ, для чего проникали въ дырочку внизу отвѣсной скалы и дальше ползли червячкомъ, по невѣдомо кѣмъ прорытому пути — вверхъ, винтомъ, какъ на высокую башню. Всякіе товары, тяжелыя вещи, продукты питанія подни-

мались прямо съ берега на стальныхъ канатахъ на такую высь, что много ниже вили гнѣзда соколики съ пискливымъ крикомъ, а въ туманное утро, случилось, и облако застревало посрединѣ скалы, отрѣзавъ отъ земли жителей чудеснаго селенья.

Бхаль я мимо этихъ чудесъ, мимо береговъ, золотѣвшихъ отъ ковра зрѣлыхъ лимоновъ; Гарда — лимонное царство, съ виноградомъ тутъ хуже. Къ концу пути солнце уже было низко, и скалы бросали тѣнь на спокойную воду. Вотъ, казалось, спокойное озеро — чистая благодать; и не вѣрилось, что славится оно внезапными бурями. Въ вечерней прохладѣ дышать было легко, и красота была несказанна. Ко всему въ довершенъе предстояла встрѣча съ пріѣзжими русскими и съ милымъ профессоромъ, съ которымъ мы годъ назадъ подружились въ Римѣ и съ тѣхъ поръ не видались.

Подъѣзжая, я всматривался въ берегъ, гдѣ на площади, у самой пристани, стояла толпа. А сойдя съ парохода, попалъ прямо въ объятія почтеннаго геолога, — и вотъ тогда внезапно грянулъ оркестръ.

Оркестръ догадался грянуть... «Боже, царя храни», — и ко мнѣ подошелъ синдакъ коммуны, высокій старикъ, съ привѣтствіемъ отъ лица согражданъ.

Только милымъ провинціальнымъ итальянцамъ могла придти въ голову такая блестящая идея: встрѣтить русскаго политическаго эмигранта царскимъ гимномъ. Поразило меня это такъ, какъ если бы сейчасъ кто-нибудь догадался исполнить въ мою честь «интернаціональ». Но какъ старательно разучили музыканты этотъ гимнъ и какъ чудесно сыграли! Не рубленнымъ темпомъ, какъ играли его въ Россіи, а съ какими-то тонкими отѣнками, съ замедленнымъ ритмомъ во вступленіи и ускореннымъ въ фортиссимо. Совсѣмъ по-своему — и очень любовно.

Не одинъ я былъ смущенъ этимъ сюрпризомъ, — смутились и экскурсанты, вышедшіе меня встрѣтить. Я скоро спохватился и, какъ умѣлъ, сдѣлалъ имъ знакъ, чтобы не вздумали выражать протестъ, на который молодежь такъ падка. Не объяснять же итальянцамъ маленькаго мѣстечка, что этотъ гимнъ не совсѣмъ нашъ, что въ насъ онъ чувствъ пріятныхъ не будить! Не въ немъ дѣло — дѣло въ трогательной предупредительности представителей городка, въ ихъ славной внимательности. Зачѣмъ ихъ разочаровывать и обижать.

Еще разъ пожавъ руку синдаку, я попросилъ оркестръ сыграть гимнъ Гарибальди; не королевскій, не очень популярный, а гарибальдійскій, всѣми любимый и пріемлемый:

Вскрываются могилы — поднимаются мертвые.

И вотъ возстали всѣ наши мученики:

Увѣнчаны лаврами, съ мечами въ рукѣ,

Съ пламенемъ и именемъ Италіи въ сердцѣ.

Вышло удачно, потому что мѣстечко оказалось республиканскимъ.

Теперь мы уже облобызались съ синдакомъ, и всей толпой отправились въ нашъ отель. Вдогонку намъ оркестръ игралъ веселую пѣсенку. Старога синдака усадили за столъ, окружили бойкими нашими барышнями и хорошо напоили шипучимъ Асти. И онъ намъ понравился, и мы ему полюбились, и сталъ онъ съ того дня нашимъ ежедневнымъ гостемъ.

И вотъ тутъ то, профессоръ, и начинается.

Сначала на озерѣ, прямо противъ садика нашего отеля, большія рыбацкія барки, украшенныя фонариками; а садикъ отъ воды отдѣленъ только легкой рѣшеткой. Потомъ, когда лодки уходятъ на покой, выплываетъ луна, большущая, ясная. Вся наша молодежь раз-

брелась, мы же, на сегодня, за другими не слѣдуемъ, а дѣлимся своими думами и чувствами другъ съ другомъ.

Я знаю, профессоръ (мнѣ насплетничали), что у васъ каждое утро появляются на столѣ свѣжіе полевые цвѣты, цѣлый букетъ, и что приносить и ставить ихъ существо кротчайшее и милое, и что вы въ этомъ неповинны, и относитесь къ ней, какъ къ дочери, потому что волосы ваши уже сѣды, и ихъ мало— хоть и не стары года. Но, профессоръ, кто, живя на озерѣ Гарда, не влюбленъ, — того вы же первый назовете сухаремъ и нестоящимъ человѣкомъ.

Въ боковомъ карманѣ у васъ тетрадошка, а въ тетрадошкѣ стихи. И сколько вы ни скрываетесь передо всѣми— отъ меня вамъ не укрыться, потому что мы, вѣдь, одной породы и почти одного поколѣнія. Надъ нами часто смѣются, но намъ всегда завидуютъ.

Мы поклонники молодости и соблазнитель; робкимъ мы потихоньку совѣтуемъ: «Не смущайтесь и не бойтесь быть смѣшными; луна прекрасна, вечеръ теплъ, дорожки надъ озеромъ уютны и безопасны; гуляйте по нимъ вдвоемъ, говорите о прекрасныхъ пустякахъ и учитесь цѣловаться».

Сами же мы, какъ старшіе, сегодня вечеромъ говоримъ о загадочности мірозданія, о вѣчности, о звѣздныхъ даляхъ, о сладости музыки и поэзіи, объ уходящихъ годахъ. Но кончается все таки тѣмъ, что вы, вглядываясь въ мелкій бисеръ своей записной книжки, читаете стихи, посвященные не ей, а вообще — молодости и тому смѣшному и странному чувству, отъ котораго никуда не убѣжишь и внѣ котораго жизнь такъ безвкусна. Нужды нѣтъ, что вы — геологъ, а я недавній адвокатъ.

А когда голосъ вашъ начинаетъ ужъ очень сильно дрожать, тогда вы ведете меня въ комнаты, въ освѣщен-

ный луною залъ, къ роялю, чтобы досказать музыкой то, чего словами не выскажешь; тамъ тѣ же стихи вы объясняете мнѣ внезапной импровизаціей, — вы изумительный музыкантъ, профессоръ геологіи!

Вы играете, а залъ наполняется тѣнями: изъ луннаго сада въ лунную комнату входятъ люди парочками, садятся поодаль, тѣснятся въ затѣненныхъ простѣнкахъ, — въ полномъ и благоговѣйномъ молчаніи. И тогда я шепчу вамъ: «Сыграйте имъ что-нибудь, что бы захватило ихъ и унесло!» Вы говорите шопотомъ:

— Но я могу сейчасъ сыграть только свое, только то, что сейчасъ чувствую, чего еще и самъ не знаю.

— Это и нужно, профессоръ.

И вы играете. Не знаю, какъ назвать вашу музыку; можетъ быть, она была больной, можетъ быть гениальной. Что-то необыкновенное вы сдѣлали тогда со всѣми нами. Я увелъ васъ потомъ въ вашу комнату, боясь за ваше сердце; вы были блѣдны и зачѣмъ то все извинялись. Я ушелъ обратно въ садъ и въ ту ночь не спалъ. Я вамъ сознаюсь, профессоръ, — я не одинъ гулялъ, пока луна стала блѣднѣть и съ озера потянуло сыростью. Я выполнялъ наши совѣты и наши уроки — и чувствовалъ себя счастливымъ юношей и не слишкомъ робкимъ. Виноваты въ этомъ были вы.

Такихъ ночей было нѣсколько — я засидѣлся въ озерномъ мѣстечкѣ и на время забылъ свои ревизіи. И не каюсь.

По обязанности руководителя разумнаго отдыха, профессоръ устраивалъ съ экскурсантами прогулки въ горы и велъ съ ними геологическія бесѣды. Домой возвращались усталыми, голодными, опаленными солнцемъ и насквозь провѣтренными горной свѣжестью. И все-та-

ки хватало силъ послѣ ужина снова бродить по берегу озера, прятаться въ темной зелени, пѣнемъ нарушать покой мирныхъ мальчезинскихъ жителей. Дверной ключъ въ отелѣ всегда торчалъ снаружи, и дверь хлопала до самаго утра. Вставали поздно и до купанья сердито шурились. Писали и посылали въ Россію кучи открытокъ съ видомъ скалы, надъ которой бѣлымъ гвоздикомъ торчала маленькая колокольня.

Однажды профессоръ повезъ молодежь на островъ, на хорошихъ лодкахъ, съ запасомъ провизіи, съ удочками, ради прогулки и, конечно, «научныхъ занятій». Отплыли при легкомъ вѣтрѣ, на склонѣ дня, чтобы тамъ закусить, погулять и вернуться при лунѣ. Гребцовъ не взяли — сами гребцы не плохіе.

Были уже далеко и отъ мѣстечка и отъ береговъ. Ближе къ острову озеро было широкимъ и открытымъ, какъ маленькое море. Ъхали съ пѣснями и шалостями, — профессорская лодка впереди.

Но озеро Гарда капризно. Изъ-за высокой скалы незамѣтно подкралась тучка, вода потемнѣла, подулъ порывистый вѣтеръ, потомъ налетѣлъ настоящій шквалъ, волны забурили, и озеро разыгралось, какъ заправское море. вмѣсто пѣнья — крики ужаса, а островъ еще далеко, къ берегу еще дальше.

На передней лодкѣ профессоръ, блѣдный и дрожащій, но командиръ, отвѣтственный за жизнь молодежи, зоветъ глазами берегъ острова, считаетъ взмахи веселъ, молится про себя всѣми молитвами, которыя знаетъ и которыя спасали его въ другихъ жизненныхъ буряхъ.

Такъ шли минуты, и такъ шли часы, пока лодки относило вѣтромъ и крутило среди волнъ. Было темно, когда изъ послѣднихъ силъ добрались до острова и ткнулись носами лодокъ въ песчаный берегъ. Всѣ были цѣлы — десятки молодыхъ жизней. Усталые, промокшіе,

молчаливо выходили изъ лодокъ и скорѣе отбѣгали отъ страшной воды. Въ этотъ моментъ взошла луна.

И вотъ передъ толпой испуганной и присмирѣвшей молодежи всталъ профессоръ, обнажилъ голову, освѣтивъ луной огромный свой лобъ, и сказалъ строго и убѣдительно:

— Всѣ на колѣни!

Опустился первымъ впереди — и за нимъ опустились всѣ. И онъ сталъ за всѣхъ громко молиться.

Молился словами благодарности за спасенье, — Богу ли, року ли, словами своими, такой же музыкальной импровизаціей словъ, какая лилась изъ-подъ пальцевъ его у рояля. Молился долго, поднимая руки къ небу и къ взошедшей лунѣ, улетѣвъ мыслью въ звѣздные міры, съ глазами полными счастливыхъ слезъ и съ сердцемъ, полнымъ дѣтской вѣры. А за нимъ — всѣ эти молодые скептики, студенты, шаловливыя дѣвушки. Были минуты страннаго экстаза, сознанія совершившагося чуда, которое вымолилъ у неба и озерныхъ чудовищъ вотъ этотъ странный человѣкъ, профессоръ геологіи, для нихъ уже старикъ, но влюбленный въ жизнь и знающій что то такое, чего они еще не знали, но силу чего чувствовали на себѣ.

Потомъ они окружили его молчаливой толпой и смотрѣли на него, какъ на святого, проводшаго ихъ по волнамъ невредимыми, сохранившими такое дорогое сокровище, какъ жизнь, еще почти не начатая.

Такъ же молча разсѣлись на берегу и стали смотрѣть на озеро. Волнъ уже не было, вода покрывалась рябью, отъ луны шла дорога свѣта. Еще полчаса — и озеро стало совсѣмъ спокойнымъ — какъ это бываетъ только межъ высокихъ, обманчивыхъ и коварныхъ береговъ Гарда, лучшаго изъ итальянскихъ озеръ.

На утро уже спокойно вспоминали они свое приклю-

ченіе, но многіе остались задумчивыми. Профессоръ былъ нездоровъ и къ обѣду не вышелъ. Сегодня, сверхъ обычнаго утренняго букета, онъ получилъ еще много цвѣтовъ, собранныхъ любящими руками, можетъ быть не только женскими.

Я взволновалъ васъ этимъ разказомъ, дорогой профессоръ? Мой разказъ можетъ быть не точнымъ, — я пишу его съ чужихъ словъ, такъ какъ меня тогда уже не было съ вами. Тѣ, кто мнѣ разказали, не улыбались, вспоминая о васъ и объ общей молитвѣ. Они говорили, что пережили близость чуда, что спастись было нельзя, значить это было дѣломъ вашей святости или вашего колдовства. Одни, вѣрующіе, приписали свое спасеніе вашей молитвѣ, другіе, скептики, отказались искать объясненія, чтобы не измѣнить себѣ, но и не нарушить силы воспоминанья.

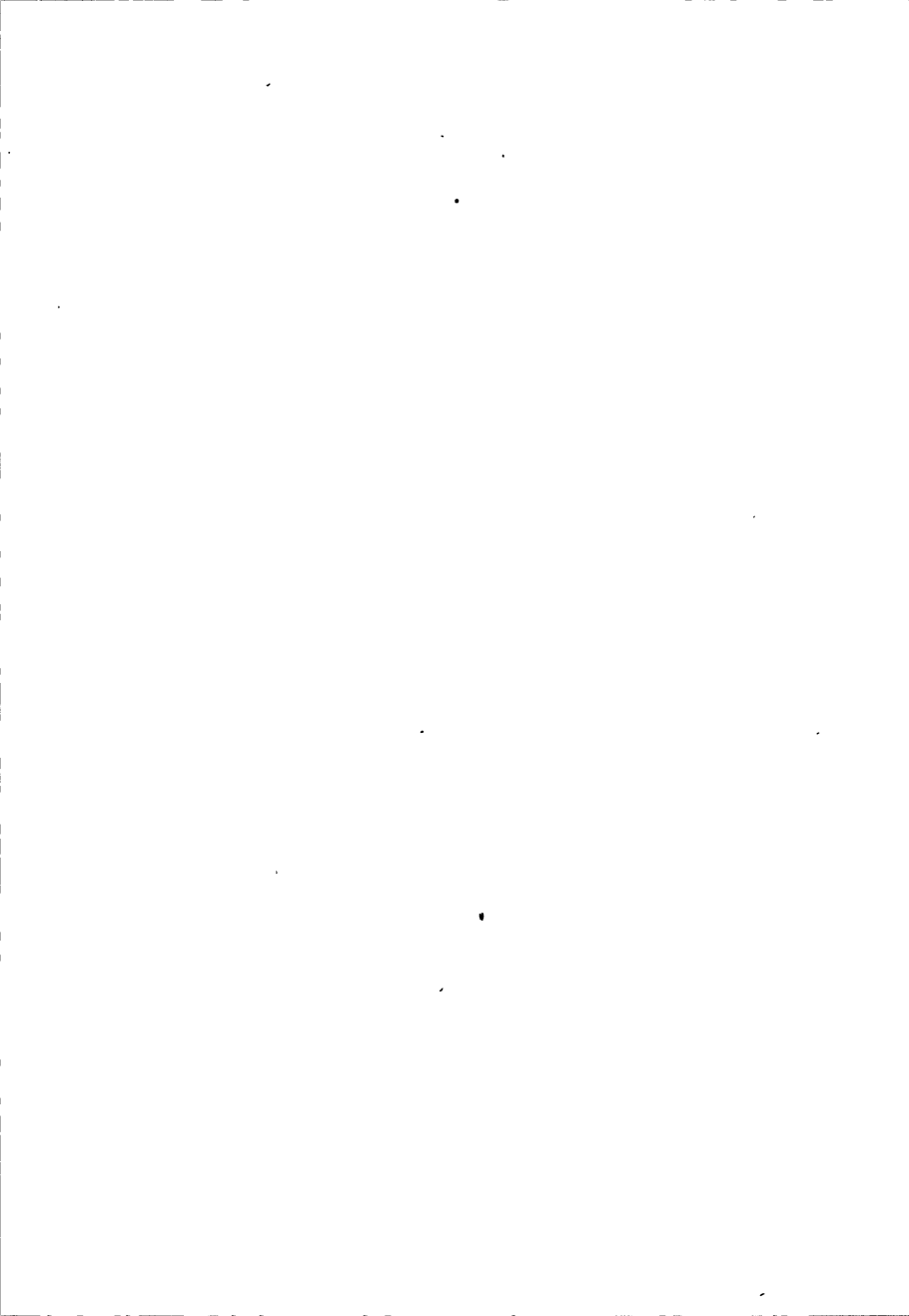
Я же, веселый безбожникъ, тшусь понять все безъ помощи невѣдомыхъ мнѣ силъ. Я знаю, что такое любовь къ жизни и жажда жизни. Въ любви этой вложена сила, которой не нужно иныхъ объясненій. Я слышалъ ее въ вашей музыкѣ, и не о ней ли говорили мы съ вами, профессоръ, въ наши лунныя встрѣчи на озерѣ Гарда? Этой силы, насъ тогда окрылявшей, было довольно на всѣхъ. Какъ могли — мы учили любить и не бояться, потому что минуты жизни кратки и священны, и всѣ онѣ на счету, и нельзя пропускать ихъ съ небрежной медлительностью чувствъ. Учили музыкой, словами, личнымъ примѣромъ. Вамъ на долю выпало доказать, что жажда жизни усмиряетъ волны, а съ любовью въ сердцѣ можно въ утлой лодкѣ переплыть океанъ. Или скажутъ, что все это лишь вздоръ и красивыя слова? Пусть думаютъ такъ — мы вѣрили иначе. И съ этой вѣ-

рой жили и дожили до тѣхъ лѣтъ, когда мѣнять вѣру уже поздно.

Профессоръ, этими строками, писанными для васъ, позвольте перекинуть мостъ старой нашей дружбы черезъ головы всѣхъ скептиковъ, людей прозы, не вѣрящихъ въ дружбу и не жаждущихъ чуда. Молча, про себя, мы знаемъ, гдѣ голая истина и гдѣ ея прекрасныя одежды. Намъ не приходится бояться ошибки.

Прошли годы, и прожито такъ много. На жизненныхъ полкахъ томы и страшныхъ и ласковыхъ воспоминаній. Среди нихъ сегодня я открылъ страницу нашей встрѣчи, которой ни я, ни вы забыть не можемъ. Яркими и четкими буквами написано въ ея заголовкѣ:

«Чудо на озерѣ Гарда».

ИГРОКЪ

Когда крупье забралъ и передвинулъ своимъ изумительнымъ деревяннымъ мечомъ кучу разноцвѣтныхъ костяшекъ, — на плечо мое легла рука, и слегка насмѣшливый, очень знакомый голосъ сказалъ:

— Такого случая, седьмой карты, я жду три года. Но вы, конечно, правы, давь и восьмую.

Я поднялъ голову и увидалъ стараго московскаго пріятеля, котораго давно потерялъ изъ виду.

Собравъ печальные остатки костяшекъ, я всталъ — къ удовольствію ожидавшихъ свободнаго мѣста за столомъ.

Поздоровавшись, онъ продолжалъ:

— Дать восьмую карту, это, конечно, жестъ красивый. Французы этого не умѣютъ. Чувствуется московское воспитаніе.

— Плохое утѣшенье, — кисло улыбнулся я. — Было бы гораздо лучше остановиться даже на пятой.

— Однако, прошла и шестая и седьмая. Могла пройти и восьмая. Получался хорошій кушъ.

— По моимъ недостаткамъ — почти богатство. Я совершенно не понимаю, почему я далъ восьмую.

— О, это понятно, понятно. Очень, очень понятно.

Мы рѣшили поболтать не въ буфетѣ клуба, а гдѣ-нибудь въ кафэ. На минуту задержались у большого стола баккара, гдѣ по зеленому сукну быстро передвигались кучки красныхъ, голубыхъ и перламутровыхъ дощечекъ; игра шла миллионная. То, что отняла у меня восьмая карта, здѣсь выражалось одной красивой голубой дощечкой, и, въ общемъ счетѣ, роли не играло. Голубая дощечка равна была только годовому заработку средняго чиновника.

Въ кафэ было пусто; мы заняли угловой столикъ и, въ ожиданіи двухъ кружекъ, разсматривали другъ друга.

— Вы часто играете? — спросилъ онъ.

— Только случайно. А вы — клубный житель?

— Да, какъ всегда. Но играю сейчасъ мало.

— Неудачи?

— Д-да, мертвая полоса. Бываетъ.

Съ его лица не сходила усталая полуулыбка человека, выдавашаго виды. Я вспомнилъ, что улыбка эта была мнѣ знакома еще по Москвѣ, гдѣ мы также не разъ встрѣчались за круглымъ столомъ.

— Неисправимы? — засмѣялся я.

— Да зачѣмъ же исправляться? Въ сущности въ этомъ вся жизнь. Во всякомъ случаѣ лучшее въ жизни.

— Въ азартѣ?

— Да. Именно въ азартѣ. Азартъ — святое дѣло. Высокое дѣло. Выше азарта ничего нѣтъ. Побить восьмую карту ничѣмъ не хуже прекрасной поэмы или главы романа. Но нужно это умѣть дѣлать.

— Послушали бы васъ моралисты — получили бы вы отъ нихъ хорошую отповѣдь. Карты — гиблое дѣло. Душу вытравливаютъ.

— Ахъ нѣтъ, это ужъ нѣтъ! Что угодно, а это не

такъ. Азартъ вообще возвышаетъ, а не унижаетъ душу. Я это говорю не какъ игрокъ, а совершенно безпристрастно. Я объ этомъ много думалъ, да и наблюдалъ на своемъ вѣку достаточно.

Мы попробовали говорить о другомъ. Наскоро обмѣнялись деталями біографій послѣднихъ лѣтъ. Вспомнили о старыхъ встрѣчахъ и объ ушедшихъ людяхъ. И скоро разговоръ вернулся къ прежней темѣ.

Онъ отпивалъ пиво маленькими глотками, не глядя на кружку. Впрочемъ, глаза его всегда смотрѣли мимо предметовъ — куда-то. А пальцы руки, нерабочей, блѣдноватой и слегка дрожащей, ни на минуту не оставались спокойными. Съ этой сдерживаемой природной нервною не согласовался спокойный, слегка насмѣшливый голосъ, которымъ онъ произносилъ слова странныя и глубоко убѣжденные.

— Азартъ... и всѣ въ негодованіи. Говорятъ: большая страсть, сниженіе достоинства человѣка. Ну, конечно! Горящіе глаза, забвеніе человѣческаго, близость къ звѣрю... Вздоръ это! Азартъ человѣка возноситъ къ небу, близитъ съ богами. Плоской жизни, разсчета каждаго шага и каждой копѣйки онъ противопоставляетъ вдохновеніе, блескъ, гигантскій взлетъ надеждъ, гибельную пропасть паденія, великое, именуемое «случайностью». Онъ маленькому чортику разсудка вырываетъ клочъ сѣренькой шерсти, и чортикъ гибнетъ со свистомъ. И тогда встаетъ, вырастаетъ огромный и великій богъ, или дьяволъ, — гдѣ разница? — сжимаетъ человѣку сердце и горло сладкой цѣпью мечты, страха и дерзання, швыряетъ въ прахъ семью, трудъ, всѣ проклятыя добродѣтели человѣка, связавшія его по рукамъ и ногамъ и сдѣлавшія жизнь вѣчнымъ проклятьемъ, и манитъ, обманываетъ, даритъ минутой счастья, бьетъ и губитъ внезапнымъ ударомъ смѣшной и нелѣпой судьбы, ласка-

еть тихой и ровной радостью. Да! Есть и простая сельская радость во всецвѣтномъ азартѣ.

— Но слушайте, — вы настоящій поэтъ! А скажите, у васъ здѣсь есть семья? Дѣти?

— Что? Да, да, конечно. И дѣти. У меня двое. Но это не важно.

И, отпивъ глотокъ, продолжалъ:

— Вы вотъ замѣтите, что среди азартныхъ, то-есть настоящихъ, а не трусовъ и не ловкачей, нѣтъ злодѣевъ и очень много (если не всѣ) людей безбрежной щедрости и минутной (всегда минутной) высочайшей душевной красоты. Эти люди умѣютъ и смѣютъ дарить широкимъ жестомъ, счастливить, любить всѣмъ сердцемъ. И вдругъ — страшная низость, полное паденіе, боязнь потерять полугрошикъ, послѣднюю свою соломинку спасенія. И вотъ онъ за минуту — богачъ, расточитель, благодѣтель, красивое сердце, — отказываетъ тонущему не только въ помощи, а въ простомъ сочувствіи. И глубоко страдаетъ за его гибель и за свою мерзость. Извивается, изощряется, подставляетъ ногу, выкарабкивается по чужимъ трупамъ. А черезъ минуту — снова богъ, снова щедрый, великодушный, снова выше всѣхъ мелкихъ сегодняшнихъ политиковъ, тружениковъ въ потѣ лица, благотворителей, отдающихъ процентъ, — а онъ игрокъ съ жизнью, отдаетъ все зря, по волѣ своей и кусочка бристольского картона, не думая, не считая, ради красоты жеста... Потому что — хочу и могу. И не дорожу ничѣмъ, только бы заглянуть въ бездну, только бы поиграть съ нею, равный, а не какъ ея рабъ.

— И, въ заключеніе, всегда проиграть?

— Что? Но вѣдь это не важно: проиграть, выиграть. То-есть это тоже важно, но только на моментъ, до слѣдующей карты. Пока есть что ставить. А затѣмъ — воз-

вратъ къ обычной жизни, къ быту, къ женѣ, къ дѣтямъ, къ улицѣ, газетамъ, вообще къ тому, что называется дѣйствительностью. Изъ садовъ райскихъ — въ болото.

— Неужели же по вашему въ этой дѣйствительной жизни....

— Подождите, — перебилъ онъ. — вотъ что я вамъ хочу сказать, вы играли когда-нибудь одинъ, сами съ собой?

— Какъ?

— Ну, ночью, или когда нѣтъ денегъ на игру. Тотъ не игрокъ, то-есть ничего въ игрѣ не понимаетъ, кто не игралъ самъ съ собой. Я игралъ ночами, до свѣта. Металъ на двѣ руки, дѣлалъ ставки, выигрывалъ и проигрывалъ колоссальныя суммы, миллионы, безъ всякаго удержа и съ реальнѣйшимъ переживаніемъ счастья и неудачъ. Говорилъ вслухъ, небрежничалъ, иронизировалъ, колебался. И очень волновался, особенно при крупныхъ проигрышахъ. Когда не было дома картъ, игралъ по телефонной книгѣ.

— Какъ это по телефонной книгѣ?

— А просто, открывалъ наудачу и слагалъ цифры парами. Но, конечно, это суррогатъ азарта, а не настоящій. Но все же жизнь особая, болѣе высокая, лучше сна и лучше ненужнаго бодрствованія. И знаете, однажды я побилъ двадцать три карты подрядъ. Вы понимаете — двадцать три подрядъ! Это было изумительное переживаніе. Если бы я игралъ не самъ противъ себя, я бы выигралъ миллиардъ, былъ бы богачемъ. Я даже не могъ бы уже проиграть этого, мнѣ не достало бы противниковъ. Двадцать три карты! Я не могъ заснуть до утра, но дальше было уже не то, игра мелкая, съ перемѣннымъ счастьемъ.

— Ну, это, знаете, уже.... —

— Ненормальность? Нѣтъ, я человѣкъ психически здоровый. Но я не знаю ничего выше игры случая. Подумайте — какое превосходное ниспроверженіе законовъ логики, расчетовъ статистики... почему седьмая карта прошла, а восьмая бита? Маленькая, необъяснимая случайность — и вы бы были сегодня богаты.

— Если бы снова не проигралъ всего.

— Это ужъ другое. Важна минута, а не конечный результатъ. А впрочемъ...

Онъ добродушно разсмѣялся:

— Конечно, и поэзіи есть предѣлы. У меня — я уже говорилъ вамъ — сейчасъ какая-то гиблая полоса. Дальше второй карты не бываетъ. Даже воображеніе не работаетъ. И нѣтъ никакой вѣры. Вотъ это странно — почему иногда исчезаетъ вѣра? Даешь карту и навѣрное знаешь, что проиграешь. Пока не подходит моментъ, когда уже нѣтъ для ставки и когда навѣрное, ну вотъ непременно былъ бы успѣхъ. Встаешь изъ-за стола и видишь, какъ твоими картами кто-нибудь бьетъ, и бьетъ, и бьетъ, — твоимъ счастьемъ. Не хватало только одной послѣдней ставки. Это изумительно. И это тянется иногда мѣсяцами. Такъ вотъ и сейчасъ со мной.

Когда намъ принесли по новой кружкѣ, онъ продолжалъ:

— Вотъ я вамъ расскажу два случая изъ моей жизни. Однажды мнѣ очень хотѣлось помочь больной женщинѣ, моей знакомой, вдовѣ умершаго моего пріятеля. А помочь было нечѣмъ. Человѣкъ она была молодой, вся жизнь была впереди, а отъ брака своего, такого неудачнаго, имѣла на рукахъ сынишку. Отъ всякаго горя и печали случилось что-то съ легкими, и нужно было отправить ее на югъ поправляться. Очень мнѣ было жалко на нее смотрѣть, а помочь — чѣмъ я могу помочь? Только одно средство — выиграть.

— Средство сомнительное.

— Да, ужъ это — какъ повезетъ. Ну, пришелъ я однажды къ ней и говорю: «Дайте мнѣ на счастье руку». — «На-те, говорить, а зачѣмъ?» — «Пойду играть на ваше счастье. И хочу много выиграть. Если выиграю — возьмете у меня?» — Возьму. — «А сколько вамъ нужно, чтобы прожить полгода на югѣ? Тысячи рублей хватитъ?» — О, съ избыткомъ», — «Завтра утромъ ждите». Она посмѣялась, а я ушелъ.

Дѣло было къ ночи, по ночамъ и играли. Ну, коротко говоря, случилась полоса изумительная. Въ карманѣ у меня пустяки, и я въ первый же банкъ заложилъ половину всего, что имѣлъ. Провелъ картъ пять, продалъ банкъ, повернулъ, взялъ. Слѣдующій мой банкъ — уже крупнѣе. Везло мнѣ, какъ никогда, и игроки были денежные. Тысячу рублей я сдѣлалъ за первые полчаса, а дальше и считать пересталъ. Игралъ, какъ бы шутя, а на душѣ такая высокая радость, что и не расскажешь. Вѣдь человекъ спасу, прекрасную молодую женщину и ея ребенка. И ужъ не о поѣздкѣ ея шла теперь рѣчь, не о полугодѣ отдыха. Даже если останется у меня къ утру половина того, что я выигралъ, — я обезпечу ей жизнь и ея ребенку воспитаніе.

Давалъ карту, билъ, забиралъ деньги, давалъ дальше и шепталъ про себя: «А это Васюткѣ на костюмчикъ, а на это ему ослика купимъ, а на это лодку съ парусомъ». И если лодку съ парусомъ били — начиналъ снова, отыгрывалъ лодку и наигрывалъ еще на велосипедъ. Пусть хоть домъ покупаютъ — мнѣ то что за дѣло: деньги ихъ!»

Сталъ играть дальше сдержанно: не скупю, а благо-разумно. И все смотрѣлъ на часы: скоро ли утро. Проигрывалъ, выигрывалъ, но все же лежала передо мной кучка денегъ разъ въ двадцать больше, чѣмъ та пре-

зрѣнная тысяча, о которой мы говорили. Такъ дотянуль до утра, и даже часамъ къ восьми еще наиграль.

— И не проиграли? Унесли?

— А вотъ слушайте. Собраль я деньги, положилъ въ бумажникъ, всталъ. Ну, конечно, недовольныя лица, — уходитъ человѣкъ съ деньгами. Подождите, говорятъ, до завтрака, а тамъ всѣ разоидемся. Говорю: не могу, долженъ идти; если хотите — вернусь черезъ часъ. «Не вернетесь!» — Даю слово!

Вышелъ и прямо къ ней. По дорогѣ отсчиталь двадцать тысячъ, завернулъ особо въ бумажку. И мнѣ осталось на игру. Не на жизнь, объ этомъ я никогда не думаю.

Жила она совсѣмъ рядомъ. И вотъ неудача: не засталъ. Вышла рано по какимъ то дѣламъ, а вернется — сказала — не раньше обѣда. Было обидно! А я уже и фразу приготовилъ: «Вотъ выигрышь. Согласны взять, что въ этой бумажкѣ, — и чтобы разговоръ объ этомъ больше не было?» — «Согласна», — «Получайте, и больше ни единого слова!» — Эффектно! Эхъ, какъ на душѣ у меня хорошо было!

— Неужели вернулись и все проиграли?

— Да, вернулся и все проиграль, все до копѣйки. Вы думаете — по слабости? Нѣтъ, сознательно. Когда шелъ, ясно отдаваль себѣ отчетъ въ томъ, что могу загубить хорошее дѣло. И какъ подумаль — рѣшилъ непремѣнно идти играть. Даже дрожалъ отъ удовольствія: вотъ это — настоящая ставка! Вѣдь и деньги ужъ, собственно, не мои были, значить — почти преступленіе. И сталъ играть сразу крупно, не считая. Представьте — опять повезло. Черезъ часъ удвоилъ сумму. Еще черезъ часъ — заложилъ въ банкъ послѣднюю сторублевку и зналь, что ее возьмутъ. Первую карту побили.

Онъ замолчалъ, смотря передъ собой блестящими, ушедшими въ даль глазами.

— Да... Ну, а второй случай?

— Что? Ахъ, второй... Ну, это не такъ интересно. Какъ-то я проигрался совершенно, вернулся ночью домой и легъ спать. И вдругъ вспомнилъ, что наканунѣ далъ женѣ немного денегъ на какія-то необходимыя покупки. Въ то время жилось намъ очень плохо. Вспомнилъ — и не могу заснуть. И вотъ всталъ, тихонько пробрался въ комнату, гдѣ спала жена, долго шарилъ, боясь зажечь спичку, нащупалъ ея сумку, унесъ, вынулъ деньги, сумку отнесъ обратно. И чувствовалъ себя настоящимъ воромъ, настоящимъ. Интересное ощущение. Ушелъ изъ дому опять играть. И представьте — началъ съ пустяками, а къ концу выигралъ довольно много. И даже удержался — вернулся съ выигрышемъ. Дома засталъ жену въ горѣ: деньги пропали, послѣднія деньги. Ну, всталъ передъ ней на колѣни, отдалъ ей весь выигрышъ.

— Это ты взялъ? Ты взялъ на игру? Послѣднее? У меня изъ сумки!

— Да, говорю, — я. Я укралъ ихъ у тебя, потихоньку, ночью.

Вышло хуже, чѣмъ если бы пропали. А я ей много денегъ принесъ. Но вѣдь женщины не понимаютъ. Ужасъ воровства понимаютъ, а вотъ красоту побѣды — нѣтъ. Долго плакала. Кажется, я тоже рвалъ на себѣ волосы. Рву волосы, — а въ душѣ поетъ радостно: все-таки, побѣдилъ я. Не рѣшишь я на воровство — голодать бы намъ ту недѣлю.

Разказъ мнѣ не понравился:

— Знаете, тутъ ужъ чортъ знаетъ что такое. Какая же тутъ красота?

— Вы тоже не понимаете. Значит вы не игрокъ, не настоящій, хотя закваска у васъ хорошая, московская.

Расплатились и вышли.

— Куда вы?

— Не знаю.

— Вернетесь въ клубъ?

— Да, вѣроятно. Хотя я сегодня очень плохо вооруженъ. И въ то же время — хотите такъ смѣйтесь — чувствую, что сегодня могъ бы взять. Нѣтъ, я предразсудкамъ не подверженъ. Я просто — чувствую. Иногда и ошибаюсь, конечно. А иной разъ угадываю.

Я пожелалъ ему удачи.

ТЕРРОРИСТЪ

Исторія, которую я сейчасъ расскажу, очень кошмарная: преслѣдованіе, предумышленное убійство, пожирание трупа, зловѣщіе сны. Но герой исторіи и виновникъ этихъ дѣяній былъ милымъ и мягкимъ по характеру человѣкомъ, а совсѣмъ не злодѣемъ. Его звали Павломъ Тихоновичемъ, сокращенно — Пашей или Павликомъ; волосы его были шелковы и бѣлокуры, хотя и съ кокомъ, а голубые глаза слегка на выкатѣ. Злодѣевъ обыкновенно зовутъ Леонидами, Юріями, въ послѣднее время Игорями; у нихъ гладкіе черные волосы съ проборомъ, матовое лицо, дерзкій носъ и страстныя скептическія губы; когда они бросаютъ взглядъ на женщину — отъ женщины остается пепель, порывшись въ которомъ можно найти четыре металлическія пряжки, круглое стеклышко, оболочку губного карандаша и нѣсколько штукъ «пресъонъ».

Павелъ Тихоновичъ былъ студентомъ и исповѣдывалъ эсеровскія убѣжденія. Это значило, что земля, по мнѣнію крестьянъ, Божья, ничья, что община можетъ развиваться по Качоровскому, личность играетъ немалую роль въ исторіи, а благо трудящихся (крестьянъ, ра-

бочихъ и трудовой интеллигенціи) требуютъ примѣненія террора. Что касается Маркса, то онъ въ третьемъ томѣ «Капитала» самъ себя опровергаетъ и сверхъ того призналъ себя не марксистомъ.

Какъ человѣкъ искренній и смѣлый, Павелъ Тихоновичъ рѣшилъ стать террористомъ и отдать себя въ жертву за благо народа. Никакихъ моральныхъ препятствій къ этому не было, такъ какъ руководило Павломъ Тихоновичемъ не соображеніе цѣлесообразности, а святая ненависть, а за свои дѣйствія онъ рѣшилъ отвѣчать самъ и даже готовилъ исподволь будущую рѣчь на судѣ, съ краткимъ изложеніемъ эсеровской программы и заключительнымъ возгласомъ: «Долой самодержавіе и да здравствуетъ демократическая республика всѣхъ трудящихся».

Быть террористомъ не такъ просто, какъ нѣкоторые думаютъ. Кромѣ мужества и соблюденія конспираціи, нужна еще техника. Павелъ Тихоновичъ, помимо излишней мягкости характера, не обладалъ достаточной твердостью руки и вздрагивалъ отъ выстрѣловъ. Онъ былъ человѣкомъ болѣзненнымъ, страдалъ головными болями и слабостью легкихъ. Террористъ же долженъ обладать стальнымъ взоромъ, желѣзной рукой, равнодушно взирать на потоки крови и криво улыбаться на мольбы о пощаду. Павелъ Тихоновичъ сознавалъ свои недостатки и дѣлалъ все, чтобы отъ нихъ избавиться. Онъ завелъ револьверъ, правда, — не браунингъ, а бульдожку, пуля котораго пробиваетъ рубашку, но отскакиваетъ отъ пиджака; зато, научившись попадать въ цѣль изъ бульдожки (что почти невозможно), — будешь изъ браунинга попадать во что угодно на любомъ разстояніи.

Учиться стрѣлять было очень удобно, такъ какъ этимъ дѣломъ Павелъ Тихоновичъ жилъ у насъ въ де-

ревнѣ. Онѣ привезъ съ собой цѣлую коробку пуль, густо облитыхъ саломъ, и носилъ ее обычно въ карманѣ, вмѣстѣ съ бульдожкой, — такъ, на всякій случай. Онѣ уходилъ стрѣлять въ лѣсъ, гдѣ на полянѣ выбралъ своей жертвой молодую березку. И это было сдѣлано съ расчетомъ: весной пораненная березка плачетъ, изъ пробитаго отверстія обильно течетъ слеза, и березкѣ дѣйствительно грозитъ смерть. Павелъ Тихоновичъ это зналъ и пріучалъ себя къ жестокости и выдержкѣ; къ концу лѣта онѣ рассчитывалъ стать совершенно невозмутимымъ и безжалостнымъ, какъ и подобаешь террористу.

Кромѣ него жилъ у насъ въ домѣ старый, уже потерявшій способность нравиться, пѣтухъ. Изъ за этого пѣтуха все и вышло.

Мы жили маленькой семьей, въ томъ числѣ двое мужчинъ, я и Павелъ Тихоновичъ, который былъ старше меня двумя курсами. Женщины вели хозяйство, мы носили воду, кололи дрова, запрягали лошадь и обсуждали аграрный вопросъ по Чернову. Когда возникъ вопросъ о томъ, кто изъ насъ заколетъ пѣтуха, — Павелъ Тихоновичъ предложилъ выполнить эту миссію, и мы всѣ очень обрадовались, потому что постороннему человѣку сдѣлать это легче, чѣмъ намъ, знавшимъ пѣтуха еще цыпленкомъ и считавшимъ его какъ бы членомъ семьи. А заколотъ пѣтуха было необходимо; того требовало наше рациональное хозяйство, не допускавшее дармоѣдства со стороны домашнихъ животныхъ. Мы старались жить, какъ живутъ крестьяне, безо всякихъ интеллигентскихъ нѣжностей, попросту и дѣловито. Пѣтухъ старъ — значитъ нужно его заколотъ и съѣсть.

И вотъ Павелъ Тихоновичъ взялъ топоръ и пошелъ закалять въ себѣ рѣшимость, безжалостность и волю къ дѣйствию. Въ этотъ день онѣ былъ блѣденъ, и глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ; думаю, что послѣднюю

ночь онъ плохо спалъ отъ понятнаго волненья; но слово было дано и предстояло его исполнить.

Чтобы не смущать Павла Тихоновича, я не пошелъ съ нимъ во дворъ, а наблюдалъ за его дѣйствіями изъ за деревьевъ сада. Павелъ Тихоновичъ не счелъ возможнымъ прибѣгнуть къ хитрости и предательству и не приманивалъ пѣтуха зернами и хлѣбомъ. Онъ двинулся на него, какъ на соціальнаго врага, и, держа топоръ въ рукѣ, долго бѣгалъ за пѣтухомъ по двору, стараясь загнать его въ такое мѣсто, гдѣ его удобнѣе схватить. Тянулось это очень долго, такъ какъ пѣтухъ, очевидно, ощутилъ смертельную опасность и очень искусно уклонялся. Наконецъ, Павелъ Тихоновичъ, измучившись и обливаясь потомъ, очень удачно споткнулся и упалъ прямо на пѣтуха. Раздался крикъ палача и жертвы, палачъ загребъ жертву въ объятія и отправился за ригу, гдѣ должна была произойти экзекуція. Разумѣется, и я послѣдовалъ за ними, стараясь оставаться подъ прикрытіемъ.

Долженъ сказать, что это было очень страшно. Все го страшнѣе было лицо Павла Тихоновича, словно это онъ былъ обреченъ на смерть. Пѣтуха онъ несъ подмышкой, другой рукой придерживая за горло, но не крѣпко, чтобы не причинить ему боли. За ригой онъ долго укладывалъ пѣтуха на землю, а шею его на полѣно. Надо было держать за ноги, но Павелъ Тихоновичъ этого не зналъ, держалъ въ обнимку, и пѣтухъ все время выскальзывалъ у него изъ рукъ. Наконецъ, кое какъ его примостивъ, почти лежа на немъ, Павелъ Тихоновичъ нащупалъ топоръ, поднялъ его въ уровень со своимъ подбородкомъ и, не имѣя возможности размахнуться, — неуклюже, какъ-то бочкомъ, почти нѣжно, полоснулъ пѣтуха по плечу, пониже шеи. Пѣтухъ неистово закричалъ, рванулся, выскользнулъ изъ рукъ и

понесся въ ближній лѣсокъ. Павелъ Тихоновичъ сначала упалъ на землю, потомъ поднялся встрепаннѣй и съ ужасомъ на лицѣ и погнался за пѣтухомъ. Я видѣлъ, какъ на бѣгу онъ бросилъ топоръ, выхватилъ изъ кармана револьверъ и — скрылся за деревьями.

Затѣмъ я слышалъ выстрѣлы — одинъ, другой, третій. Итти въ лѣсокъ, гдѣ стрѣляетъ Павелъ Тихоновичъ, я не рѣшилъ, не считая это безопаснымъ.

Прошло около часу, и Павелъ Тихоновичъ вернулся и заперся въ своей комнатѣ. Мы не безпокоили его разспросами, — ясно было, что человѣку не по себѣ. Впрочемъ, скоро онъ опять вышелъ и направился къ лѣсу, но выстрѣловъ мы больше не слышали. До самаго вечера ни пѣтухъ, ни Павелъ Тихоновичъ домой не возвращались. Пѣтухъ такъ и не явился, а Павелъ Тихоновичъ въ этотъ день не ужиналъ и легъ спать рано.

Я думаю, однако, что онъ только лежалъ, а спать не могъ. Лишь подъ утро меня разбудилъ его бредъ за тонкой стѣной. Онъ и обычно по ночамъ разговаривалъ, но на этотъ разъ вскрикивалъ поистинѣ мучительно; очевидно, сильно ему разстроила нервы исторія съ пѣтухомъ.

Рано утромъ онъ исчезъ, и скоро опять въ лѣсу загремѣли выстрѣлы. Иногда они слышались быстро-быстро одинъ за другимъ, какъ изъ пулемета, а иногда одиночками. Я рисовалъ себѣ картину, несомнѣнно, вѣрную, какъ Павелъ Тихоновичъ охотится въ лѣсу на стараго пѣтуха, какъ тотъ спасается отъ него за деревьями и какъ оба они, съ застывшимъ въ глазахъ ужасомъ, мечутся по лѣсу и ненавидятъ другъ друга.

День прошелъ кошмарно. Павелъ Тихоновичъ нѣсколько разъ возвращался домой, но съ нами не разговаривалъ и не обѣдалъ, — проходилъ мимо съ опущенными глазами и совершенно больнымъ видомъ. Спро-

силь его о чемъ нибудь никто изъ насъ не рѣшался. Вечеромъ, когда всѣ легли, онъ поѣлъ на кухнѣ и, придя въ комнату, бросился на кровать и скоро захрапѣлъ. Не думаю, чтобы сны его были сладки. Пѣтухъ и на эту ночь домой не явился.

На третій день этой кошмарной исторіи я всталъ рано, и, когда Павелъ Тихоновичъ сдѣлалъ попытку проскользнуть черезъ дворъ и направиться въ лѣсокъ, я его окликнулъ:

— Павликъ, брось, не ходи.

Онъ остановился и мутно посмотрѣлъ на меня.

— Брось, говорю, пѣтуха, пусть онъ живетъ.

Онъ мрачно отвѣтилъ:

— Бросить его нельзя, онъ наполовину уже мертвъ.

— Какъ это — наполовину?

— Я всадилъ въ него не меньше восьми пуль. То есть я попалъ восемь разъ, но это не револьверъ, а чортъ знаетъ что. Пули отскакиваютъ.

— Ну и оставь его. Ты совсѣмъ замучился и его замучилъ.

— Оставить нельзя. Во первыхъ, онъ раненъ топоромъ и весь въ крови. А во вторыхъ, я не могу его оставить живымъ. Я рѣшилъ убить и убью, будь что будетъ. Я ни передъ чѣмъ не остановлюсь.

Онъ сказалъ это такъ рѣшительно, что мнѣ оставалось только преклониться передъ его мужествомъ. Да, Павликъ не такой человѣкъ, чтобы остановиться на полпути! Собственно я боялся единственно того, что онъ, сраженный своей неудачей, застрѣлится самъ, какъ это иногда дѣлаютъ террористы.

Весь день мы были скверно настроены и все время прислушивались. Выстрѣлы время отъ времени раздавались, но Павелъ Тихоновичъ не появлялся. Мы уже мечтали о томъ, что пѣтухъ умретъ въ лѣсу отъ ужаса и го-

лода. Наконецъ, передъ закатомъ въ лѣсу разрядилась цѣлая обойма сразу. Я не выдержалъ и побѣжалъ къ лѣсу узнать, чѣмъ все это кончилось. На самой опушкѣ я встрѣтилъ Павлика съ искаженнымъ лицомъ и съ револьверомъ въ рукѣ. Увидавъ меня, онъ глухо сказалъ:

— Возьми его, я не могу. Я убилъ его.

— Гдѣ онъ?

— Тамъ, на полянкѣ, подъ деревомъ. Ты знаешь, я размозжилъ ему голову пулей — и онъ все таки былъ живъ. Это такой ужасъ! Онъ лежитъ, но я не увѣренъ, что онъ совсѣмъ мертвый.

— Ну, ступай, отдохни.

Онъ пошелъ, шатаясь, какъ пьяный, и продолжалъ сжимать въ рукѣ револьверъ.

— Павликъ, дай мнѣ револьверъ.

Я боялся, какъ бы Павликъ, совсѣмъ потерявъ голову, не началъ стрѣлять во что попало. Но онъ на ходу крикнулъ:

— Безполезно. У меня нѣтъ пули. Я убилъ его послѣдней.

Пѣтуха я нашелъ безъ труда. Это было довольно противнымъ зрѣлищемъ. Дѣйствительно, Павелъ Тихоновичъ не разъ попадалъ въ него пулей, — о томъ свидѣтельствовали взбитыя перья на припухшей кожѣ. И вообще видъ окровавленнаго пѣтуха былъ ужасенъ не менѣе, чѣмъ видъ его палача.

Къ своему удивленію, дома я засталъ Павла Тихоновича спокойно и даже какъ будто иронически разговаривавшимъ съ нашими дамами. Онѣ съ должной осторожностью надъ нимъ подшучивали, онъ старался изобразить всю исторію комически. И я видѣлъ, что женщины смотрятъ на него все же, какъ на героя. Мнѣ это даже не понравилось, — но вѣдь женщины всегда тако-

вы: когда человекъ добился своего и побѣдилъ, онъ забываютъ о томъ, каковъ онъ былъ на пути достиженія. А онъ былъ, откровенно говоря, всѣ эти три дня очень несчастнымъ и достаточно смѣшнымъ.

Однимъ словомъ — пѣтуха зажарили, — какъ того и требуетъ рациональное хозяйство. А зажаривши — подали на столъ.

Мнѣ было очень любопытно: какъ станетъ держать себя Павелъ Тихоновичъ? Не легко убить, но еще труднѣе ѣсть убитаго. Правда, въ жаренномъ видѣ пѣтухъ уже не былъ страшенъ, но все же...

Сейчасъ такихъ людей, какъ прежде были, уже нѣтъ. Нынѣшній человекъ либо отъ природы жестокъ и нечувствителенъ, и тогда онъ будетъ ѣсть родного брата, либо же даже не придетъ посмотрѣть на свою жертву, чтобы не трепать себѣ нервы. Павелъ же Тихоновичъ упрямо работалъ надъ собой, закаляя въ себѣ черты, необходимыя для террориста. Онъ не только явился къ ужину, отлично зная, что подадутъ пѣтуха, но и равнодушно протянулъ свою тарелку:

— А мнѣ дайте крылышко.

Когда ему положили крылышко, вѣрнѣе сказать — отвратительно-жесткое крыло престарѣлой птицы, — мы всѣ съ живѣйшимъ интересомъ и съ нескрываемымъ уваженіемъ вонзились глазами въ Павла Тихоновича: какъ онъ будетъ ѣсть? Мы видѣли, что на лбу этого мужественнаго человека холодный потъ и что онъ вновь больно переживаетъ событія трехъ послѣднихъ дней. Видѣли мы, что руки его, разрѣзая кусокъ, немного дрожать, и что напрасно силится онъ скрыть свое великое волненіе подъ презрительной улыбкой. Кое какъ онъ все же отковырялъ ножомъ солидный кусокъ крылышка и направилъ въ ротъ. Но едва онъ сжалъ его зубами, какъ вскрикнулъ, выплюнулъ, — и на тарелку звонко

шлепнула пуля. Павелъ Тихоновичъ схватился за голову, опрокинулъ стулъ и убѣжалъ въ свою комнату.

Такъ отомстилъ ему старый пѣтухъ.

Побѣжали за валерьяновыми каплями и мокрымъ полотенцемъ. Нужно сознаться, что на этотъ разъ Павелъ Тихоновичъ не выдержалъ: у него былъ настоящій нервный припадокъ, онъ катался по кровати и велъ себя постыдно, какъ баба, а совсѣмъ не какъ террористъ. Можетъ быть, въ другое время онъ сдержался бы, но сейчасъ онъ былъ, дѣйствительно, измученъ своей трехдневной пыткой, да и спать ночами плохо. Если бы пѣтуха подали днемъ позже, давъ Павлу Тихоновичу отдохнуть, все бы могло произойти иначе, безъ такой неприятности и безъ урона для мужского достоинства террориста.

Но вотъ, что я замѣтилъ. За минуту передъ этимъ онъ былъ въ глазахъ женщинъ какъ бы героемъ. Теперь же, когда онъ такъ ясно сдалъ и оскандалился, — вы думаете онѣ надъ нимъ смѣялись, или онъ что нибудь утратилъ въ ихъ глазахъ? Нисколько! Онъ теперь сталъ страдальцемъ за идею, мученикомъ, а это еще интереснѣе. Припадокъ давно уже прошелъ, — но онѣ все сидѣли надъ нимъ, клали мокрое полотенце, разговаривали шопотомъ и смотрѣли съ нѣжностью и участіемъ, какъ на раненаго. А онъ — я такъ думаю — лежалъ съ полузакрытыми глазами и соображалъ какъ ему быть, чѣмъ себя оправдать, чтобы не быть слишкомъ смѣшнымъ. Биться въ истерикѣ изъ за того, что попала на зубъ пуля, — не очень это красиво! Только поэтому онъ и продолжалъ лежать, хотя все давно прошло, и ему, вѣроятно, хотѣлось встать (только не пѣтуха).

Женщины ему въ этомъ помогли: одна сбила ему гоголь-моголь, другая напоила чаемъ, да такъ весь вечеръ около него и просидѣли. Конечно, о пѣтухѣ — ни

слова. Говорили о поэзіи и о Леонидѣ Андреевѣ, и Павелъ Тихоновичъ настолько расхрабрился, что даже напалъ на Андреева за его истеричность.

Кстати пѣтуха унесли въ кладовку, что бы онъ не попался опять на глаза Павлу Тихоновичу, и дамы наши ѣсть его отказались. Я отъ этого ничего не потерялъ, хотя пѣтухъ, какъ уже сказано, былъ такъ старъ и такой жесткій, что можно было объ него и безъ пули обломать зубы.

Я все таки думаю, что Павелъ Тихоновичъ въ террористы не годился и что по темпераменту своему онъ былъ скорѣе всего меньшевикомъ. Обидно, что по окончаніи университета я какъ то потерялъ его изъ виду и не знаю, кѣмъ онъ сталъ и даже живъ ли еще. Послѣ исторіи съ пѣтухомъ мое преклоненіе передъ нимъ пропало, — хотя возможно, что въ данномъ случаѣ сыграла роль и нѣкоторая ревность. Очень ужъ обидѣла меня эта женская манера увлекаться героями и мучениками. Самъ я человѣкъ простой, въ герои не лѣзу, но и истерикъ не закатываю. Правда, нѣтъ у меня ни голубыхъ глазъ, ни бѣлокурыхъ шелковыхъ кудрей.

Пожалуй, въ нихъ то, а не въ пѣтухѣ, и было все дѣло.

КЛИЕНТЪ

Въ то время я былъ молоденькимъ адвокатомъ. Въ виду отсутствія практики, я предложилъ услуги бесплатнаго юрисконсульта большому и богатому обществу купеческихъ приказчиковъ. У общества числились и другіе юрисконсульты, повиднѣе и поопытнѣе меня, но они принимали кліентовъ у себя на дому и врядъ ли охотно, — я же принималъ въ помѣщеніи общества, гдѣ мнѣ отвели совсѣмъ не плохой кабинетъ, служившій въ другіе дни пріемной для врача.

Сначала было страшновато, послѣ привыкъ. Дѣла у приказчиковъ однообразныя, за совѣтомъ обращались больше по дѣлишкамъ мелкимъ, при болѣе же сложныхъ можно было отвѣтъ отложить: «Зайдите ко мнѣ въ слѣдующій разъ, мы обсудимъ все подробнѣе; сейчасъ люди ждутъ!» А тѣмъ временемъ и къ отвѣту пригодишься.

Но ни одно дѣло не озадачило и не смутило меня такъ, какъ дѣло стараго приказчика Павла Ивановича (какъ его на самомъ дѣлѣ звали, не все ли равно; я и самъ забылъ).

Походкой солидной, съ достоинствомъ и уважи-

тельностью, вошелъ въ кабинетъ лысый сѣдоусый человекъ въ длинномъ сюртукѣ, низенькій, прочный, основательный, лѣтъ за пятьдесятъ. Представился Павломъ Ивановичемъ, плотно сѣлъ въ кресло, а на столъ положилъ большой пакетъ, завернутый въ газетную бумагу.

— Къ вамъ по дѣлу важному. Самъ разобраться не могу, и ужъ какъ скажете, такъ и поступлю.

— Слушаю, Павелъ Ивановичъ. Расскажите свое дѣло.

— Желалъ бы узнать совѣтъ вашъ, выдавать ли мнѣ замужъ дочь мою Анну Павловну, дѣвицу двадцати трехъ лѣтъ? Супруги не имѣю, схоронилъ, и дочь единственная. Такъ что судьба ея меня весьма занимаетъ и, скажу откровенно, беспокоитъ. Какъ вотъ посоветуете, — выдавать ли?

— Павелъ Ивановичъ, я дочери вашей не знаю, и васъ вижу впервые. Самъ я — человекъ молодой, едва старше вашей дочери. Могу ли я давать вамъ, почтенному человеку, совѣтъ въ такомъ семейномъ дѣлѣ?

Павелъ Ивановичъ надѣлъ очки, посмотрѣлъ поверхъ стеколь и серьезно заявилъ:

— Возрастъ вашъ значенія не имѣетъ, а очень важно образованіе. Самъ я учился на мѣдныя деньги, во многомъ не разберусь, особенно въ литературѣ. Вы же изволите состоять при судебной палатѣ московскаго округа, а также нашимъ общественнымъ юрисконсультъ. При томъ прошли рядъ разныхъ высшихъ наукъ, и вамъ знать лучше. Какъ скажете, такъ и поступлю; либо выдамъ ее, либо пускай еще посидитъ въ дѣвушкахъ, хотя замужъ ей пора, такъ какъ дѣвица вполне зрѣлая и способная къ брачной жизни. Я же вамъ, господинъ юрисконсультъ, представлю всѣ необходимые документы.

При этихъ словахъ, Павелъ Ивановичъ всталъ и— къ большому моему смущенію — низко, почти въ поясъ, мнѣ поклонился.

— Покорнѣйше и убѣдительноѣйше прошу въ авторитетномъ вашемъ указаніи не отказать.

Я уже хотѣлъ было согласиться (хорошо, молъ, пусть выходитъ!), когда Павелъ Ивановичъ, развернувъ газету и взявъ изъ большой пачки писемъ верхнее, началъ медленно и съ выраженіемъ читать:

«Дражайшая Анна Павловна, въ прошедшій понедельникъ изволили вы разрѣшить мнѣ письменно вамъ о себѣ напомнить. И дѣйствительно, данный день является незабвеннымъ въ моей памяти, послѣ чего цѣльную недѣлю обдумывалъ о предстоящей встрѣчѣ, каковая состояться не могла...»

— Простите, Павелъ Ивановичъ, что вы это читаете?

— Письмо отъ жениха къ дочери моей Аннѣ Павловнѣ. Самое первое, при началѣ ихняго знакомства въ позапрошломъ году, отъ 7-го сентября.

— А... какое это имѣеть значеніе, письмо его?

Павелъ Ивановичъ снялъ очки, протеръ очень чистымъ платкомъ, опять надѣлъ и сказалъ:

— Значеніе чрезвычайно важное, какъ бы документъ. Познакомились они тому назадъ два года и три мѣсяца, и сразу произвели впечатлѣніе. И тогда же вскорѣ, съ отцовскаго моего разрѣшенія, началъ онъ писать ей письма. Дочь моя живетъ при мнѣ и изъ дому выходитъ рѣдко, занимаясь хозяйствомъ. Письма же его я всѣ сохраняю, по прочтеніи ихъ мнѣ дочерью вслухъ. Я своей дочери не стѣсняю, но всякая переписка идетъ черезъ меня. Отвѣтныхъ копій, дѣйствительно, я не сохранялъ, его же письма имѣю подъ номерами. Не хочу затруднять васъ рассказомъ, письма же всѣ прочту вамъ

въ полномъ порядкѣ постепенности, чтобы составили заключеніе прямо по личнымъ документамъ о возможности брака.

— Ихъ много, писемъ?

— Сто четыре номера, включая полученное въ минувшее воскресенье, на которое отвѣтъ еще не посланъ.

— А вы, Павелъ Ивановичъ, своими словами не расскажете? Покороче...

— Зачѣмъ же рассказывать, зря васъ беспокоить, когда всѣ письма налицо въ подлинномъ оригиналѣ. Ни единой строчки отъ васъ не скрою, какъ въ чисто семейномъ дѣлѣ.

— Да что же въ письмахъ этихъ? Какія нибудь обѣщанія съ его стороны? Или исторія какая нибудь сложная?

— Обѣщаній никакихъ, и исторіи тоже нѣтъ никакой. Письма не то, чтобы любовныя, а обыкновенно — какъ пишетъ заинтересованный человекъ къ молодой дѣвушкѣ. Иные и со стихами, но не личной выдѣлки, а извѣстныхъ поэтовъ, Некрасова, Апухтина, Надсонова и другихъ съ указаніемъ фамиліи. Обѣщаній же никакихъ быть не могло, такъ какъ дѣло не рѣшенное. Именно поэтому я и обращаюсь къ вамъ, какъ человеку ученому, вродѣ какъ для экспертизы. Позвольте первое дочитать, а за симъ приступимъ ко второму:

«каковая состояться не могла, однако, успокаиваю себя надеждой, что батюшка вашъ Павелъ Ивановичъ разрѣшать вамъ побывать у Олимпіады Симеоновны въ предстоящій вторникъ, гдѣ и надѣюсь видѣть васъ лично...»

— Кто это — Олимпіада Симеоновна?

— Олимпіада Симеоновна это, точно говоря, дочери моей по покойной ея матери двоюродная тетка. Мужъ ея торгуетъ въ рядахъ бакалеей. >

— Ага! Ну что же, Павелъ Ивановичъ, все это люди солидные, положиться можно. Я бы вамъ посовѣтовалъ...

— Безспорно, люди солидные. И какъ изъ слѣдующаго письма сами изволите усмотрѣть, въ домѣ своемъ принимаютъ только людей рекомендованныхъ по строгой провѣркѣ, въ томъ числѣ и господина Герасимова.

— А это кто?

— А это и есть женихъ. Если, конечно, въ случаѣ благопріятнаго совѣта вашего, я дамъ благословеніе на бракъ.

— Я, Павелъ Ивановичъ, ничего противъ не имѣю... По моему...

— Покорнѣйше благодарю за довѣріе, но ужъ позвольте вамъ всѣ письма зачитать. Исторіи въ нихъ никакой, однако, важно знать въ разсужденіи искренности. Если человѣкъ искренній и откровенный — я дочь готовъ отдать, и даже сопровождаю небольшимъ, по мѣрѣ силъ моихъ приданнымъ. Въ противномъ же случаѣ по дожду. Однимъ словомъ — какъ скажете.

«... надѣюсь видѣть васъ лично. По этому поводу предуготовилъ для васъ нравящееся стихотвореніе...»

— Онъ не конторщикъ, женихъ вашъ?

Павелъ Ивановичъ снялъ очки, и вдругъ солидное лицо его пріятно улыбнулось:

— Именно — конторщикъ при торговомъ предпріятіи вдовы Потапова и сыновья. Вотъ я и говорю: что значить высшее образованіе!

— А онъ съ высшимъ образованіемъ?

— Что вы, помилуйте, онъ съ обыкновеннымъ, трехклассное училище. А это я про васъ, — что сразу, не зная человѣка, по первому письму изволили указать точно должность. Вотъ оттого я и рѣшилъ зачитать вамъ всѣ

письма для полного опредѣленія челоуѣка. И именно пишутъ онъ дальше слѣдующее...

Дальше было очень тягостно. Павелъ Ивановичъ, болѣе не отвлекаясь, читалъ медленно, съ выраженіемъ, письмо за письмомъ. Слѣдить я не могъ, потому что очень боялся заснуть. Иногда тараща глаза и стараясь не прикасаться спиной къ спинкѣ кресла, я видѣлъ сквозь туманъ, что пачка писемъ прочитанныхъ растеть, пачка не прочитанныхъ не уменьшается. Наконецъ, взглянувъ на часы, увидаль, что пріемное мое время окончилось какъ разъ на строкахъ стихотворенія:

Я умираю съ каждымъ днемъ,
Хоть не виню тебя ни въ чемъ,
Пусть смерти предо мной эмблемы...

На словѣ «эмблемы» Павелъ Ивановичъ запнулся, а я быстро сказалъ:

— Какъ мнѣ ни грустно, Павелъ Ивановичъ, прерывать васъ, но мое пріемное время окончилось, а я боюсь, что кто-нибудь меня еще ждетъ для совѣта...

Павелъ Ивановичъ спокойно сложилъ письма въ общую пачку и сказалъ:

— Понимаю, затруднять не хочу. Я и не рассчитывалъ за одинъ разъ кончить. Прочиталъ я вамъ четырнадцать писемъ, остальные можно отложить до будущихъ разовъ. Дѣло мое не спѣшное, ждала дѣвушка два года, подождетъ и лишній мѣсяць. Такъ вамъ даже удобнѣе будетъ на досугѣ обдумать прочитанное. Покорнѣйше васъ благодарю, и ужъ разрѣшите зайти въ слѣдующій разъ, когда объявленъ пріемъ.

Тутъ меня осѣнила мысль:

— Вотъ что, Павелъ Ивановичъ. Дѣло это сложное, и будетъ лучше, если ознакомлюсь съ документами вашими дома, внимательно, аккуратноенько. Надѣюсь, что вы мнѣ ихъ доверите.

Павелъ Ивановичъ подумалъ и, на радость мою, согласился, предупредивъ, что почеркъ у жениха не очень разборчивый.

Когда я провожалъ его и выглянулъ въ дверь пріемной, я увидѣлъ, что тамъ ждутъ двое, женщина и мужчина. Но, къ удивленію моему, оба они поднялись и ушли вслѣдъ за Павломъ Ивановичемъ.

Пришелъ онъ ко мнѣ черезъ три дня, снова солидно и прочно усѣлся въ кресло и вынулъ изъ кармана письмо въ конвертѣ. Со своей стороны я извлекъ изъ портфеля его «документы», которыхъ, грѣшнымъ дѣломъ, прочесть не смогъ, — однако, перелисталъ. Всѣ письма были похожи одно на другое, одинаково начинались, одинаково кончались и рѣдкій разъ не содержали переписанный стишокъ. Говорилось въ нихъ о чувствахъ, но въ выраженіяхъ не страстныхъ, а самыхъ деликатныхъ. Выражалась и надежда на соединеніе брачными узами, буде на то согласится родитель.

Свое заключеніе я началъ издалека:

— Павелъ Ивановичъ, хотите ли вы счастья дочери?

— Объ иномъ и не думаю. Не хотѣлъ бы — и затруднять бы васъ не сталъ.

— Павелъ Ивановичъ, любить ли ваша дочь господина Герасимова?

— Любить ей его рано, и о любви разговоры не было. Однако, явно интересуется, и за два года переписки нашей къ нему привыкла. И стихотворенія ей очень нравятся. А ужъ въ настоящему полюбитъ, когда выйдетъ замужъ; раньше же это ни къ чему.

Тогда я всталъ и сказалъ торжественно:

— Павелъ Ивановичъ, позвольте вамъ заявить слѣдующее. По тщательномъ разсмотрѣніи представленныхъ вами документовъ, могу удостовѣрить, что господинъ Герасимовъ представляется человѣкомъ искрен-

нимъ и самыхъ серьезныхъ намѣреній. Полагаю также, что два года испытанія достаточны, чтобы вы могли позволить молодымъ людямъ не только переписываться, но и встрѣчаться.

Павелъ Ивановичъ прервалъ мою рѣчь:

— Какъ же, какъ же, помилуйте. Они давно уже встрѣчаются, и самъ онъ, господинъ Герасимовъ, допущень бывать у меня на дому лично. Уже больше году ходитъ каждое воскресенье.

— Тогда зачѣмъ же онъ письма пишетъ?

— Онъ человекъ молчаливый, а въ письмахъ выражаетъ лучше. Такъ ужъ у нихъ завелось, такъ и идетъ. Иныя письма его мы и вслухъ при немъ читаемъ, особенно, если въ нихъ стихотворенія.

— Тогда, Павелъ Ивановичъ, сомнѣнья больше нѣтъ: выдавайте дочь замужъ, да поскорѣ!

Павелъ Ивановичъ просіялъ, однако, замѣтилъ:

— Покорнѣйше васъ благодарю, однако, долженъ сказать, что имѣю еще одно письмо, полученное позавчера по почтѣ, которое и попрошу васъ либо заслушать, либо ужъ сами прочтите, чтобы никакихъ сомнѣній не было.

— А что въ немъ?

— Все по прежнему, и о чувствѣ своемъ и прибавленъ красивый стишокъ. Письмо за номеромъ сто пятымъ отъ ноября 20-го дня.

Письмо мы прочитали вмѣстѣ. Никакихъ сомнѣній въ искренности господина Герасимова оно не возбуждало.

— Это всѣ письма, Павелъ Ивановичъ? Другихъ не имѣете?

— Такъ точно, всѣ до настоящаго дня и съ перваго дня знакомства.

— Тогда, Павелъ Ивановичъ, позвольте поздравить

вась: дѣло ваше благополучно кончено, можете играть свадьбу.

Павелъ Ивановичъ былъ по настоящему признателенъ мнѣ за выполненный трудъ и за совѣтъ. Какъ и въ тотъ разъ, онъ всталъ и низко поклонился. Боясь новыхъ документовъ, я взялъ его руку и, пожимая, настоятельно вель его къ двери.

Но едва я его выпроводилъ, какъ дверь снова отворилась, и Павелъ Ивановичъ вошелъ, ведя за собою породную дѣвицу и гладко причесаннаго среднихъ лѣтъ гражданина.

— Вотъ, Аннушка, и вы, господинъ Герасимовъ, поблагодарите господина юрисконсульта за рѣшеніе. Они потрудились, рассмотрѣли документы и все признали правильнымъ. Можно будетъ теперича и къ вѣнцу. Я отъ слова своего не отступлюсь.

Какъ сами понимаете, было это очень трогательно, особенно же интересна была моя роль творца счастья будущей четы Герасимовыхъ. Невѣста была мнѣ почти ровесница, женихъ лѣтъ на десять старше, отецъ — лѣтъ на тридцать. Но за то я былъ съ высшимъ образованіемъ и состоялъ при московской судебной палатѣ, — это не шутка!

Былъ я и на свадьбѣ, конечно — почетнымъ гостемъ. Рассказывать о свадьбѣ не берусь, такъ какъ поили меня тамъ «медвѣдемъ» (десять рюмокъ подрядъ съ разнымъ содержимымъ), медвѣдь же, при частомъ повтореніи, очень плохо дѣйствуетъ на память.

И кажется мнѣ почему то, что вель я себя на свадьбѣ не какъ юрисконсультъ, а какъ обыкновенный человекъ, и даже безъ высшаго образоваія. Но это къ дѣлу не относится. \

АПЕЛЛЯЦІОННАЯ ЖАЛОБА

Отзывчивый читатель — а на иного я и не рассчитываю — легко войдетъ въ мое положеніе, — положеніе человѣка, напрасно обиженнаго.

Вотъ уже болѣе мѣсяца я обиваю пороги дружественныхъ мнѣ редакцій съ просьбой отмѣтить, что на дняхъ исполнился (или скоро исполняется, я точно не помню) двадцатипятилѣтній юбилей моей адвокатской дѣятельности. Съ этой же просьбой я обращался въ парижское объединеніе русскихъ-адвокатовъ, членомъ котораго состою и отъ котораго получаю повѣстки, съ надписью на конвертѣ: «Метру такому-то». Я обращался къ нему, конечно, не прямо, не въ правленіе, такъ какъ это было бы неудобно, а намекалъ, очень ясно, вліятельнымъ коллегамъ по профессіи.

Я встрѣчаю улыбки, легкое недоумѣніе и вѣжливый отказъ. Газеты гарантируютъ мнѣ подобающее чествованіе юбилея литературнаго — но не хотятъ считаться со столь, казалось бы, естественнымъ самолюбіемъ и нѣкоторымъ честолюбіемъ адвоката - профессионала. Зачѣмъ мнѣ, спрашивается, юбилей литературный? Чтобы стать маститымъ и удалиться на покой? Что бы какая

нибудь французская газета, гдѣ пишетъ мой пріятель, переврала мою фамилію и по ошибкѣ помѣстила, вмѣсто моего, портретъ сломавшаго голову авіатора? Чтобы одинъ изъ тѣхъ, кого я похвалилъ въ печати, похвалилъ въ свою очередь меня? Нѣтъ, на эту удочку меня не поймать! И, наконецъ, многолѣтнее писательство я считаю чистой случайностью, тогда какъ адвокатская карьера моя явилась результатомъ призванія. Если же, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, мнѣ за послѣдніе двадцать три года не пришлось заниматься практикой, то, во-первыхъ, я въ этомъ не виноватъ, во вторыхъ, я продолжаю съ честью носить званіе помощника присяжнаго повѣреннаго округа московской судебной палаты, присяжнаго стряпчаго при коммерческомъ судѣ и опекуна при судѣ сиротскомъ, хотя нѣтъ давно ни палаты, ни этихъ судовъ. Въ третьихъ, наконецъ, двухгодичная моя дѣйствительная практика была хоть и бездоходной, но яркой и блестящей. Достаточно сказать, что у одного моего лысаго подзащитнаго, дѣло котораго я выигралъ, начали расти волосы; я бы хотѣлъ знать, многимъ ли русскимъ прославленнымъ адвокатамъ удалось достигнуть подобнаго юридическаго результата?

Прошу прощенія за это предисловіе. Но когда чловѣку отказываютъ въ публичномъ признаніи его заслугъ; — ему ничего не остается, какъ самому себя чествовать. Именно эту цѣль и имѣютъ нижеслѣдующія воспоминанія.

Моя первая политическая защита

Окончивъ университетъ и записавшись въ сословіе, я сшилъ себѣ въ кредитъ фракъ и купилъ портфель, въ который положилъ, для вѣса и важности, десятый томъ,

Уставъ* уголовного судопроизводства и Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Такимъ образомъ, рано пришлось мнѣ узнать, что адвокатскій портфель — не легкая штука.

Какъ всякаго начинающаго адвоката, гражданскія дѣла меня интересовали мало. Судьба улыбнулась мнѣ и послала для перваго выступленія дѣло чуть-чуть не политическое.

Студентъ Иванъ Лиханшинъ, медикъ и большой пьяница, былъ моимъ близкимъ товарищемъ и землякомъ. Въ маломъ хмелю онъ былъ оживленъ и интересенъ, въ большомъ мраченъ и буенъ. Въ среднемъ же хмелю онъ былъ предприимчивъ и любилъ разговаривать съ городовыми. Однажды, когда постовой городской оказался неразговорчивымъ, онъ снялъ съ него фуражку и вытеръ ему этой фуражкой носъ. Для сужденія о подобныхъ дѣяніяхъ существуетъ статья, номера которой сейчасъ не упомяну, карающая штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ.

Къ участковому мировому судѣ я явился во фракъ; хотя это и не полагалось, но такъ легче имѣть видъ крупнаго адвоката, лишь случайно забѣжавшаго къ мировому судѣ, тогда какъ большинство дѣлъ у него сегодня въ окружномъ. Не скрою, что я сильно волновался: первая защита, да еще пріятеля.

Мировой судья явно не оцѣнилъ важности дѣла и, выслушавъ показанія городского и мои робкія объясненія (кліентъ на судъ не явился), приговорилъ пріятеля моего къ недѣльному аресту.

Право, это не такъ ужъ было плохо. Но кліентъ мой заявилъ мнѣ, что онъ сидѣть не желаетъ и не будетъ, что лучше онъ наложитъ на себя руки или убьетъ городского, а въ заключеніе напился и стянулъ у меня за обѣдомъ со стола скатерть со всей посудой. Удалось его

угомонить, дѣло же я обжаловаль въ Сѣздъ мировыхъ судей.

Тутъ ужъ фракъ понадобился по полному праву. Предстояла мнѣ первая защита, при которой нужно произносить рѣчь. И я произнесъ.

Да, я произнесъ ее, мою первую судебную рѣчь! Зачѣмъ вамъ знать, хорошо ли я спалъ въ ночь, предшествовавшую процессу, и сколько разъ вскакиваль съ постели, чтобы записать пришедшую въ голову блестящую фразу, долженствовавшую убѣдить судей въ правотѣ моего подзащитнаго? Всей предстоящей рѣчи я не записаль, такъ какъ зналь, что ни Демосфень, ни Кони этого не дѣлали, что нужно лишь досконально изучить дѣло, а краснорѣчіе придетъ само.

Предсѣдательствовавшій назвалъ мое дѣло. Я и городской поднялись со своихъ мѣстъ. Судьи, услыжавъ номеръ статьи, достаточно имъ надоѣвшей, зѣвнули и принялись чертить на бумагѣ профили съ кудрявой шевелюрой. Фракъ сидѣль на мнѣ отлично.

Дѣло казалось простымъ и приговоръ яснымъ; для всѣхъ — но не для меня! И вотъ я началъ свою рѣчь.

Я началъ ее съ простого признанія факта. Да, студентъ Лихоношинъ сдѣлаль то, что онъ сдѣлаль. Но виновать ли онъ?

Я приготовилъ начало рѣчи, но забыль заготовить эффектный конецъ. Если вамъ приходилось скатываться на конькахъ съ ледяной горы, то вы поймете, что со мной случилось. Я говорилъ, я чувствовалъ, что говорю безпросвѣтный вздоръ, — но остановиться я не могъ. Я чувствовалъ, что судьи проснулись и спускаютъ меня съ напряженнымъ вниманіемъ. Я видѣль ихъ изумленные лица и слышалъ за спиной шушуканье публики. Я говорилъ о скудости въ Россіи народнаго просвѣщенія, о высокой миссіи студенчества, о тяжеломъ матеріаль-

номъ его положеніи, вынуждающемъ его на крайніе поступки, о горящемъ въ душѣ молодежи протестѣ, о демонстраціяхъ, о манежѣ, о высылкахъ въ Сибирь и еще Богъ знаетъ о чемъ, — говорилъ, потому что я не могъ, не зналъ, какъ остановиться и чѣмъ мнѣ рѣчь мою закончить. Я погибалъ — и старался не смотрѣть на судей. Я давно уже не понималъ самого себя и не узнавалъ своего голоса. И я никогда бы не кончилъ рѣчи, если бы предсѣдатель не остановилъ меня ласковымъ, но твердымъ голосомъ:

— Господинъ защитникъ, о чемъ вы говорите? Высылки студентовъ совершенно къ дѣлу не относятся. Что вы можете сказать по существу дѣла?

По существу дѣла... по существу... По существу я могъ только прибавить, что считаю своего подзащитнаго не только не виновнымъ въ оскорбленіи городского при исполненіи служебныхъ обязанностей, но и благороднѣйшимъ человѣкомъ, заслуживающимъ общаго уваженія и благодарнаго признанія современниковъ.

Взглянувъ искоса на судей, я увидалъ, что предсѣдатель съѣзда надрывается отъ смѣха. Чувствовалось веселье и въ публикѣ.

И когда судъ удалился для совѣщанія, я вылетѣлъ изъ залы въ корридоръ и рѣшилъ, что я — самый несчастный молодой человѣкъ, карьера моя загублена, а бѣдный Лихоношинъ черезъ меня погибъ окончательно.

Когда судъ вернулся, я прошелъ на свое мѣсто, не глядя по сторонамъ и полный рѣшимости встрѣтить любой приговоръ. Теперь уже все равно.

Почесавъ носъ и передернувъ плечами, предсѣдатель прочелъ приговоръ. Постановленіе мирового судьи отмѣнялось, и мой клиентъ приговаривался къ одному рублю штрафа. Иначе говоря — оправданіе. Слѣдующее

дѣло Петровой о нанесеніи побоевъ Евдокимовой. Меня это дѣло ни въ какой мѣрѣ не касалось. И все таки я продолжалъ стоять пораженный и растроганный.

Когда Петрова и Евдокимова вышли впередъ, я медленно повернулся и направился къ выходу. Я былъ, конечно, героемъ. Но я уже успѣлъ понять, по лицамъ судей, что Лихоношинъ оправданъ исключительно изъ состраданія ко мнѣ. Въ глазахъ старыхъ судей я прочелъ выраженіе ласковаго великодушія и легкой насмѣшки. Можетъ быть, они вспомнили свою молодость, можетъ быть и они въ свое время утирали фуражкой носъ городовымъ при исполненіи обязанностей. Но, главное, имъ было жаль молодого защитника, произнесшаго свою первую рѣчь.

Мой кліентъ ждалъ меня дома. Услыхавъ о приговорѣ, онъ мрачно заявилъ:

— И рубля платить не желаю. Пускай убираются къ черту!

Ну, тутъ ужъ у насъ съ нимъ произошелъ разговоръ особый, читателямъ не интересный. Онъ былъ шире меня въ плечахъ, но мускулами слабѣе, такъ какъ я ежедневно занимался шведской гимнастикой.

Начало славы: дѣло съ пѣніемъ

Она была хористкой оперы Зимина; какъ всѣ хористы, имѣла рабочую книжку и была связана неустойкой въ сто рублей. Когда появился въ Москвѣ, другой частный оперный театръ, платившій хористамъ больше и обращавшійся съ ними лучше, она перешла туда, а за нею и еще нѣсколько хористовъ. Въ результатѣ искъ театра Зимина о ста рубляхъ неустойки.

Когда она рассказала мнѣ о своей бѣдѣ (сто рублей

для хористки — цѣлое состояніе), я сначала посовѣтовалъ ей смириться и заплатить, чтобы избѣжать судебныхъ издержекъ. Но она плакала, и мнѣ было очень ее жаль. Плача, она рассказала мнѣ, что у нея сопрано, а ее заставляютъ пѣть медзо-сопрано (кстати, нельзя говорить «меццо-сопрано», какъ нельзя произносить «пиччикато», вмѣсто пиццикато, какъ нельзя въ словѣ «гондола» ставить ударенія на второмъ слогѣ, что простиительно только поэтамъ).

— А вы можете это доказать?

— Конечно, могу; всѣ знаютъ. Я сколько жаловалась.

Я былъ молодъ и неопытенъ, но не настолько, чтобы не понять, что не только блеснулъ лучъ надежды въ дѣлѣ, но и само оно обѣщаетъ стать интереснымъ и необычнымъ.

Въ назначенный для слушанія день дѣло было, по моей просьбѣ, отложено для вызова эксперта. Судья тоже былъ молодъ и тоже понялъ, что обычная скука рядовыхъ дѣлъ будетъ разсѣяна музыкой въ камерѣ. При томъ судья оказался самъ пѣвцомъ и иногда выступалъ въ Москвѣ на любительскихъ концертахъ.

Пѣвцомъ былъ судья, пѣвцами свидѣтели, музыкантомъ повѣренный оперы Зими́на. Экспертомъ же былъ вызванъ артистъ императорскаго Большого театра Барцаль. Въ газетной хроникѣ появилась замѣточка о предстоящемъ «дѣлѣ съ пѣніемъ». Публика состояла, разумѣется, изъ хористовъ оперы и любителей пѣнія.

Я же, создатель процесса, хоть и не былъ пѣвцомъ, зато чувствовалъ себя героемъ: начало славы!

Жаль, что не было въ камерѣ рояля. Но и безъ инструмента концертъ состоялся. Судья откинулся въ креслѣ и слушалъ.

Барцаль заставилъ мою кліентку пропѣть партію медзо-сопрано; можетъ быть она немножко схитрила, но слышно было, что низкія ноты ей не по голосу. Когда же онъ далъ ей партію высокую, то она разлилась такимъ соловьемъ, что судья съ удовольствіемъ разгладилъ усы, публика за окнами камеры (дѣло было лѣтомъ) зааплодировала, мой противникъ нахмурился, а адвокатское мое сердце подпрыгнуло выше самой высокой ноты.

Когда она окончила, Барцаль отмахнулся отъ вопроса судьи, бросился къ моей кліенткѣ, обнялъ ее съ нѣжностью стараго актера и быстро заговорилъ:

— Голубушка вы моя, да вѣдь у васъ чудесный голосъ! Діапазонище какой! Да, какого же черта вы болтаетесь въ частной оперѣ, почему не идете къ намъ, въ императорскую? Да я васъ немедленно устрою, плюньте вы на неустойки!

— Позвольте, господинъ экспертъ, будьте добры сказать ваше заключеніе о голосѣ отвѣтчицы.

— Какое же тутъ заключеніе можетъ быть? Чудеснѣйшее сопрано, сами слышите. Нужно съ ума сойти, чтобы портить такой голосъ, заставлятъ ее пѣть низкія партіи. Это безобразіе, за это подѣ судъ нужно! А вы, голубушка, плюньте вы на ихъ неустойки, мало ли чего ни выдумаютъ...

Смѣялась публика, смѣялся судья, даже повѣренный противной стороны вѣжливо и иронически улыбался. Не смѣялся только я. Я былъ небреженъ, важенъ, привѣтливъ съ простыми смертными и полонъ сознанія своего величія. Вернувшись домой на извозчикѣ (хотя жилъ я рядомъ), я бросилъ портфель на столъ и сказалъ:

— Конечно, выигралъ! Но утомляютъ эти маленькія и хлопотливыя дѣла...

Апогей славы: выше Плеваки!

Я жилъ на Сухаревской Садовой въ домѣ Шекина. Во дворѣ у насъ надъ пристройкой работала артель каменщиковъ. На улицѣ у палисадника была прибита моя дощечка: «Помощникъ Присяжнаго Повѣреннаго».

Я очень аккуратно платилъ хозяину дома за квартиру. Хозяинъ дома не очень аккуратно платилъ подрядчику, дѣлавшему пристройку. Подрядчикъ совсѣмъ не заплатилъ рабочимъ въ первый же срокъ. Рабочіе, увидавъ мою дощечку, пришли ко мнѣ жаловаться на подрядчика.

Взыскать по расчетнымъ рабочимъ книжкамъ и получить исполнительные листы — дѣло простое. Но у каждого хорошаго подрядчика имущество переведено на имя жены — и описывать нечего. Пришлось объяснить бѣднымъ каменщикамъ, что если судъ присудить — это еще не означаетъ, что деньги въ карманѣ.

На совѣщаніи нашемъ, староста артели покачалъ головой:

— Можетъ и заплатить онъ намъ, да когда? — а ѣсть нужно. Хоть бы часть пока далъ. Сто бы рублей на всѣхъ далъ, — мы пока пробьемся.

Я вспомнилъ, что на другой день долженъ платить за квартиру хозяину, рублей семьдесятъ пять. И вотъ я догадался позвать къ себѣ хозяина дома, хитраго мужичка, а также подрядчика артели. Заранѣе же заготовилъ расписку въ полученіи хозяиномъ денегъ съ меня за два мѣсяца впередъ, цѣлыхъ 150 рублей, другую — въ полученіи подрядчикомъ отъ домовладѣльца такихъ же 150 рублей и третью — въ полученіи рабочими той же суммы отъ подрядчика.

Хозяинъ поломался, но согласился; подрядчикъ почесалъ затылокъ — и тоже подписалъ расписку. Рабо-

чимъ же я вручилъ наличными деньгами сто пятьдесятъ рублей, обѣщавъ и въ будущемъ мѣсяцѣ, если не заплатить подрядчикъ, дать еще немножко.

Рабочіе, владимірскіе мужички, очень меня поблагодарили, а я самъ съ собой размышлялъ на тему о томъ, что въ Россіи, въ противоположность гнилому Западу, адвокатура есть общественное служеніе. И вообще былъ гордъ.

Мѣсяца два спустя является ко мнѣ затрапезный мужичекъ съ котомкой за плечами, рассказываетъ свое нехитрое дѣло и проситъ быть его повѣреннымъ.

— Приѣхалъ я, баринъ, къ вамъ изъ города Володимира.

— Что-жъ, развѣ у васъ тамъ своихъ адвокатовъ мало?

— Что же наши, батюшка, супротивъ васъ могутъ! А я намучился, рѣшилъ разомъ съ дѣломъ покончить. Хотѣлъ сначала къ Плевакѣ идти, слыхалъ про него. Да встрѣтились мнѣ наши володимерскіе мужички, каменищники, и отсовѣтовали. Говорятъ: «Ужъ если хочешь къ настоящему аблакату, такъ поѣзжай въ Москву въ домъ Щекина, на Садовой улицѣ. Этотъ тебѣ, братъ, будетъ почище всякаго Плеваки, всякое дѣло сразу рѣшить — и деньги на столъ выложить. Этотъ ужъ не выдастъ! Самы знаемъ, судились у него — потому и говоримъ».

«Почище всякаго Плеваки!» Слышите, Федоръ Никифоровичъ?

Это былъ — апогей моей славы.

Какъ у лысаго выросли волосы

Послѣ такихъ, сравнительно, нормальныхъ адвокатскихъ достижений, мнѣ оставалось лишь стать чудотворцемъ, что я и выполнилъ.

Маленькій человекъ, съ лысымъ, какъ колѣно балерины, черепомъ, понуро сидѣлъ въ креслѣ въ моемъ кабинетѣ.

Прочитавъ текстъ повѣстки, вызывавшей его въ мировой судъ, я спросилъ:

— Дѣло о растратѣ? Что же и какъ вы растратили?

— Ничего я не растратилъ. Былъ описанъ за долгъ, имущество мое описали; мнѣ же сдали на храненіе. Послѣ расплатился съ кредиторомъ въ чистую, а листъ исполнительный у него остался, забыли мы про него. Потомъ онъ умеръ, а наслѣдники съ меня взыскиваютъ по листу. Пришелъ приставъ, спросилъ, гдѣ имущество, описанное за долгъ. А у меня давно никакого имущества нѣтъ. Значитъ, говорить, растрата ввѣреннаго имущества, уголовное дѣло.

— Такъ. Дѣло ваше плохое.

— Знаю самъ, что плохое. Я, батюшка мой, за этотъ мѣсяцъ такъ надергался, что всѣ волосы потерялъ. Вотъ извольте посмотрѣть — голая голова. Не очень было много и раньше, а теперь ничего не осталось.

— А когда все это произошло? Когда у васъ приставъ былъ?

— Два года назадъ, а то и больше.

— Какъ два года? И васъ только сейчасъ потянули въ судъ?

Каждый юристъ пойметъ, почему съ такимъ независимымъ и веселымъ видомъ я входилъ въ камеру мирового судьи. Мой унылый кліентъ ждалъ меня тамъ съ видомъ уже приговореннаго. И, правда, грозилъ ему годъ и четыре мѣсяца тюрьмы. Но радовать его преждевременно я не рисковалъ.

Судья насъ вызвалъ. Прежде, чѣмъ онъ задалъ вопросъ, я заявилъ голосомъ изысканно - вѣжливымъ и смиреннымъ:

— Господинъ судья, дѣло это должно быть прекращено по вашей инициативѣ.

— То есть, какъ это? Почему?

Тогда, уже болѣе язвительно, я сказалъ:

— Потому что истекла процессуальная давность: больше двухъ лѣтъ, точнѣе — два года и четырнадцать дней со дня предполагаемой растраты. Оно, собственно, не могло быть возбуждено.

Судья густо покраснѣлъ, сказалъ «ваше заявленіе будетъ разсмотрѣно», пошелъ совѣщаться съ самимъ собой и, наконецъ, вышелъ и объявилъ:

— По указу и пр. дѣло считать прекращеннымъ.

Мѣсяцемъ позже зашелъ ко мнѣ мой клиентъ веселымъ и помолодѣвшимъ.

— Не тюрьмы было страшно, знаете ли, а волосъ было жалко. И вотъ, представьте себѣ, а лучше всего — извольте сами взглянуть: пушокъ-съ...

— Гдѣ пушокъ? Какой пушокъ?

— На головѣ пушокъ. Волосы начали расти. Докторъ говоритъ: прошло нервное потрясеніе — вотъ и волосы появились. И, по совѣсти скажу, — вы мнѣ волосы вырастили, вамъ обязанъ по гробъ!

Маклаковъ, Тесленко, Переверзевъ, Грузенбергъ, Сліозбергъ, — было ли въ вашей практикѣ что-нибудь подобное?

Резюме апелляціонной жалобы

Я могъ бы рассказать еще о нѣсколькихъ блестящихъ достиженіяхъ въ моей адвокатской практикѣ, на примѣръ, о томъ, какъ я искренне защищалъ человѣка, обвинявшагося въ воровствѣ пальто, убѣжденный въ его невинности, и какъ онъ, послѣ оправданія, поднесъ

мнѣ въ видѣ гонорара двѣ серебряныя ложки съ клеймомъ отеля; какъ я старался горячимъ призывомъ къ человѣколюбію убить формализмъ судей суда коммерческаго (при чемъ блестяще провалился), какъ, въ качествѣ опекуна, мирилъ семью старообрядцевъ - наслѣдниковъ, подѣлившихъ шесть домовъ, но не смогшихъ подѣлить свиньи и кучи стараго желѣза, какъ справкой изъ кассационныхъ рѣшеній сразилъ ходатая отъ Иверской. Но что толку все это рассказывать, когда парижскіе представители адвокатуры и редакторы газетъ упорно отказываютъ мнѣ въ юбилейномъ чествованіи!

Послѣднее дѣло, провести которое мнѣ уже не удалось, было мнѣ поручено московскимъ сиротскимъ судомъ. Въ это время я сидѣлъ въ тюрьмѣ по собственному дѣлу, грозившему мнѣ смертной казнью (1905 годъ). Неожиданно, въ камеру мнѣ прислали изъ конторы тюрьмы бумагу, гласившую:

«По указу его императорскаго величества назначаетесь вы опекуномъ надъ малолѣтними такими то, имущество которыхъ имѣете принять» и пр.

Его величество не могъ знать, что мнѣ крайне хлопотно заниматься опекой надъ малолѣтними въ такомъ неудобномъ помѣщеніи, бумага же дошла до меня по инерціи. Я съ особымъ удовольствіемъ написалъ на ней, что, будучи очень занятъ личными дѣлами, отъ опеки вынужденъ отказаться, въ чемъ прошу его величество меня извинить.

Думаю, что перечисленныхъ дѣлъ моихъ, проведенныхъ, правда, не въ Палатѣ и Сенатѣ, а лишь въ милыхъ бывшихъ нашихъ (очаровательныхъ, изумительно, дѣйствительно прекрасныхъ!) мировыхъ судахъ, достаточно, чтобы признать мои адвокатскія заслуги и, хотя бы, заднимъ числомъ, произвести меня изъ помощниковъ въ присяжные повѣренные... Я ужъ въ такомъ возрастѣ, что

какъ то неудобно числиться помощникомъ. Что касается двадцатипятилѣтняго моего юбилея, то мнѣ остается только настоящей моей жалобой апеллировать къ общественному мнѣнію, въ которое я еще не утратилъ вѣры.

ЧЕЛОВѢКЪ, ПОХОЖІЙ НА ПУШКИНА

Если живали въ Москвѣ, то можетъ быть встрѣчали на Тверскомъ бульварѣ фигуру въ черномъ плащѣ, высококомъ и ширококомъ воротникѣ, пышномъ галстукѣ, а шляпа почти всегда въ рукахъ. Смуглое лицо, бакены, кудрявая голова, задумчивость, — такое сходство съ Пушкинымъ, вѣрнѣе — со статуей на памятникѣ Пушкина, что даже какъ то неловко. Появлялся со стороны Никитскихъ воротъ, держа въ одной рукѣ шляпу и книгу, а въ другой толстую палку, медленно проходилъ весь бульваръ и садился противъ памятника.

Этого человѣка звали Александромъ, но не Сергѣевичемъ, а Терентьевичемъ, а фамилія его была Телятинъ. Служилъ по акцизному вѣдомству маленькимъ чиновникомъ. Жилъ въ Мерзляковскомъ переулкѣ, въ двухэтажномъ домѣ, въ собственной квартирѣ. Былъ женатъ и бездѣтенъ.

Утромъ онъ вставалъ, пилъ съ женой чай и шелъ на службу. Служба была въ томъ, что цѣлый день онъ заполнялъ пустыя мѣста на цвѣтныхъ бланкахъ. У него былъ преотличный почеркъ, а машинка въ тѣ времена была еще не въ большомъ ходу, такъ что почеркъ цѣ-

нился. Бланки онъ заполнялъ безъ ропота и безъ гримась, даже отчасти любуясь на свою отчетливую работу; но если кто-нибудь къ нему обращался, особенно изъ захожихъ по дѣламъ посѣтителей, то онъ медленно поднималъ отъ бумаги черно-каріе глаза, смотрѣлъ устало и отвѣчалъ снисходительно. Сослуживцы звали его, конечно, Пушкинымъ или просто поэтомъ; но въ общемъ любили, не смѣялись надъ нимъ, такъ какъ онъ былъ хорошій человѣкъ.

Въ четыре часа возвращался домой; тогда перерывовъ на обѣдъ не было, да и вообще всюду обѣдали въ пятомъ часу; нынче, говорятъ, пошли заграничныя привычки. Жена встрѣчала его супомъ. Она была добрѣйшей женщиной, только толста, непомѣрно толста, ума же средняго. Александра Терентьевича она очень любила, и вышла за него именно потому, что онъ похожъ на Пушкина, а Пушкина она все-таки читала, особенно стихи.

Вышла-то за Пушкина какъ будто легкомысленно, а получила въ мужья очень сноснаго человѣка, хотя и съ небольшимъ жалованьемъ. Возвратившись домой, онъ надѣвалъ старый пиджакъ и садился за столъ. И всегда, даже за вторымъ блюдомъ, сидѣлъ молчаливо и задумчиво. Необходимое говорилъ, и не дулся или гримасничалъ, а такимъ былъ по своему характеру. Послѣ же обѣда переодѣвался въ знаменитый свой костюмъ — воротникъ, галстукъ, широкіе штаны безъ заглажки, — надѣвалъ плащъ, бралъ широкополую шляпу и книжку — и уходилъ. А жена провожала его любящимъ взглядомъ, болѣе или менѣе коровьимъ.

Она знала, куда онъ идетъ. Никогда итти съ нимъ не напрашивалась, и это оттого, что она понимала, какъ ему важно быть одному. Не задумываясь, а просто по хорошему женскому чувству считала, что таково его

призваніе, какъ бы указаніе судьбы, — быть похожимъ на Пушкина и сидѣть на Тверскомъ бульварѣ противъ памятника. Для чего — неизвѣстно, но ужь значить — такъ сложилась его жизнь. Любящее сердце не позволяеть себѣ критиковать поступки любимаго, а жизнь наша вообще — загадка, и должно въ ней быть что-нибудь особенное. Когда онъ уходилъ, жена думала: «вотъ онъ сидитъ тамъ и всѣ на него смотрять». И на сердцѣ ея становилось легко и пріятно.

А онъ нисколько не рисовался. Онъ тоже чувствовалъ, что въ его судьбѣ есть странность, и что иначе поступать нельзя, какъ, напримѣръ, нехорошо зарывать свой талантъ или уклоняться отъ исполненія общественнаго долга. Иногда и погода была плоха, и не совсѣмъ здоровилось, — а онъ все таки шелъ на бульваръ отбыть положенное время, полчаса или весь часъ. Былъ и тутъ добросовѣстенъ и аккуратенъ, какъ на службѣ въ акцизномъ вѣдомствѣ. Сначала его смущало вниманіе прохожихъ, особенно у самага памятника, гдѣ легче провѣрить сходство. Затѣмъ онъ привыкъ. Обычно сидѣлъ, слегка склонивъ голову, и ловилъ доносившійся шопоть: «посмотрите, вотъ удивительное сходство!» Людей онъ раздѣлялъ на двѣ категоріи: на замѣчавшихъ и ничего не замѣчавшихъ. Первые были образованными и порядочными людьми, а вторые — бессмысленная чернь, чуждая поэзіи. Но никогда онъ не старался самъ какимъ-нибудь жестомъ привлечь на себя вниманіе. Посидѣвъ — шелъ домой въ прежней задумчивости. Придя — переодѣвался, пилъ чай съ баранками, а вечеромъ заполнялъ взятые со службы бланки, а жена рядомъ что-нибудь вязала или вышивала. Хотя она была немногимъ его моложе, но онъ часто почти по-отечески гладилъ ее по головѣ и говорилъ что-нибудь ласковое, и она была очень этимъ счастлива. По воскресеньямъ, по

ея просьбѣ, онъ читаль ей стихи Пушкина, и тогда обомъ казалось, что вотъ онъ читаетъ ей свое, посвященное ей. Такъ что, когда онъ ей читаль, напримѣръ:

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
На пустынные скалы...

— то ей думалось, что вотъ тутъ, во второй строчкѣ, удареніе пожалуй и не правильно, — но сказать, конечно, не рѣшалась, чтобы не обидѣть автора.

Таковъ былъ Александръ Терентьевичъ Телятинъ. Не фигляръ, не актеръ, не заносчивый человекъ, а какъ бы человекъ, отмѣченный перстомъ судьбы, и несшій свою участь безропотно, достойно и вполне скромно.

Мы же были студентами, я и Петька Шулеповъ, тоже юристъ, но большой озорникъ. Я убѣждалъ его, что не стоитъ, выйдетъ какая-нибудь неприятность, но онъ настоялъ на своемъ, а мнѣ, въ общемъ, было тоже любопытно.

Петька подошелъ первымъ, снялъ шляпу, низко поклонился и сказалъ:

— Александръ Сергѣевичъ, отъ имени русской молодежи, воспитанной на вашихъ великихъ произведеніяхъ, и отъ имени всей Россіи, — позвольте выразить вамъ глубочайшую нашу радость, что видимъ васъ опять живымъ и здоровымъ!

Сказавъ, отступилъ на шагъ. Я думалъ: вотъ сейчасъ начнется скандалъ. Петька, правда, здоровякъ и будетъ биться до послѣдней капли крови, но у Пушкина толстая палка.

И вдругъ человекъ, похожій на Пушкина, поднялъ голову, посмотрѣлъ грустными глазами и отвѣтилъ:

— Пожалуйста, благодарю васъ.

Ко всему мы были готовы, а такого простого отвѣта какъ-то не предвидѣли. Даже Петя Шулеповъ смутился и забормоталъ:

— Мы вѣдь это только такъ... Вотъ позвольте представить вамъ моего товарища, онъ тоже стихи пишетъ.

Хотя я стиховъ не писалъ, но пришлось раскланяться, а Пушкинъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

—Очень пріятно... если у кого талантъ.

Тутъ я потянулъ Петьку за тужурку и говорю вполголоса: «идемъ что ли, будетъ» — но онъ шепчетъ въ отвѣтъ: «какъ то теперь неудобно уйти» — и опять къ Пушкину:

— А что, Александръ Сергѣевичъ, можетъ сдѣлали бы намъ честь, зашли бы съ нами выпить пивца? О литературѣ тамъ поговоримъ и о прочемъ.

— Покорно благодарю, съ удовольствіемъ.

Такъ и пошли. Мы по бокамъ, съ почтительнымъ смущеніемъ, а онъ по срединѣ, въ широкой крылаткѣ, волосы въ кудряхъ, голова немножко книзу, — совершенный Пушкинъ. Публика смотритъ съ изумленіемъ.

Въ дверяхъ пивной, пропустивъ его впередъ, немножко задержался, и я спрашиваю Петьку Шулепова:

— На какой чертъ ты его позвалъ, онъ, кажется, сумасшедшій?

— Вотъ вздоръ, здоровый человѣкъ; а можетъ быть онъ и впрямъ Пушкинъ!

— Ну, тогда, значить, ты самъ рехнулся.

— Да будетъ тебѣ! Зайдемъ выпьемъ, а тамъ посмотримъ.

Намъ подали калинкинскаго; пиво плохое, но свирѣпое. А къ нему этакія маленькія бараночки, вродѣ обручальнаго кольца, но съ солью. Особо заказали раковъ.

Человѣкъ — какъ человѣкъ, не смущается, помалкиваетъ, только грустный. Сначала у насъ разговоръ не выходилъ, но скоро пиво помогло. Черезъ полчаса, за которой-то бутылкой, Петька уже кричалъ на всю пивную:

— Вы, Александръ Сергѣичъ, поймите, каково это намъ читать на вашемъ памятникѣ неправильныя строчки! Что это за «прелестью стиховъ я былъ полезенъ» — какая польза отъ прелести? А у васъ какъ написано: «Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу!» Вотъ за это, Александръ Сергѣевичъ, мы васъ и любимъ, мы, русское студенчество. Только вы плохо пиво пьете, а раки нынче очень хороши.

Еще черезъ полъ часа Петька неистовствовалъ:

— Вотъ что, Пушкинъ, ты слушай! Хочешь — сейчасъ пойдешь къ твоему памятнику — и всю надпись къ чорту! Ты мнѣ вѣрь, Саша, я зря не говорю! Ты меня поцѣлуй, Саша, вытри бакены и поцѣлуй, а то какъ ты сосалъ рачью клешню, такъ у тебя и застряла корочка.

Человѣкъ похожій на Пушкина, пилъ пиво большими глотками, ласково кивалъ, иногда отвѣчалъ односложно, цѣловалъ Петю толстыми пушкинскими губами и былъ, повидимому, доволенъ. Только къ концу дюжины пива, я замѣтилъ, что если пьянъ Петя Шулеповъ, если и мое сознание не очень ясно, то нашъ гость совсѣмъ плохъ. То ли онъ не привыкъ пить, то ли мы оглушили его безпардонной болтовней. Голова его склонилась, волосы спутались, галстукъ сбился на бокъ, — и совсѣмъ онъ не былъ теперь похожъ на собственный памятникъ. Особенно пострадала крылатка, нехорошо имъ запачканная, когда мы подымали его изъ-за столика. Однимъ словомъ кончилось это не такъ пріятно, какъ началось.

Адресъ онъ все-таки намъ сказалъ. Усѣвшись въ

пролетку, подъѣхали къ дому въ Мерзляковскомъ переулке. Съ извозчика драгоцѣнный грузъ намъ пришлось тащить обоимъ, а на неистовый Петькинъ звонокъ отперла дверь толстая женщина, ахнувшая при видѣ мужа.

Я еще довольно сносно владѣлъ языкомъ и пытался ей объяснить, что вотъ какая произошла случайность, но что это ничего, даже очень хорошо. Но Петька перебилъ меня восклицаніемъ:

— Па-л-учите! И вотъ, Нат-т-талья Гон... Гончарова, къ чему п-приводитъ легко... легкомысленное п-поведеніе. Мы, На-талья Г-гончаровна, мы его привезли п-прямо съ дуэли, а вотъ это (показалъ на меня) это — самъ Дантесъ, и я ему р-разобью...

— Перестань, Петька, нехорошо!

— Знаю, что нех-хорошо, знаю! И все-же не п-позволю обижать великаго п-поэта!

На завтра мы, посовѣщавшись, чинно и благородно явились на квартиру новаго знакомаго извиняться. Его дома не было, а жена встрѣтила насъ сначала не очень дружелюбно. Но мы были молоды, а Петька хоть и буянъ, — умѣлъ быть галантнымъ и милымъ человѣкомъ. Главное, — мы искренно раскаивались. Посидѣвши минутъ десять и объяснивъ, что во всемъ виноваты были мы и что силой затащили «Александра Сергѣевича» въ пивную, мы смиренненько удалились. И, мнѣ кажется, что была, въ общемъ, довольна жена человѣка, похожаго на Пушкина. Вѣдь все это происшествіе было какъ бы доказательствомъ того, что онъ — человѣкъ особой судьбы, какъ бы отмѣченный рокомъ. А Петька еще догадался ввернуть нѣсколько словъ о ничтожныхъ дѣтяхъ міра, о святой лирѣ и о божественномъ глаголѣ. Удивительно, какъ у этого болтуна все приходилось къ мѣсту!

Очень много — лѣтъ пятнадцать — спустя, послѣ всякихъ житейскихъ скитаній и мытарствъ, въ дни революціи, разрухи и московскаго голода, я везъ однажды на дѣтскихъ санкахъ полтора пуда мерзлой картошки. На улицѣ были сугробы снѣга, а на Тверскомъ бульварѣ дорожка болѣе или менѣе протоптана и для санокъ удобна. И только повернулъ на бульваръ со Страстной площади, какъ почти столкнулся съ человѣкомъ страннаго вида, толстогубымъ, съ полусѣдыми рѣдкими кудрявыми баками, въ легкой, вызеленѣвшей крылаткѣ — это по зимнему-то морозу! Я былъ въ валенкахъ, а онъ въ какихъ-то необычныхъ глубокихъ калошахъ съ мѣховой оторочкой многолѣтней давности. Самъ — сгорбленный подъ кулемъ какого-то зерна, надо полагать — овса или проса.

Въ другомъ мѣстѣ я бы не вспомнилъ, а тутъ, у памятника Пушкина, сразу узналъ человѣка. Теперь о сходствѣ, конечно, смѣшно было говорить — а все-таки что то осталось, вѣроятно, въ глазахъ или въ странности одежды.

Подумалъ сначала — не заговорить ли? Напомнилъ бы ему, какъ подшутили мы надъ нимъ въ студенческіе годы, — вѣдь быть того не можетъ, чтобы онъ поминалъ насъ зломъ. А время сейчасъ такое, что пріятно отвлечь мысли отъ житейскихъ заботъ. Но, посмотрѣвъ на свои саночки, рѣшилъ, что накинуть на нихъ еще его мѣшокъ — будетъ слишкомъ тяжело, видѣть же, какъ онъ надрывается подъ непосильной ношей и забавлять его пріятными воспоминаніями — какъ то нелѣпо. Такъ я и не остановилъ человѣка, нѣкогда похожаго на Пушкина.

Но вотъ что, помню, пришло мнѣ тогда въ голову. Пушкина мы всѣ знаемъ по его молодымъ портретамъ, и умеръ онъ молодымъ. Мнѣ же — и тутъ смѣяться не-

чему! — удалось видѣть его старымъ и несчастнымъ. Потому что вѣдь сходство то, столь разительное, сохранилось бы и въ старости!

И еще я подумалъ: а что этотъ человекъ, пушкинскій двойникъ, испытывалъ, когда измѣнили надпись на памятникъ Тверского бульвара? Вѣроятно, это было для него нѣкоторымъ праздникомъ. Можетъ быть, жена — если еще жива — его поздравляла, а вечеромъ они, послѣ чаю, читали вслухъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу...

Конечно — мысли праздныя. Но не всегда же думать о серьезныхъ дѣлахъ.

МАРИНАДЪ

— Я извиняюсь, гражданинъ...

Мнѣ стало сразу грустно. Три красноармейца, человекъ въ черной кожѣ и гудокъ автомобиля у подъѣзда. Ясно. Все же я попробоваль сдѣлать шагъ впередъ.

— Гражданинъ, я фактически прошу васъ остановиться.

Пришлось фактически остановиться. Менѣ чѣмъ въ четверть секунды припомнилъ, что у меня въ карманахъ, чье письмо осталось на столѣ... Не забыть взять съ собой подушку и сунуть въ башмакъ огрызокъ карандаша... Извѣстить Союзъ Писателей... Помнить, что все это дѣлается для счастья потомства, въ интересахъ соціальной справедливости и гражданской свободы... Передъ увозомъ закусить, такъ какъ до завтра бурды не дадутъ...

— Пожалуйста съ нами въ эту квартиру.

— Я живу выше.

— Не имѣетъ значенія, гражданинъ. Ваше присутствіе необходимо при вскрытіи.

Волосы зашевелились. Дѣло выходитъ хуже обычнаго. Еще четверть секунды на воспоминанія о томъ, ко-

го я могъ убитъ и чей трупъ будутъ вскрывать. Но все же уголовное дѣло лучше политическаго.

— Вы, гражданинъ, не преддомкомъ?

— Нѣтъ, я просто жилецъ.

— Не имѣетъ значенія. Можно и такъ. Потрудитесь удостовѣриться, что печати цѣлы.

На двери квартиры, этажемъ ниже моей, уже съ мѣсяцъ висятъ печати. Жилъ здѣсь врачъ, но куда то исчезъ; говорятъ — убѣжалъ, опасаясь ареста. Квартиру его опечатали, позабывъ потушить электричество. Домовой Комитетъ ходатайствовалъ о временномъ снятіи печатей на предметъ поворота выключателя, но совдепъ не разрѣшилъ. Такъ и свѣтились окна всю ночь.

Отлегло отъ души: вскрываютъ не трупъ, а квартиру. А я не преступникъ, а свидѣтель. Приободрился, повеселѣлъ, осмотрѣлъ печати:

— Да, все въ порядкѣ.

— Фактически удостовѣрились, гражданинъ? Во избѣжаніе въ будущемъ нареканій на власть.

— Фактически.

— А-атлично. Петъ, ломай печати къ чортовой матери!

Петъ, красноармеецъ, сломалъ печати. Ключа не было, но шофферъ далъ ломикъ, вродѣ фомки, и показалъ, какъ дѣлается.

— Дверь, гражданинъ, заперта, по какой причинѣ отворяемъ при помощи орудій производства.

— Можно бы ключъ въ Домкомѣ попросить.

— Времени, гражданинъ мало; не до ключа.

— Вы тамъ электричество потушить хотите?

— Объ электричествѣ ордера нѣтъ, хотя, конечно, потушимъ, если что горитъ. Мы же на предметъ реквизиціи.

Петь, очень добродушный красноармеецъ, пояснилъ:

— У насъ насчетъ небели мандатъ, для домашняго театра. Цѣльный списокъ имѣемъ. Вотъ товарищъ комиссаръ намъ выдастъ. А вы, значить, за понятого.

Вошли въ квартиру. Обстановка очень хорошая. Столовая карельской березы, гостиная со всякими пуфами и интимными уголками. Кабинетъ серьезный, дѣловой. Шкапъ съ медицинскими книгами, другой съ инструментами, третій запертъ на ключъ. На стѣнахъ недурныя картины, оригиналы скромныхъ художниковъ.

— Ну, Петь, забирай, что надо. Гдѣ списокъ вашъ? Вы, гражданинъ, извольте удостовѣриться, что все по списку. Номеръ первый: четыре картины. Забирай, Петь, и выносите, времени у насъ мало.

— А какія брать то? Вонъ ихъ сколько.

Красноармеецъ постарше предложилъ:

— Бери, которыя побольше и повиднѣе.

Но Петь колебался.

— Вы, гражданинъ, не посовѣтуете намъ, которыя брать?

— А вамъ для чего картины?

— Все для театра. Только я вотъ не помню, на какой намъ ляхъ картины.

Мы обошли комнаты. Въ спальнѣ и въ прихожей висѣли нелѣпыя полотна въ золоченыхъ рамахъ. Я посовѣтовалъ остановиться на нихъ: и ярко, и здорово.

Отобрали три, а четвертую Петь облюбовалъ въ кабинетѣ. Сняли со стѣны.

— Ну, теперь тащи ихъ на машину. Слѣдующій номеръ: столъ столовый одинъ.

— Намъ бы взять тотъ, писчебумажный, изъ кабинета.

— Сказано — столовый, значить, этотъ и бери. Тотъ для учрежденія потребуется.

— Этотъ то жалко брать, онъ отъ цѣльной обстановки; что-жъ ее разрушать.

— Есть что жалѣть, буржуазную мебель. Бери, что по списку указано. Того стола я фактически не могу позволить. Вотъ, пускай, гражданинъ, самъ убѣдится.

— А намъ первое дѣло занавѣски нужны.

— Занавѣски? Тутъ занавѣски не показаны въ спискѣ.

— Какъ же не показаны. Вотъ, пусть гражданинъ-понятой провѣритъ.

Я взялъ списокъ, читаю:

«Четыре гардины, столъ для столовой одинъ»...

Объясню:

— Вы, гражданинъ комиссаръ, ошиблись. Сказано «четыре гардины», а не картины. Гардины, это и есть занавѣски.

Петъ обрадовался:

— Вотъ я тоже и говорю! Намъ главное дѣло въ занавѣскахъ.

— Ага. Такъ, значить, гардины. Это и есть... Эй, товарищъ шофферъ, назадъ картины. Не нужно. Сымай, Петъ, тряпки съ оконъ. Напишутъ тоже, черти, и не разберешь.

Еще отобрали зеркало, ломберныхъ столиковъ два, креселъ кожаныхъ два, коверъ и умывальникъ.

— Зачѣмъ вамъ умывальникъ для театра?

— Ну это уже такъ, для удобства. Что бы умываться. Для полной обстановки.

Списокъ конченъ. Петъ умаялся. Его товарищи разсѣлись на диванѣ и тушатъ папиросы объ исподнюю часть стола, а не то, что бы обо что попало. Одинъ вышелъ плюнуть въ переднюю.

— А славно буржуи живутъ. Я бы такъ пожилъ.
Комиссаръ замѣтилъ:

— Несообразно рабоче-крестьянскимъ интересамъ; хотя безусловно удобно. Кабинетъ, напимѣръ, отличный для серьезныхъ занятій.

Въ кабинетѣ порылись по ящикамъ; любопытнаго было мало. При помощи того же фомки вскрыли шкафъ — и ахнули.

— Вотъ это запасы! — сказалъ Петъ.

— Что же тутъ у него припрятано? — заинтересовался и комиссаръ. — Вотъ, гражданинъ, потрудитесь взглянуть. Банки стоятъ, а что въ банкахъ...

Петъ вскрылъ банку и понюхалъ.

— Ребята, да это спиртъ!

Оживились всѣ. Перенюхали банку за банкой. Даже комиссаръ не скрылъ удовольствія:

— Спиртъ безусловный. И не воняетъ ничѣмъ особымъ. Однако, что въ немъ плаваетъ? Вотъ, гражданинъ, не потрудитесь ли удостовѣрить находку. А главное не вредно-ли. Отравы нѣтъ-ли?

Я прочелъ латинскую надпись на банкѣ и охотно удостовѣрилъ:

— Нѣтъ, это вреднымъ не должно быть.

— Маринадъ какой?

— Вродѣ маринада.

— А если попробовать?

— Не знаю. Какъ вамъ понравится. Вреда, конечно, не будетъ.

Комиссаръ подумалъ и сказалъ рѣшительно:

— Придется законфисковать и реквизировать. А ты, Петъ, попробуй на языкъ.

— Кабы чего не вышло.

— Вонъ гражданинъ говоритъ, что вреда не будетъ. Соблазнъ былъ силенъ; Петъ сначала лизнулъ язы-

комъ краешекъ банки, затѣмъ пригубилъ, наконецъ отпилъ глотокъ, крякнулъ и вытеръ рукавомъ губы.

— Спиртъ какъ есть, настоящій. А на чемъ настоенъ — не разберешь. Плаваетъ что то.

Попробовалъ и комиссаръ.

— Натуральный спиртъ. А что же тутъ написано? Вы, гражданинъ, по иностранному знаете?

— Знаю.

— Окажите помощь власти, гражданинъ. Объясните намъ, а мы въ протоколъ запротоколимъ.

Изъ простого понятого я былъ повышенъ въ эксперты.

— Вотъ тутъ, товарищи, написано «солитеръ».

— Это что же?

— Это вродѣ глиста, только не круглый, а ленточкой.

— Тѣфу, — сказалъ Петъ. — Это который мы пили?

— Нѣтъ, другой.

— Ну, слава тебѣ, а я испугался. А на нашемъ что?

— На вашемъ... какъ бы вамъ объяснить... Вродѣ маленькаго человѣка; по четвертому мѣсяцу выкидышъ.

Шофферъ, что стоялъ въ дверяхъ, такъ и лопнулъ отъ хохота, вродѣ резиновой шины. Петъ остолбенѣлъ, а комиссаръ пришелъ въ негодованіе.

— Я извиняюсь, гражданинъ, но вы за это отвѣтите. Я васъ фактически спрашивалъ...

— Вы спрашивали, не повредить ли. Я вамъ отвѣтилъ, что ничего вреднаго тутъ нѣтъ.

— Этакую мерзость давать людямъ пить.

— Кто же васъ заставляетъ. Я тутъ не при чемъ.

Петъ пришелъ въ себя, долго вытиралъ губы, сплевывалъ на коверъ и пугливо косился на шкапъ съ банками.

— А ничего отъ этого внутрѣ не станетъ?

Шофферъ оскалилъ зубы:

— Смотри, не забеременѣй.

Подошелъ къ шкапу, похлопалъ дверцу, и жалостливо прибавилъ:

— Эхъ, добра то сколько загублено. И на что! На паршивыхъ на глистовъ, да на бабье непотребство. Ужъ дѣйствительно!

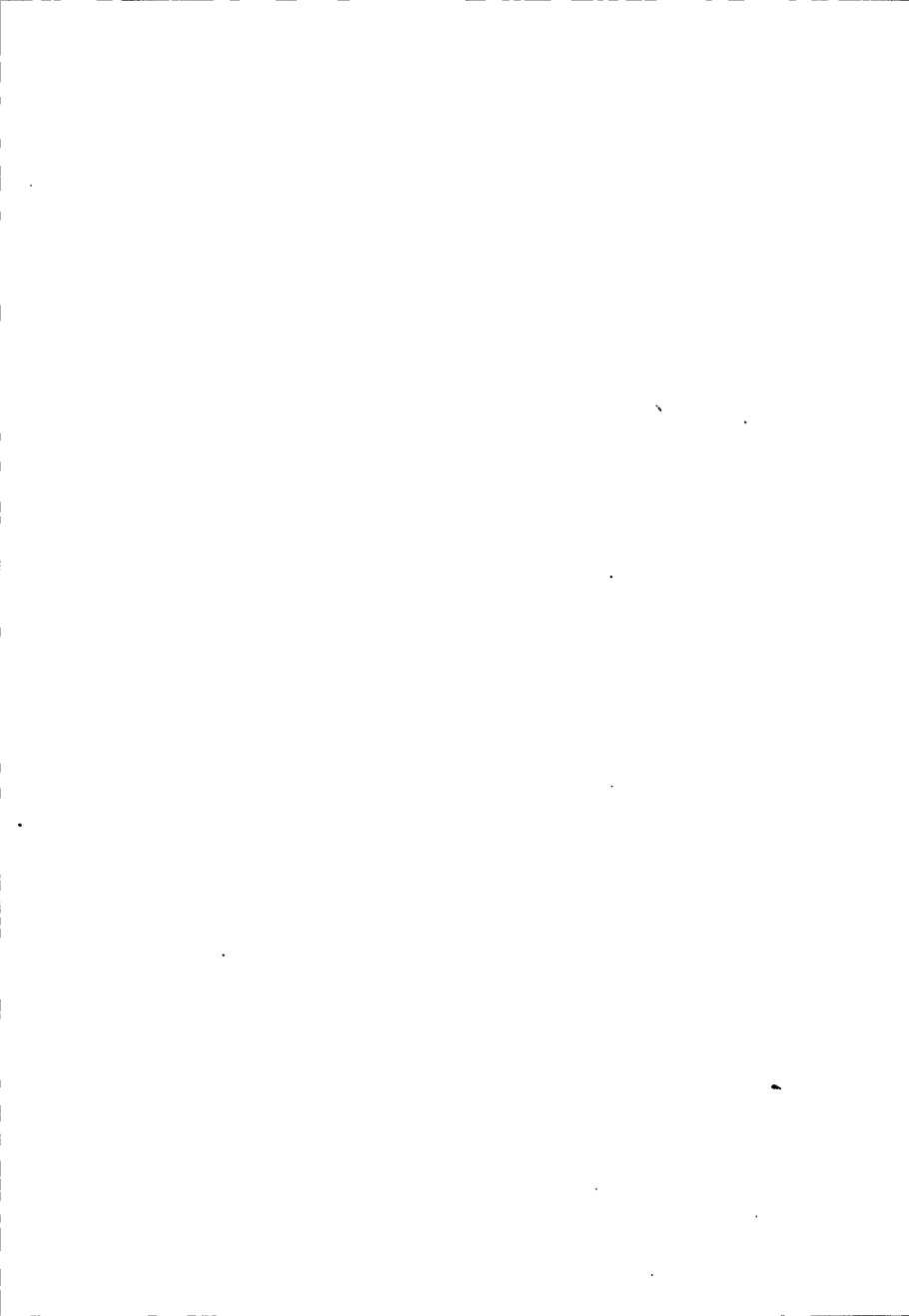
Изъ сосѣдней комнаты насъ позвалъ комиссаръ:

— Вотъ, гражданинъ, соблаговолите расписать фамилію подъ спискомъ, что все изъ квартиры забрано согласно мандата.

Я подписался.

Мы вышли. Дверь снова опечатали. Поднявшись въ свой этажъ, я услыхалъ гудокъ отъѣзжавшаго грузовика.

А вечеромъ, выйдя подышать воздухомъ, увидалъ освѣщенные окна квартиры бѣглаго врача. Электричество такъ и забыли погасить.

ПУСТОЙ, НО ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Молодой человекъ въ совершенно новомъ пальто и желтыхъ перчаткахъ сидѣлъ въ вагонѣ метро. Онъ недавно прѣхалъ изъ Россіи и скоро возвращался. Пальто купилъ въ Бэль Жардиньеръ, перчатки на Капуцинскомъ Бульварѣ. Быть въ Европѣ очень пріятно, особенно въ Парижѣ, хотя жизнь настоящая не здѣсь, а дома, въ Россіи. Мудреная жизнь, но своя. Пріятно будетъ и вспомнить, какъ жилъ въ Европѣ; можетъ быть, еще какъ нибудь удастся побывать. И любопытно, какъ невольно поддаешься культурѣ, пріучаешься держаться и вести себя по европейски! Въ числѣ прочаго, молодой человекъ зналъ, что европейцы носятъ перчатки на обѣихъ рукахъ и уступаютъ мѣсто дамамъ.

Вообще зналъ, но частности иногда ускальзывали. Что значить, напримѣръ, дамамъ? А дѣвушка-подростокъ, напримѣръ, тоже — дама, уступать ей? Нужно, чтобы не вышло смѣшнымъ — европеецъ не долженъ быть смѣшнымъ. Такъ какъ другіе (настоящіе европейцы, французы) дѣвочкамъ мѣста не уступали, то не уступалъ и молодой человекъ, фамилія котораго была Коняевъ, Григорій Васильевичъ. Пожилымъ же дамамъ

непремѣнно уступалъ, дамѣ съ ребенкомъ — обязательно, быстрѣе обычнаго вскакивая и касаясь шляпы. И еще уступалъ тѣмъ дамамъ, которымъ какъ то невольно уступишь: замѣтнымъ дамамъ, интереснымъ, и тѣмъ, которыя смотрять вопросительно. Но все таки твердыхъ правилъ на этотъ счетъ нѣтъ; и сами французы какъ то не отчетливо поступаютъ.

Рядомъ съ молодымъ человѣкомъ сидѣлъ плотный и почтенный французъ съ красной розеткой: орденъ почетнаго легіона. Коняевъ, косясь на красную пуговку, думалъ:

— Какъ странно, что красная. У насъ было бы понятно, даже какъ то обязательно. Но вотъ и у нихъ тоже красная.

Коняевъ не былъ коммунистомъ. Просто былъ способнымъ молодымъ человѣкомъ, спецомъ по технической части. Приѣхалъ по командировкѣ — для изученія чего то, вродѣ электрофикаціи, и для закупки книгъ по специальности.

И вотъ вошла въ вагонъ старуха, но не дама, а вродѣ консьержки, безъ шляпы, съ прической, на которой можетъ держаться и бѣльевая корзина. Одѣтая чисто, но все таки не дама. И очень пожилая. И молодой человѣкъ, который за собой очень слѣдилъ, смутился.

Потому что неизвѣстно — какъ быть? Съ одной стороны, дама или простая женщина — какая же разница, а ужъ тѣмъ болѣе съ нашей точки зрѣнія, для гражданина страны, гдѣ, принципиально разсуждая, барство отмѣнено. Что другое у насъ плохо, а это, во всякомъ случаѣ, хорошо. Эта демократичность у насъ, дѣйствительно, чувствуется, вошла въ жизнь. Значить... да... но съ другой стороны, здѣсь свои обычаи... какъ бы не вышло демонстраціи. И вообще — уступаютъ ли французы въ метро мѣсто консьержкамъ? Приходится примѣ-

няться къ чужимъ обычаямъ, и европеецъ не долженъ быть смѣшнымъ.

Рѣшить нужно было быстро, а рѣшить трудно. И разъ не всталъ сразу — какъ то ужъ и странно вставать, точно думаль — и наконецъ надумаль.

И молодой человѣкъ спасоваль: опустилъ голову, какъ будто не видитъ, что передъ нимъ стоитъ старая женщина.

Тогда случилось слѣдующее: кавалеръ ордена почетнаго легіона всталъ, приподнялъ котелокъ и сказалъ обычное въ такихъ случаяхъ:

— Вуле ву, мадамъ...

И такъ рѣшительно сдѣлалъ это, что старушка забормотала «мерси, мосье, мерси» и сѣла рядомъ съ приѣзжимъ изъ Россіи спецомъ Коняевымъ, Григоріемъ Васильевичемъ, молодымъ человѣкомъ въ желтыхъ перчаткахъ.

И хлынуло въ душу молодого человѣка ощущение провала, гибели. Сначала смущенье, острый стыдъ, а потомъ сейчасъ же ненависть родилась въ душѣ его.

Стыдъ родился потому, что именно онъ, русскій, изъ страны, гдѣ плохого много, но, дѣйствительно, этихъ дурныхъ сторонъ, этого барства нѣтъ, потому что жизнь какъ то всѣхъ сравнивала, перестали обращать вниманіе на одежду, — и вотъ именно онъ и унизилъ себя, мужества не хватило, не уступилъ мѣста старой простой женщинѣ, испугался, что сдѣлаетъ смѣшное съ ихъ европейской точки зрѣнія. Стыдно это! Ненависть же родилась потому, что стыдъ былъ непереносенъ. Иначе, какъ ненавистью, его не зальешь.

И прежде всего ненависть къ проклятому господину съ орденской ленточкой. Потомъ сейчасъ же и ко всей Европѣ. Сразу радость померкла и захотѣлось домой, въ Москву. Чужая страна, и люди кругомъ сидятъ

чужіе, и смотрятъ на него безъ улыбки, упорно, — что вотъ онъ, молодой человѣкъ, не всталъ, а пожилой и почтенный, кавалеръ ордена, тотъ всталъ, уступилъ. И сидятъ кругомъ, дѣйствительно, женщины, а мужчины стоятъ.

Ужасно на душѣ стало гадко.

Все въ ней, въ Европѣ, ложь и условность. Подчеркиваютъ свою воспитанность. И навѣрное этотъ господинъ все равно, на первой станціи выходить. И гадость эту сдѣлалъ по дешевому тарифу. >

Но господинъ не вышелъ, а прислонился къ двери и продолжалъ читать газету. И еще холоднѣе стало на сердцѣ у Коняева, Григорія Васильевича, пріѣзжаго изъ Россіи спеца по электрофикаціи. Подъ желтыми перчатками стало потно, и царапало шею новое пальто отъ Бэль Жардиньеръ. Вообще все стало противнымъ.

И такъ захотѣлось: вотъ бы подрались французы въ вагонѣ, или кто нибудь наплевалъ на полъ!

Чортъ же на ухо шепталъ:

— Эхъ ты, хамъ невоспитанный, азіать. Для старушки себя пожалѣлъ. А французъ, буржуй, и уже пожилой, да еще съ красной розеткой, — просто всталъ и уступилъ. Теперь стоитъ и на тебя смотреть. И всѣ на тебя смотрятъ, думаютъ: вѣроятно изъ Россіи пріѣхалъ такой, невѣжа, невоспитанный, не европеецъ. Все, что угодно — а не европеецъ.

Очень, очень скверно было на душѣ Коняева, Григорія Васильевича, спеца.

Изъ за такого, въ сущности, пустяка, а такъ скверно, что невыносимо! Всталъ и на первой станціи вышелъ. Станція была Энвалидъ, а ему нужно, собственно, ѣхать до Опера. Но не могъ — такъ мерзко было на душѣ!

Въ Россіи онъ былъ простымъ гражданиномъ, не коммунистомъ, и къ Европѣ онъ хорошо относился, меч-

чалъ о ней, — вотъ и пріѣхалъ. И чувствовалъ себя пріятно здѣсь — до этого случая. А вотъ теперь шель по улицѣ и всѣхъ ненавидѣлъ:

— Чортъ бы васъ всѣхъ... Сплошное лицемѣріе... Все на показъ...

Если бы полъ Парижа провалилось, или бы революція случилась, — обрадовался бы сейчасъ этому Коняевъ, Григорій Васильевичъ, изъ Москвы.

Чортъ же продолжалъ ему шептать:

— Оттого и злишься, что хамъ невоспитанный. Надѣлъ желтыя перчатки и думаешь — европеець. Этого мало, перчатки, да что на полъ не плюешь. Вотъ и злишься. Оскандалился и злишься!

Очень гадко было на душѣ Коняева. Зашель въ баръ, выпилъ бока пива, — пиво дрянъ, и всѣ смотрять. Чортъ бы ихъ всѣхъ...

Когда вернулся онъ въ отель, приличный и скромный, то снялъ пальто, швырнулъ на полъ желтыя перчатки, сѣлъ въ кресло, — ну просто захотѣлось ему плакать или застрѣлиться, — а вѣдь, въ сущности, изъ за такой ерунды! И былъ испорченъ весь день. А день былъ солнечный, и уже мало дней оставалось на Парижъ.

Вечеромъ писалъ письмо въ Россію, женѣ. Вотъ изъ письма отрывокъ:

«Знаешь, я что то очень заскучалъ по Россіи, даже раздумалъ хлопотать о продленіи визы. И удобно тутъ, и покойно, и интересно, а не могу, не лежитъ душа. Чувствуется ложь какая то, показная добродѣтель, виѣшнее все. Давитъ меня это. Пусть тутъ все тонко и вылощено, — но чуждо намъ, Манечка, душа тоскуетъ по родной грубости и грязи. Нѣтъ, право. Холодно тутъ и какъ то одиноко что ли»...

Былъ Григорій Васильевичъ Коняевъ человѣкъ въ

общемъ прямодушный и честный. И потому дальше написалъ:

«А впрочемъ, самъ не знаю точно, что со мной. Просто — соскучился и на душѣ дрянно. Чужая хорошая жизнь раздражаетъ. Злюсь на всѣхъ и на все. Нѣтъ, мы не европейцы — можетъ быть это и хорошо; а можетъ быть и скверно. Вообще чувствую, что не засижусь. Ну, ее Европу, — дома лучше».

Потомъ легъ спать подъ чистую, холодную простыню, свѣтъ погасилъ. А не спится. Начнетъ дремать — и опять мысль на то же возвращается, на эту чепуху, что вышла въ вагонѣ. Самъ себя видитъ, что вотъ — привсталъ, снялъ передъ старушкой шляпу, уступилъ мѣсто... И такъ было бы на душѣ хорошо. Если бы тотъ господинъ, съ красной розеткой, не всталъ раньше, можетъ быть все-таки... И болѣзненно морщился Коняевъ, спець, натягивая простыню до самага носа. Не спится...

Пробовалъ думать о равноправіи женщинъ, т. е. о томъ, что въ Россіи женщину уважаютъ, какъ всякаго другого, и дѣло не въ расшаркиваньи. Пробовалъ говорить себѣ: «да ну, стоитъ изъ за такой дребедени...» А дребедень все не выходитъ изъ головы. И это очень мучительно. И опять злость подступила: вотъ бы этому французу съ розеткой въ морду бы... ктонибудь заѣхалъ. И стало бы ему, Коняеву, Григорію Васильевичу, сразу легче. Ужасно гадкое состояніе.

Потомъ все же заснулъ. На утро полегчало; вспомнилъ, но безъ прежней остроты.

Больше въ вагонахъ метро не садился, а на ногахъ ѣздилъ, даже если далеко. Какъ бы изъ гордости.

А когда уѣхалъ въ Россію, — увезъ съ собой осадокъ обиды какой то.

Кажется — пустякъ, вздоръ, а вотъ какъ мучался человекъ изъ за этого.

ПЕНСНЭ

Что вещи живутъ своей особой жизнью — кто же сомнѣвается? Часы шагають, хворають, кашляютъ, печка мыслить, запечатанное письмо подмигиваетъ и рисуется, раздвинутыя ножницы кричатъ, кресло сидить, съ точностью копируя стараго толстаго дядю, книги дышатъ, ораторствуютъ, перекликаются на полкахъ. Шляпа, висящая на гвоздѣ, непременно передразниваетъ своего владѣльца, — но лицо у нея свое, забулдыжно-актерское. У висящаго пальто всегда жалкая душенка и легкая нетрезвость. Что-то паразитическое чувствуется въ кольцѣ, и особенно въ серьгахъ, — и къ нимъ съ замѣтнымъ презрѣніемъ относятся вещи — труженники: демократическій стаканъ, реакціонная стеариновая свѣчка, интеллигентъ-термометръ, неудачникъ изъ мѣщанъ — носовой платокъ, вѣчно юная и суетливая сплетница — почтовая марка.

Отрицать, что чайникъ, этотъ добродушный комикъ, — живое существо, можетъ только совершенно нечуткій человѣкъ; именно чайникъ, такъ какъ кофейникъ, напимѣръ, живетъ жизнью менѣе индивидуальной и замѣтной.

Но особенно меня всегда занимала одна любопытная черточка въ жизни вещей — не всѣхъ, а нѣкоторыхъ. Это — страсть къ путешествіямъ. Таковы — коробка спичекъ, карандашъ, мундштукъ, гребенка, шейная запонка, еще нѣкоторыя. Много лѣтъ внимательно и любовно изучая ихъ жизнь, я сначала предположилъ, а впослѣдствіи убѣдился, что эти вещи время отъ времени уходятъ гулять — на минуту, на часъ, иногда на очень долгій срокъ. Есть случаи историческіе (семисвѣчникъ, голубой брилліантъ, историческій трудъ Тита Ливія и пр.), но въ такихъ исчезновеніяхъ отчасти замѣшана человѣческая воля, случай, злой умыселъ; на примѣръ мелкихъ вещицъ легче установить полнѣйшую самостоятельность поступковъ.

Обычно такія исчезновенія мы объясняемъ то своей разсѣянностью, то чужой неаккуратностью, а нерѣдко и кражей. Раньше я и самъ такъ думалъ, и, не приди мнѣ въ голову понаблюдать жизнь вещей безъ предвзятаго представленія объ ихъ пассивности и «неодушевленности», — я бы и по сейчасъ думалъ такъ элементарно.

Всѣ читающіе въ постели знаютъ, съ какой настойчивостью «теряется» въ складкахъ одѣяла карандашъ, разрѣзной ножикъ, коробка спичекъ. Привычнымъ жестомъ вы кладете на одѣяло карандашъ. Черезъ минуту — карандаша нѣтъ. Вы шарите, ищете, злитесь — нѣтъ и нѣтъ. Откидываете простыни, смотрите подъ подушкой, на коврикъ, на столикъ, — нѣтъ нигдѣ. Ворча встаете, лѣзете ногами въ туфли, заглядываете подъ постель, находите тамъ спички, запонку, открытое письмо — но карандаша нѣтъ. Ежась отъ холода, вы плететесь къ столу, берете другой карандашъ (обычно, онъ оказывается неочиненнымъ), чините его, возвращаетесь. Подоткнувъ подъ себя одѣяло, чтобы согрѣться, вы, нако-

нецъ, берете книжку, отложенную потому, что не чѣмъ было отчеркнуть нужное мѣсто. Раскрываете книжку — карандашъ въ ней.

Ясно, что самъ попасть онъ въ нее не могъ, — но не менѣе ясно, что вы его туда не положили, не могли положить.

Обычно, мимо такихъ фактовъ проходятъ, не придавая имъ значенія. Напрасно! Вглядывайтесь внимательно, и вамъ откроется цѣлый новый мѣръ вещей, живущихъ параллельно той жизни, которую мы для нихъ выдумали.

Я помню поразительный случай съ моимъ пенснэ, — простое пенснэ, безъ оправы: два стекла и легкая дужка.

Сидя въ креслѣ у стѣны, я читалъ; на новой главѣ хотѣлъ протереть стекла, вынулъ платокъ, и вдругъ — пенснэ исчезло. Опытный въ этихъ дѣлахъ, я обыскалъ не только всѣ карманы, складки одежды, щели въ креслѣ, маленькій столикъ рядомъ, листы книжки, — все рѣшительно. Пенснэ не было нигдѣ; не быть и раньше не могло, такъ какъ я очень дальнзорокъ и мелкой печати безъ стеколъ не разбираю.

Не подумайте, что пенснэ мое оказалось на носу; въ такихъ случаяхъ я прежде всего ощупываю переносицу; на ней были двѣ свѣжія ямки — и ничего больше. Я отодвинулъ кресло, осмотрѣлъ на немъ всѣ кисточки и пуговики, о которыхъ Кузьма Прутковъ сказалъ, что онѣ выдуманы самымъ глупымъ на свѣтѣ человѣкомъ, — и все безплодно.

Это было настолько чудовищно и нелѣпо, что я раздѣлся, встряхнулъ одежду, самъ подмелъ паркетъ отъ стѣны до самой середины комнаты. Усомнившись въ себѣ, я обыскалъ письменный столъ въ сосѣдней комна-

тѣ, заглянулъ на вѣшалку, стыдливо пробѣжалъ глазомъ по ванной, — все было напрасно.

Тогда я вспомнилъ, что ясно слышалъ звукъ паде-
нія пенснэ; я еще порадовался, что — судя по звуку —
оно не разбилось. И вотъ я снова ползаю по полу, смот-
рю сбоку, смотрю снизу, смотрю сверху, топаю ногами
— чтобы хоть раздавить его, проклятое, и наконецъ
успокаиваюсь. Ни-ка-кихъ!

Такъ и исчезло — какъ провалилось. Но въ паркетѣ
не было ни единой щелочки.

Прошла недѣля или больше. Про этотъ случай я не
забылъ, и много разъ о немъ рассказывалъ, показывая
и мѣсто происшествія. Какъ обычно, скептики смѣялись,
практики перещупывали кресло и осматривали полъ,
прислуга перетерла тряпочкой всѣ предметы, вымела
всѣ пылинки и даже вымыла черную лѣстницу (до слѣ-
дующаго этажа). Вся квартира обновилась, посвѣжѣла
— но пенснэ не было.

Одинъ мой знакомый, заинтересовавшись случаемъ,
хотѣлъ дойти до разгадки индуктивнымъ способомъ.
Онъ записалъ номеръ пенснэ, начертилъ планъ комна-
ты, отмѣтивъ разставленную мебель, спросилъ нѣтъ ли
у меня въ квартирѣ обезьяны, кошки или сороки, гдѣ я
провелъ вечеръ наканунѣ, — и цѣлый день мыслилъ,
пользуясь главнымъ образомъ, методомъ исключенія.
Къ вечеру, недовѣрчиво и недружелюбно подавъ мнѣ
руку, онъ ушелъ. Жена его рассказывала потомъ, что
онъ стоналъ всю ночь. Раньше это былъ спокойный че-
ловѣкъ, умѣренныхъ политическихъ убѣжденій, зна-
токъ испанской литературы.

И вотъ сидѣлъ я однажды въ томъ же креслѣ у той
же стѣны, лишь съ другой книжкой, по обыкновенію
отчеркивая карандашемъ наиболѣе умныя и наиболѣе
глупыя мѣста. На носу у меня было уже другое пенснэ,

новенькое, тугое, раздражающее. И вдругъ — разъ! — и падаетъ карандашъ. Перепуганный (не шутя! тутъ любопытнѣйшее психическое переживаніе!) я бросаюсь вдогонку. Мнѣ почему то представилось, что и карандашъ долженъ безслѣдно исчезнуть. Но онъ лежалъ спокойно у стѣны, и... рядомъ съ нимъ, смирененько, плотно прижавшись стоймя къ стѣнѣ, блеснули два стекла съ тоненькой дужкой.

Вы можете, конечно, смѣяться и утверждать, что я слѣпъ (это неправда! я дальнозорокъ, но вижу отлично), что слѣпы всѣ мои знакомые, слѣпа прислуга, ежедневно подметавшая каждый вершокъ пола, что это просто курьезный случай и прочее. Реалистически мыслящій человѣкъ имѣетъ на все готовый отвѣтъ. Но нужно было видѣть фізіономію моего пенснэ, вернушагося изъ дальней прогулки, чтобы понять, что это — не случай и не недоглядка.

Еще поблескивая мутными, запыленными стеклами, жалкое, виноватое, словно вдавленное въ стѣнку, оно являло картину такого рабскаго смиренія, такой трусости, точно не оно — наѣздникъ моего носа, точно не я безъ него, а оно безъ меня не можетъ существовать.

Гдѣ оно шлялось? Что оно перевидало (конечно въ преувеличенномъ видѣ!)? И чѣмъ объяснить такую странную привязанность вещей къ человѣку, заставляющую ихъ возвращаться, хотя бы имъ удалось такъ ловко обмануть его бдительность?

На всѣ эти вопросы отвѣтить трудно. Но что пенснэ мое гуляло, и гуляло долго, до изнеможенія, до пресыщенія и страшной душевной усталости, — въ этомъ я, свидѣтель его возвращенія, сомнѣваться не могу.

Я сильно наказаль гуляку. Я заставилъ его простоять у стѣны еще нѣсколько часовъ, показалъ его при-

слугѣ, знакомымъ, отъ которыхъ, впрочемъ, не услыхаль ничего, кромѣ плоскихъ рационалистическихъ разсужденій о томъ, какъ оно «странно упало». Дѣйствительно странно! Почему то съ людьми этого никогда не случается!

Мой знакомый, знатокъ испанской литературы, нѣсколько позже довелъ до моего свѣдѣнія, что въ цѣпи его логическихъ разсужденій была допущена ошибка: онъ искалъ пенснэ, какъ предметъ плоскій (?!), лишь въ двухъ измѣреніяхъ, между тѣмъ, какъ оказалось оно именно въ третьемъ. По моему это — чепуха.

Между прочимъ, кончило это пенснэ трагически. Въ тотъ же вечеръ, снявъ съ верхней полки пыльную папку рукописей, я чихнулъ; пенснэ упало плашмя на полъ и разбилось въ мельчайшіе осколки.

Пусть это будетъ случайностью — мнѣ такъ легче думать. Я былъ глубоко огорченъ, если бы были объективныя данныя считать этотъ «случай» самоубійствомъ. И что могло побудить эту, въ сущности своей кристальную душу на роковой шагъ? Прогулка по свѣту? Преувеличенный на одну діоптрію взглядъ на міръ? Или тотъ публичный позоръ, которымъ я оставилъ возвращеніе моихъ загулявшихъ стеклышекъ?

Мнѣ жаль бѣдняжку! Мы долго жили дружно и вмѣстѣ прочли много добрыхъ и глупыхъ книгъ, въ которыхъ людямъ приписываются и страсти, и разумъ, и сознательность поступковъ, а вещамъ отказывается въ правѣ на малѣйшее волеизъявленіе, на мельчайшее проявленіе индивидуальности.

ПОРЯДОКЪ РАЗСКАЗОВЪ:

Земля	7
Портретъ матери	31
Дневникъ отца	41
Часы	57
Вещи человѣка	67
Мумка	73
Въ юности	85
Рыболовъ	99
Бабушка и внучекъ	107
Чудо на озерѣ	117
Игрокъ	129
Террористъ	139
Клиентъ	149
Апелляціонная жалоба	159
Человѣкъ, похожій на Пушкина	173
Маринадъ	183
Пустой, но тяжелый случай	191
Пенснэ	197

ДРУГИЯ КНИГИ МИХ. ОСОРГИНА

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ, Москва 1912
(распр.).

ПРИЗРАКИ (Три повѣсти), Москва 1917 (распр.).

СКАЗКИ И НЕСКАЗКИ, Москва 1918 (распр.).

ПРИНЦЕССА ТУРАНДОТЪ, Москва 1923.

ИЗЪ МАЛЕНЬКАГО ДОМИКА, Рига 1921.

СИВЦЕВЪ ВРАЖЕКЪ, Парижъ 1928 (2-е изд. 1929).

ТАМЪ, ГДѢ БЫЛЪ СЧАСТЛИВЪ, Парижъ 1928.

ВЕЩИ ЧЕЛОВѢКА (библиоф. изд.), Парижъ 1929.

ПОВѢСТЬ О СЕСТРѢ, Парижъ 1931.

IMPRIMERIE «PASCAL», 13, RUE PASCAL, PARIS-5*